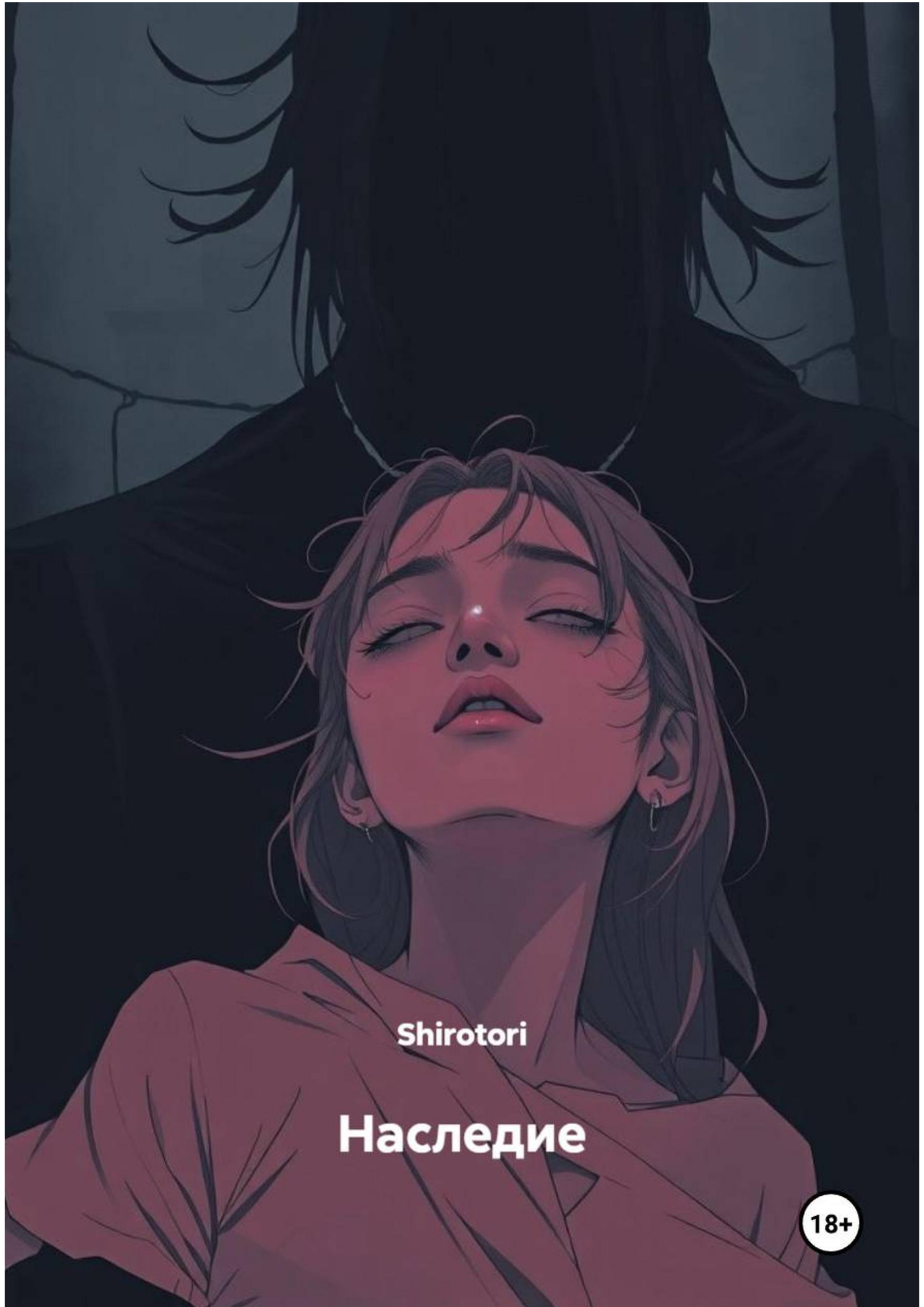

Shirotori

Наследие

18+

Shirotori
Наследие

«Автор»

2026

Shirotori

Наследие / Shirotori — «Автор», 2026

Мира — обычная студентка-филолог, привыкшая доверять только сухим академическим фактам и этнографическим справочникам, неожиданно сталкивается с понятием родового долга. Её привычный мир Яви рушится в один миг, когда на пороге сибирского терема сгущается тягучий, хищный туман. Брат Всеволод, годами боровшийся с наркотической зависимостью, судорожно пытается убедить её в существовании древних духов тайги, но девушка до последнего верит, что это лишь очередной бред его воспалённого разума. Однако изнанка реальности оказывается куда страшнее любых галлюцинаций. Капризный мистический мир захлопывает ловушку, и ведьмаки оказываются заперты под одной крышей с теми, чьи имена веками боялись шептать в глухих деревнях. Столкнувшись лицом к лицу с монолитным, хмурым Хранителем Чёрного леса, Мира понимает: пути назад нет. Её собственная кровь откликается на раскаты подземного железа, заставляя холодный прагматизм разума бороться с манящим, смертельно опасным влечением новой судьбы.

© Shirotori, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Shirotori

Наследие

Глава

Персонажи:

Мирослава — вещая (ведьма)

Алина — подруга-студентка

Всеволод — вещий (брат-ведьмак)

Лесь — леший

Купава — речная русалка

Бора — водяной

Воронков — ворон (вестник смерти)

Тина — кикимора

Артур — переруг

Лилея — болотница

Сварга (зона вне времени)

Род — создатель вселенной

Макошь — богиня Судьбы и Пряха мироздания

Доля — Пряха лада, света и удачи (*дочь Макоши*)

Недоля — Пряха хаоса, увядания и потерь (*дочь Макоши*)

Правь (закон и порядок)

Сварог — кузнец, сковал землю и установил законы (*сын Рода*)

Числобог — бог времени, букв, циклов (*сын Рода*)

Белобог — бог света, удачи, добра (*сын Рода*)

Перун — бог грома и молний, покровитель воинов (*сын Сварога*)

Стрибог — бог ветра (*сын Сварога*)

Хорс — бог солнечного диска и круговорота времени (*сын Сварога*)

Семаргл — бог пламени, луны, подземных костров (*сын Сварога*)

Вырий (рай и сердце весны)

Дажьбог — бог солнца и плодородия (*сын Сварога*)

Лада — богиня гармонии, любви, красоты, материнства

Жива — богиня юности и расцвета природы (*дочь Лады*)

Лель — бог юности, влюблённости (*сын Лады*)

Полель — бог брачных уз (*сын Лады*)

Лея — богиня девичьей искренности и чистоты (*дочь Лады*)

Явь (мир людей)

Велес — бог мудрости, магии, зверей (*сын Рода*)

Ярило — бог страсти, мужской силы (*сын Велеса*)

Навь (мир духов)

Морок — бог лжи и иллюзий (*сын Чернобога*)

Кривда — богиня лжи и искажения реальности (*дочь Чернобога*)

Пекло (мир тьмы)

Чернобог — владыка хаоса и тьмы (*сын Рода*)

Вий — бог подземного мира, паралича

Марена — царица смерти, зимы, хвори

Кощей — бог окостенения (*сын Чернобога*)

Ний — бог-судья заложных душ (*сын Вия*)

Желя — ведаёт вечной скорбью (*дочь Марены*)

Карна — отвечает за круговорот перерождения (*дочь Марены*)

В триста четвёртой аудитории главного корпуса царил полусонный, стерильный уют. Сквозь огромные арочные окна лился мягкий полуденный свет, подсвечивая танцующие в воздухе пылинки. За окном шумел аккуратный университетский сквер, но сюда, на третий этаж, долетал лишь тихий шелест автомобильных шин с проспекта. Атмосфера была абсолютно умиротворённой. На задних рядах кто-то тихо шуршал обёрткой от шоколада, кто-то листал ленту в телефоне под партой. Монотонный, убаюкивающий голос лектора разносился под высоким потолком, превращая сложнейшие лингвистические термины в белый шум: — ...таким образом, падение редуцированных гласных «ер» и «ерь» в древнерусском языке привело к радикальной перестройке всей фонологической системы. Происходит закон открытого слога, формируются новые фонетические чередования, которые мы наблюдаем и по сей день...

Мира сидела у окна, подперев подбородок ладонью. Её взгляд блуждал по кронам старых тополей за стеклом. Девушка старательно вслушивалась в бубнёж профессора, прячась за этой филологической рутинной. Древнерусский язык был мёртвым, безопасным, запертым в старинных фолиантах. Это было именно то, что ей нужно. Здесь, среди аккуратных конспектов, не было места тёмным статичным силуэтам, которые в последнее время всё чаще мерещились ей в сумерках. Резкий, дребезжащий звонок с лекции заставил всех вздрогнуть. Аудитория мгновенно ожила: заскрипели стулья, зашуршали замки рюкзаков.

— Ну наконец-то... Я думала, у меня мозг расплавится от этих гласных, — весело зашебетала Алина, её одноклассница, подхватывая сумку. — В столовой сегодня должны быть те черничные маффины.

— Возьми и мне парочку, вечером чай попью, — Мира выдавила лёгкую, привычную улыбку, поправляя полы своего идеального, строгого брючного костюма кремового цвета. — Через сорок минут я должна быть в ресторане. Опять банкет намечается, управляющий обещал содрать три шкуры, если опоздаю.

Они весело вышли из прохладного корпуса на залитое солнцем крыльцо. Свежий воздух приятно ударил в лицо, студенты вокруг смеялись, кто-то курил в сторонке, обсуждая планы на вечер. Обычная, правильная, успешная жизнь. Мира уже собиралась попрощаться с подругой, как вдруг её взгляд зацепился за фигуру у старого раскидистого клёна на краю сквера. Сердце девушки пропустило тяжёлый, болезненный удар. По коже, начиная от затылка и вниз по спине, пробежал ледяной, парализующий мороз. Воздух вокруг словно разом потяжелел и запах сырости, болотной прели ударил в нос.

В тени дерева стоял парень. Худощавый, почти прозрачный от истощения. На нём были какие-то бесформенные, застиранные шмотки неопределённого цвета: растянутая грязная

куртка, висящие мешком джинсы и потрёпанные кроссовки. Из-под глубокого капюшона торчали отросшие, сальные пряди тёмных волос. Он выглядел как бродяга, который случайно забрёл на территорию университета, или как наркоман в поисках очередной дозы. Но его взгляд... Взгляд был намертво прикован к Мире. Большие, глубоко запавшие глаза смотрели на неё с такой отчаянной, затравленной мольбой, что у девушки перехватило дыхание.

— Сивка?.. — едва слышно, одними губами выдохнула девушка.

Она вздрогнула, невольно сделав полшага назад. Прозвище из далёкого, похороненного детства само сорвалось с языка, царапнув горло.

— Всё нормально? — Алина с недоумением и испугом посмотрела на подругу, заметив, как та мгновенно побледнела, а её пальцы, сжимающие ремешок сумки, побелели от напряжения.

Блондинка проследила за её взглядом и брезгливо поморщилась. Парень у дерева выглядел по-настоящему опасно и отталкивающе. Настоящий маргинал. Девушка крепко, защищающим жестом вцепилась в руку Миры, словно боясь, что этот странный тип сейчас бросится на них.

— Кто это? Ты его знаешь? Боже, он так смотрит на тебя... Может, позвать охрану?

Мира судорожно сглотнула, заставляя свои онемевшие губы растянуться в натянутую, неестественную улыбку. Профессиональная привычка из ресторанного бизнеса — держать лицо, даже когда мир рушится.

— Да... нет, не бери в голову, — выдавила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Всё в порядке, Лин. Это... это мой брат.

Та удивлённо округлила глаза, но не успела ничего сказать. Сева двинулся с места. Его походка была неровной, скованной, словно ему физически тяжело давался каждый шаг в этом шумном, чистом городском пространстве. Он подошёл к ним почти вплотную. Контраст был оглушающим, болезненным. Ухоженная, стильная Мира в костюме — и это бледное, пахнущее подвалом и дешёвым табаком существо, в которое превратился её когда-то самый близкий человек.

— Почему ты здесь? — резко, едва ли не шёпотом спросила девушка, перехватывая инициативу.

Она жёстко взяла брата за локоть — его рука под курткой показалась ей тонкой, как сухая ветка — и бесцеремонно повела его в сторону. Ей было невыносимо чувствовать на себе любопытные взгляды студентов. Они быстро скрылись за углом старой кирпичной пристройки, в глухом, заросшем переулке, где обычно разгружали машины с продуктами. Здесь их никто не мог увидеть. Напряжение между ними стало почти осязаемым, тяжёлым, как грозовое облако. Они стояли друг напротив друга и молчали. Пять лет. Почти пять лет тотальной, звенящей пустоты. Ни одного звонка. Ни одного сообщения. Из «сиамских близнецов», которые когда-то понимали друг друга без слов и засыпали под общие сны, они превратились в абсолютно чужих людей, живущих на разных планетах. Всё это время Мира лишь изредка узнавала новости о нём от дяди — отца Севы. Тот звонил редко, его голос всегда был полон глухой, усталой злости. Он окончательно потерял веру в сына, когда тот бросил техникум, связался с сомнительными личностями и загремел в психиатрическую лечебницу после того, как изрезал себе все руки.

В итоге мужчина просто сдался: оставил парню старую избушку в глухой деревне, а сам женился во второй раз и уехал путешествовать, решив наконец «пожить для себя» после стольких лет пахоты на неблагодарную семью. Девушка старалась держаться ровно. Она изо всех сил выстраивала внутреннюю стену, напоминая себе, как Сева сам разрушил свою жизнь, как снюхался с плохой компанией, пока она тащила на себе маму и старенькую бабушку. Он был эгоистом, бросившим её. Она должна была злиться, но внезапно щемящее, удушливое чувство жалости сковало её грудь, мешая дышать. Сквозь эту грязную куртку, сквозь серую, измождённую кожу и синяки под глазами на неё смотрело её детство. Этот парень предсказывал погоду

по облакам, строил ей шалаши и плакал, когда они находили раненого стрижа. Теперь от того весёлого, искреннего мальчика не осталось ничего. Перед ней стояла пустая оболочка, затравленная и сломанная. Сева стоял, опустив голову, пряча запястья в карманах куртки. Его плечи мелко дрожали, то ли от холода, то ли от нервного тика.

— Мира... — тихо, хрипло проговорил он, наконец поднимая на неё глаза. — Извини, что пришёл. Я знаю, что ты не хотела меня видеть. Но мне... Я больше не справляюсь, сестра. Нужна твоя помощь.

Слова парня упали между ними, как тяжёлые дождевые капли в пыль. От этого тихого «сестра» внутри у девушки что-то болезненно перевернулось. Древняя, полузабытая ментальная связь, которая преследовала их с самого рождения и связывала прочнее любых кровных уз, сейчас словно ожила. Она физически давила на плечи, сгущала воздух в этом глухом переулке и просто перекрывала доступ к кислороду. Ей показалось, что стены университетской пристройки сдвинулись, отсекая их от остального, нормального города. Она инстинктивно скрестила руки на груди, выстраивая между ними привычную психологическую защиту. Мира медленно, цепко осмотрела брата с ног до головы, одновременно прислушиваясь к своему внутреннему чутью. Живые тени в углах молчали, но интуиция буквально кричала, что Сева принёс с собой шлейф чего-то тёмного, дикого и опасного. Но признать это — значило сдаться.

— О чём ты говоришь? — начала она осторожно, прощупывая почву. — Разве отец не высылает тебе денег? Что-то случилось с его переводами?

— Дело не в деньгах... — глухо выдохнул тот, даже не подняв головы. Сизый дым его прерывистого дыхания растаял на холодном воздухе.

— Лекарства кончились? — Мира сделала полшага вперёд, вглядываясь в его бледное лицо. — Твой психиатр... он сменил дозировку? Сева, если у тебя началось обострение, нужно ложиться в стационар, а не мотаться по электричкам.

Парень резко, рваным движением выдернул руку из кармана и мёртвой хваткой схватил сестру за локоть. Его пальцы были ледяными, жёсткими, как сухие корни. Он рванул её к себе, заглядывая прямо в глаза. Настойчивая, упрямая попытка оценить состояние брата с прагматичной, медицинской точки зрения явно выводила его из остатков душевного равновесия. Ему не нужны были таблетки, и её слепота его бесила. Мира ошутимо вздрогнула от такой резкой смены его настроения. Сердце заколотилось в горле. Она действительно не знала, как теперь реагировать на человека, который за пять лет разлуки стал ей абсолютно чужим. Изменился его запах, его пластика, его голос. Осталось ли вообще хоть что-то в этом измождённом, изрезанном теле от её прежнего брата? Или болезнь и наркотики выжгли его до основания, оставив лишь пустую, опасную оболочку?

— Я ещё не настолько опустился, чтобы кланяться у тебя гроши... — Сева вдруг криво, горько усмехнулся.

Он чуть ослабил хватку, и в этом диковатом, упрямом взгляде, в этой надтреснутой издевательской интонации девушка внезапно уловила те самые, родные нотки. Это был её Сивка. Наглый, колючий, любящий язвить вопреки любому здравому смыслу. На секунду морок чужака спал. И в следующий миг, не выдержав нахлынувших эмоций, она хорошенько ударила брата кулаком сначала по груди, чуть оттолкнув его от себя, а затем с размаху шлёпнула ладонью по затылку.

— Ну и какого чёрта тогда?! — в полный голос рявкнула она, давая волю скопившемуся страху и злости. — Припёрся в этих жутких тряпках в универ ко мне, людей напугал! У меня подруга чуть полицию не вызвала! Ты себя в зеркале видел, чучело?

Несмотря на острые, злые слова, которые она сыпала, парень сразу почуял в её тоне глубокое, тщательно скрываемое тепло. Это была их старая, детская манера общения — драться, ругаться, но стоять друг за друга горой. Сева тихо, искренне улыбнулся. Ему стало заметно легче от того, как она, сама того не замечая, изо всех сил старается сохранять с ним ту самую

атмосферу взаимоотношений, которая была между ними раньше, до психушек, наркотиков и его падения.

— Да уж... — выдохнул он, медленно выпрямляясь и потирая ушибленный затылок. — Правду говорят, можно вывезти девушку из деревни, но вот деревню из девушки...

Он не успел договорить. Мира нахмурилась и снова хлестко вцепилась ему ладонью по предплечью, заставляя замолчать.

— Ближе к делу, — строго отрезала она, поправляя завернувшийся рукав своего кремового пиджака. — Я смотрю, ты в полном порядке. Так в чём дело? Зачем приехал?

Сева мгновенно посерьёзnel. Улыбка сползла с его лица, оставляя лишь серую, мертвенную бледность под глазами.

— Мне нужно, чтобы ты вернулась в деревню.

— Ага, разбежалась, — отстранённо, с горькой иронией отозвалась девушка. Она круто развернулась на каблуках и зашагала прочь по переулку, в сторону шумного проспекта. — В отличие от тебя, Сивка, я птичка не вольная. У меня вообще-то есть работа и начальник, который штрафует за каждую минуту опоздания, а ещё учёба, сессия на носу и куча личных дел. Мне некогда играть в твои загородные квесты.

— Ты не понимаешь, — парень бросился следом и перегородил ей дорогу, вынуждая остановиться. — Мне нужна твоя помощь, Мира. Стал бы я тебя тревожить, стал бы тащиться сюда через всю область, если бы мог справиться сам?

Сева дышал тяжело, со свистом, его пальцы снова судорожно сжались на ткани куртки. Он смотрел прямо ей в глаза, неподвижно и страшно. И в этой глубине его расширенных зрачков девушка наконец прочла то, что он так долго пытался скрыть за своей привычной язвительностью. Там было странное, чёрное, абсолютное отчаяние человека, который стоит на самом краю бездны.

— Что бы там ни было, это может подождать, — жёстко оборвала его Мира. Она мёртвой хваткой схватила брата за исхудавшую руку и буквально поволокла за собой к выходу из переулка. — А вот моя подработка — нет. Деньги на голову с неба не падают, знаешь ли. Пошли.

Парень не сопротивлялся. Он послушно шёл следом, едва поспевая за её быстрыми, уверенными шагами.

В ресторане, куда они примчались в самый притык, Мире пришлось применить все свои навыки дипломатии. Ей стоило огромных усилий, ласковых улыбок и клятвенных обещаний уговорить строгое руководство пустить брата пересидеть на кухне. Она божилась, что он тихий, не принесёт никаких проблем и уйдёт сразу после закрытия. Затем девушка почти бегом бросилась к шеф-повару и попросила по-человечески накормить Севу чем-нибудь горячим за её счёт. Весь остальной вечер превратился для неё в безумный, изматывающий марафон. Сменив костюм на форменный фартук, она принялась носиться по залу. Вокруг неё звенели бокалы, гремела музыка, богатые клиенты капризничали, требуя то заменить приборы, то принести другое вино. А в это время парень внимательно, не отрывая взгляда, следил за ней через узкое раздаточное окошко кухни. Он вёл себя как невидимка: не мешался под ногами у поваров, не выходил в общие зоны, просто сидел в углу на перевёрнутом ящике из-под овощей и смотрел на сестру. Эти пять лет сыграли с ними злую, безжалостную шутку, разведя по разным полюсам жизни, но Сева видел — она почти не изменилась. Да, Мира стала старше, её осанка сделалась строже, а движения — профессионально плавными. Но её взгляд по-прежнему оставался бойким, колючим, готовым в любую секунду отразить удар. Она выживала в этом сытом, глянцево-городском точно так же, как когда-то выживала среди деревенской разрухи.

— Удивительная штука — время, — негромко отозвался брат, когда ближе к полуночи Мира в очередной раз проносилась мимо раздачи с подносом, полным грязной посуды. В его

голосе проскользнула слабая, но тёплая усмешка. — Не знал, что ты умеешь быть такой вежливой. С этими буржуями ты прямо ангел.

Девушка лишь устало зыркнула на него, но промолчала. В этот момент душный, сладковатый запах ресторанной кухни — смесь жареного мяса, специй и дорогого парфюма — вдруг отступил. На секунду в нос ударила совсем другая ностальгия. Запах сырой скошенной травы, старого дерева, речной воды и сушёных трав, которые бабушка вешала под потолком.

Детство, проведённое рука об руку, не могло просто исчезнуть, как бы сильно Мира ни пыталась его из себя вытравить. Воспоминания накатывали тяжёлыми, удушливыми волнами. Сева родился недоношенным, слабым, постоянно болеющим мальчиком. И сколько она себя помнила, бабушка всегда повторяла одну и ту же фразу, вбившуюся под кожу намертво: *«Ты старшая, Мира. Ты сильнее. Ты должна заботиться о брате, должна защищать его»*. И она защищала. Всю жизнь она была его щитом. Девушка постоянно вытаскивала маленького Севу из дворовых драк, до хрипоты спорила с местными парнями, которые пытались его дразнить, и всегда была опорой, когда его собственный отец срывался на крик. Но где-то глубоко внутри, под слоями этой вынужденной силы, взрослая Мира чувствовала жгучую, леденящую несправедливость. Размышляя об этом теперь, в свои студенческие годы, она понимала: в тот самый момент, в детстве, её просто лишили права быть слабой. Из неё насильно воспитали защитника, солдата, обязанного тащить на себе все невзгоды и проблемы семьи.

Это вечное, давящее чувство ответственности висело на ней пудовыми гирями. Именно поэтому она так отчаянно хотела уехать как можно дальше от своей глухой деревни. Она до ужаса, до дрожи в коленях не хотела прожить такую же серую, изломанную жизнь, как её обитатели. Переезд в город и учёба в университете были для неё не просто шагом в будущее, а побегом. Это была её личная, выстраданная свобода от той липкой грязи, которую она видела дома каждый день. Пьяные, бессмысленные лица соседей, вечные крики за забором, запах перегара и безысходности засели в её сознании с ранних лет: *«С кем поведёшься, от того и наберёшься»*. А в их глухомани водиться было абсолютно не с кем. И теперешний, жалкий вид брата ненароком, но с жестокой очевидностью напоминал ей об этом правиле. Мира не винила его за такой выбор. Она не злилась на него за слабость, за наркотики, за то, что он сломался под гнётом общественного мнения. В конце концов, она просто смирилась с тем, что её Сивка оказался слишком хрупким для этого мира. Она выросла и приняла его поражение.

Смена наконец подошла к концу. В зале погасили основной свет. Мира, чувствуя, как отваливается поясница, сняла фартук, накинула свой элегантный пиджак и подошла к брату, который так и сидел в углу кухни, терпеливо дожидаясь её.

— Всё, лавочка закрыта, — тихо сказала она, устало потирая переносицу. — Пошли ко мне. Расскажешь нормально, что у тебя стряслось, из-за чего ты вдруг решил вспомнить о сестре.

Сева медленно встал с ящика. Его глаза в полумраке кухни блеснули странным, лихорадочным блеском. Слова и тон девушки отозвались в его душе острой, режущей болью. Он и сам прекрасно, до мельчайших деталей ощущал ту пропасть, что возникла между ними за эти пять лет. Она больше не видела в нём равного. Для неё он теперь был обузой, сломанной вещью из прошлого, которую жалко выбросить, но и девать совершенно некуда. Они вышли через служебный вход ресторана в прохладную тишину ночного города. Улицы уже опустели, редкие фонари выхватывали из темноты пустые тротуары, покрытые тонкой коркой дневной пыли.

— Живёшь одна? — негромко спросил парень, стараясь идти с ней в ногу по пустынным переулкам. Его голос прозвучал как-то сипло, теряясь в пространстве между кирпичными стенами домов. — Не страшно вот так бродить по ночам после работы?

— Я давно перестала бояться темноты, — отозвалась девушка отстранённо, даже не повернув к нему головы. Её каблук чётко и ритмично цокал по асфальту, отмеряя секунды

их вынужденного совместного пути. — Ночь не причинит тебе вреда. Люди гораздо опаснее любых призраков в углах. Поэтому у меня в кармане всегда лежит перцовый баллончик.

Сева шмыгнул носом, понимая кивнув. Он старался держать себя в руках, изо всех сил контролируя каждое движение, каждый вдох, отчаянно пытаясь казаться нормальным, обычным человеком. Но внутри его буквально трясло. В карманах куртки руки непроизвольно сжались в кулаки, так сиротливо и крепко, что забинтованные ногти до боли вонзились в ладони. Парень всё ещё не знал, как подступиться к главному, как объяснить сестре то, что с ним происходит на самом деле, чтобы она окончательно не приняла его за буйнопомешанного.

Они свернули к круглосуточному супермаркету, чья ярко-белая неоновая вывеска ядовито резала глаза после дорожной полутьмы. Зайдя внутрь, Мира сразу уткнулась в экран телефона, активно с кем-то переписываясь. Её пальцы быстро и глухо стучали по стеклу.

— Парень? — спросил брат со слабой, нарочито лёгкой улыбкой, кивнув на мобильный. Он пытался нащупать хоть какую-то тему, которая вернула бы им прежнюю близость.

— Подруга, — отозвалась та спокойно, даже не подняв взгляда от экрана.

Они подошли к витрине с готовой едой и полуфабрикатами. Девушка начала методично брать с полок упаковки, не обращая никакого внимания на озиравшихся с явным подозрением продавцов. Охранник у входа и вовсе не сводил с Севы напряжённого взгляда, готовый в любую секунду схватиться за рацию — слишком уж колоритно парень вписывался в образ магазинного воришки или неадекватного наркомана. Мира уверенно складывала продукты в корзину, которую заставила нести брата.

— Ты видел её сегодня у корпуса, это Алина, — продолжила сестра, закидывая в корзину пакет с молоком. — Мы вместе снимаем эту квартиру, делим оплату пополам. Поэтому води себя прилично, когда придём. Она ничего о тебе не знает. Вообще ничего, Сева. И твой сегодняшний внешний вид, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Извини за прямоту.

Для парня это заявление стало настоящим обухом по голове. Это действительно было огромной, непредвиденной проблемой. Как им тогда поговорить наедине, если в съёмной квартире будет находиться посторонний человек? При Алине он точно не сможет вывалить на сестру свою историю. Сева судорожно размышлял, перебирая в уме варианты и чувствуя, как к горлу подступает знакомый липкий комок паники. Он и сам прекрасно понимал, что поступил эгоистично и нечестно, вот так вот без предупреждения ворвавшись в её выстроенную, чистую, нормальную городскую жизнь. Сломал её личные границы, притащил за собой шлейф деревенской грязи. Но у него просто не было другого выхода. Сивка действительно дошёл до своего предела. Ему оставалось надеяться только на одно — что где-то глубоко под этим строгим кремовым пиджаком и маской деловой городской девушки сестра всё ещё не утратила то слепое, абсолютное доверие к нему, которое их когда-то так прочно связывало в детстве.

Они расплатились на кассе, и у ленты выдачи Мира просто молча, выразительно указала брату на тяжёлые пакеты. Прошли те времена, когда она безропотно волокла всё на себе, надрав спину. За эти пять лет в городе она научилась важной штуке — быть слабой, когда это выгодно, и делегировать тяжести мужчинам, даже если этот мужчина едва держался на ногах. Сева, не проронив ни слова, покорно подхватил продукты. Его худые руки заметно тряслись от физического напряжения и подступающего абстинентного синдрома, но он упрямо молчал, не желая показывать слабость перед сестрой.

Когда они наконец переступили порог съёмной однокомнатной хрущёвки, на пороге их уже встречала Алина. Подруга явно нервничала: её плечи были напряжены, а в руках она крепко сжимала кружку с остывшим чаем. Для неё парень был не «любимым братом Сивкой из детских воспоминаний», а абсолютным незнакомцем с улицы — подозрительным, грязным и пугающим.

— Сначала в ванну, — строго, не терпящим возражений тоном командовала Мира, покосившись на брата. — Вещи свои сразу кидай в стирку. Посидишь пока в моих домашних штанах, они широкие, налезут.

— Ладно, — виновато, почти неслышно отозвался тот и послушно шмыгнул мимо подруги, стараясь не задеть её своими грязными рукавами, и аккуратно прикрыл за собой дверь ванной комнаты. Через минуту за стеной зашумела вода. Пока Сева отмывал с себя дорожную копоть и въевшийся запах глуши, блондинка тут же увлекла Миру на кухню. Она буквально задыхалась от возмущения и испуга, допытывая подругу яростным, приглушённым шёпотом:

— Мир, ну как ты могла просто взять и пригласить его сюда?! — волновалась она, судорожно жестикулируя. — Ты на него смотрела вообще? Его на вид будто машина переехала! Ты меня, конечно, прости, но он не выглядит нормальным. От него за версту несёт... я не знаю, притоном каким-то! А если он буйный?

— Переночует одну ночь, а завтра утром я отправлю его обратно домой, на первую же электричку, — максимально спокойно и уверенно успокаивала её девушка, хотя внутри у неё самой всё сжималось от предчувствия беды. — Лина, если бы я могла просто выставить его за дверь, ты же меня знаешь, я бы не медлила ни секунды. Но это мой брат. Мне нужно во всём разобраться.

Она действительно была не из тех девушек, кто позволяет садиться себе на шею или использовать свою доброту. Алина это прекрасно знала, поэтому уступила, хотя маргинального вида брат всё равно заставлял её внутренне содрогаться. Перед самым их приходом подруга, поддавшись панике, на всякий случай прошлась по квартире и спрятала все украшения, зачехлила с деньгами и документы поглубже в шкаф. Инстинкт самосохранения буквально кричал ей, что этот парень опасен. И самое жуткое — этот инстинкт её не обманывал. Сева действительно был опасен, но не потому, что хотел кого-то обокрасть, а потому, что за ним по пятам шла изнанка Нави. Мира намеренно не стала раскрывать подруге грязные и пугающие детали его прошлого, чтобы не мучить Лину лишними страхами. Она знала своего Сивку: несмотря на всю свою изломанность, он правда был не из тех людей, кто стал бы навязываться и портить чужую жизнь просто из прихоти. Раз приехал — значит, дело действительно пахнет керосином.

Когда парень наконец вышел из ванной, укутанный в серые спортивные штаны сестры и её старую большую чистую футболку, та уже сидела за кухонным столом. Перед ней горела тусклая настольная лампа, а сама она сосредоточенно переписывала что-то из одного блокнота в другой. Сева выглядел чище, но мокрые волосы подчёркивали его пугающую худобу и синеватую бледность кожи. Забинтованные запястья и пальцы он стыдливо прятал.

— Что это? — тихо спросил он, осторожно заглядывая ей через плечо в тетрадь.

— Домашка, — отозвалась Мира, на секунду отложив ручку и с хрустом сладко потягиваясь всем телом. — У нас с Линой жизнь, можно сказать, одна на двоих. Работаем по сменам в ресторане, чтобы было чем платить за квартиру. Дела по дому и в университете тоже делим на двоих. Пока одна на смене разносит тарелки, другая пишет конспекты за двоих и убирается. Только так и вывозим.

Парень внимательно, ловя каждое слово, слушал её уставший голос. Все эти годы он понятия не имел, какой взрослой и изматывающей жизнью жила его сестра в этом городе. И где-то в глубине своей израненной души Сева был искренне рад, что у неё она хотя бы нормальная. Человеческая. С понятными проблемами: учёба, аренда, усталость. В эту секунду тяжёлые, липкие мысли чёрной тучей поселились в его сердце. Имел ли он право разрушать этот её хрупкий, с таким трудом выстроенный мир? Стоит ли вообще портить её нормальную жизнь своей чертовщиной? Как она отреагирует на то, что их когда-то детские, забытые как страшный сон кошмары оказались самой настоящей, осязаемой и смертоносной реальностью? Сева опу-

стил глаза на свои забинтованные руки, чувствуя, как в кухонное окно беззвучно бьётся огромная, неестественно чёрная ночная бабочка, которую обычные люди никогда бы не заметили.

— То ли дело в детстве, да? — начал он осторожно, надеясь прощупать реакцию сестры и поймать ту самую тонкую грань, за которой кончалась реальность и начиналось их общее прошлое. — Было времечко. Ни забот, ни хлопот. Бегали с тобой по болотам, даже не догадываясь, какой на самом деле мир огромный.

— Это точно, — усмехнулась девушка, на секунду отложив ручку. В её глазах, уставших от бесконечных строк конспекта, промелькнула мягкая, тёплая искра воспоминаний. — То в камыши по колено залезем, то на дерево заберёмся в поисках приключений. Нас же из леса под вечер только с криками вытягивали.

— Ты думаешь, мы были странными? — голос парня внезапно стал глуше, потеряв прежнюю лёгкую интонацию. Он внимательно посмотрел на её профиль, подсвеченный желтоватым пламенем настольной лампы. — Сейчас, глядя на нас прошлых со стороны. Как считаешь?

— Мы были детьми, Сева, — спокойно рассуждала сестра, пожимая плечами и возвращаясь к заполнению тетради. — Все дети в этом возрасте немного сумасшедшие. Варили какие-то дурацкие зелья из грязи и крапивы, играли в прятки с выдуманными друзьями в чаще. Что тут странного? Мир для нас тогда просто был полон чудес. Обычное незамутнённое детство.

— Хотела бы вернуть то время? — спросил он, подавшись немного вперёд и буквально вглядываясь в лицо сестры, пытаясь отыскать за маской взрослой прагматичности ту маленькую Миру, которая ничего не боялась. Взгляд девушки на мгновение замер. Она уставилась куда-то в пустоту воспоминаний, поверх кухонных шкафчиков и быющей в стекло ночной бабочки. Контур глянцевой города за окном словно смазались, уступая место бесконечным зелёным лугам и шуму вековых дубрав.

— Я до сих пор вижу сны из прошлого, — начала она осторожно, и её саркастичный тон впервые за вечер сменился тихой грустью. — Когда мы были счастливы. Когда твоим единственным врагом были сорняки, а не эта адская усталость.

— Всё ещё летаешь? — спросил Сева, затаив дыхание и подавшись ещё ближе к столу. Его глаза лихорадочно блеснули.

— Конечно, — усмехнулась девушка, резко поворачиваясь к нему и возвращая на лицо привычную язвительную маску. — Пять лет прошло. Я сильно прокачалась между прочим.

Она сказала это с явной ноткой веселья, списывая всё на красивую метафору, и парень шумно, с хрипом вздохнул с облегчением. Похоже, она всё ещё не забыла, каково это — быть причастной к чему-то большему, пусть теперь и упаковывала эти воспоминания в безопасную обёртку «детских фантазий». Раньше они часами могли хвастаться друг перед другом своими личными достижениями во снах и наяву. Они отчаянно спорили, кто из них выше подлетит над верхушками сосен в их общем сновидении, или кто быстрее приручит диких лесных существ. Миру в детстве, сколько тот себя помнил, совершенно не кусали комары и слепни — они словно облетали её стороной. Она удивительно легко ладила с бродячими собаками, а лесные птицы могли сесть прямо ей на плечо, если она долго сидела неподвижно.

Маленького Севу природа тоже принимала как своего: он чувствовал приближение грозы за несколько часов и знал, под каким деревом прячется нужный гриб или корень. Это было забавно вспоминать, всё казалось милой семейной сказкой. Но парень теперь точно, на собственной шкуре знал: всё это не было случайностью. То, как обыденно и легко сестра сейчас рассказывала об их прошлом, для него самого было вовсе не милым ностальгическим воспоминанием. Они действительно ладили с природой. Они были её частью, кровь от крови. Просто повзрослев, погрязнув в человеческих проблемах, деньгах и выживании, они заставили себя забыть об этом и напрочь утратили веру в магию. Земля закрылась от них мороком, потому что они сами этого захотели. Сева медленно положил свои дрожащие руки на кухонный стол, рас-

правил забинтованные запястья и посмотрел на сестру самым серьёзным взглядом, на который только был способен.

— Мира, — тихо, но твёрдо произнёс он, обрывая её веселье. — Это были не просто игры. И сны были не снами.

Девушка осторожно подняла глаза на брата. Ручка замерла в её пальцах, оставив на полях тетради жирную чернильную точку. В ушах до сих пор стоял усталый, надломленный голос дяди, который раз в полгода она слышала в телефонной трубке. Мужчина рассказывал ей, как сын часами разговаривал с пустотой в углах, как иступлённо резал себе руки канцелярским ножом и как однажды в пылу очередного припадка задел и его самого, когда тот пытался отобрать лезвие. Мира до последнего, всеми силами цеплялась за мысль, что всё это преувеличение. Ей было физически, до тошноты больно смотреть на то, во что превратился её Сивка, и осознавать, что его психика могла так жутко, безвозвратно расшататься. Они ведь когда-то были как одно целое, как две половинки одного ядра. Если сломался он, значило ли это, что и её безупречная нормальность — всего лишь иллюзия? От этой мысли внутри всё леденело.

— Слушай, я понимаю, порой прошлое может казаться реальностью... — мягко, как разговаривают с тяжелобольными людьми, начала она, пытаясь вернуть диалог в безопасное русло.

— Это и есть реальность! — яростно отрезал парень, с размаху ударив ладонью по столу.

Старая кухонная столешница жалобно хрустнула, а чашка с остывшим чаем звякнула о блюдце. Девушка ошутимо вздрогнула от неожиданного грохота, но не шелохнулась, не откинулась на спинку стула. Она лишь медленно, с трудом сдерживая закипающий гнев, строго посмотрела брату прямо в глаза. Она не собиралась позволять ему устраивать здесь истерики.

— Ты свои выходки брось, — в голосе Миры отчётливо прозвучала холодная, звенящая сталь. — Хочешь, чтобы Лина проснулась и вызвала полицию? Нам только проблем с участковым не хватало. Успокойся.

Парень осёкся. Острое выражение ярости на его лице сменилось привычной затравленностью. Он осторожно, со страхом обернулся на закрытую дверь кухни, прислушиваясь к шорохам в коридоре, словно ожидал, что из темноты уже кто-то идёт за ним. Напряжённая тишина в квартире восстановилась, прерываемая лишь гулом старого холодильника.

— А как же ты? — вдруг снова обратился он к ней, подавшись вперёд. В его голосе теперь звучала обида пополам с отчаянием. — Твои слова всегда были вещими, помнишь? Ты сыпала проклятиями, если нас обижали, а потом у этих людей жизнь шла под откос. Один ногу сломал на ровном месте, у второго хата сгорела. А карма? Наша с тобой карма? Помнишь, как я в детстве в шутку задираю тебя, хватал за косички, а потом падал навзничь, будто меня кто-то со всей силы толкнул? Хотя ты стояла в двух метрах от меня и даже не двигалась! Что это было, Мира? Тоже детские фантазии?

— Если не прекратишь нести эту чушь, я и тебя прокляну, — строго, с нажимом отозвалась девушка, резко отводя взгляд в сторону окна.

Она постаралась сказать это в своей привычной шутиливой, язвительной манере, но внутри всё перевернулось. Липкий, обжигающий мороз ударил по коже от слов парня, заставляя волоски на руках встать дыбом. Сева бил по самым больным, тщательно замурованным точкам. Мира слишком много времени, слишком много душевных сил потратила на то, чтобы навсегда отвернуться от этой пугающей, тёмной стороны своей природы. Сколько бессонных ночей она провела, убеждая себя, что совпадения — это просто совпадения, а её обострённая интуиция — лишь следствие хорошего интеллекта. Слишком много сил было вложено в то, чтобы её теперешняя городская жизнь стала нормальной, чистой и предсказуемой. И сейчас брат рушил эту стену одним точным ударом.

— Почему ты делаешь вид, что это всё шутки? — почти прошипел он, искренне не понимая, как сестра может с такой лёгкой жестокостью притворяться, будто их настоящей жизни до переезда в город вообще не существовало. Как она может вычеркнуть то, что их создало?

— Потому что в нашей семье уже есть один псих, — в лицо отрезала она.

Эти слова, сорвавшиеся с языка прежде, чем она успела их обдумать, мёртвым грузом зависли в душном воздухе кухни. Злость, обида и глухой, подсознательный страх девушки перед собственным прошлым вылились на брата в самый неподходящий, самый уязвимый момент. Это были чудовищные, несправедливые и жестокие слова. Мира увидела, как Сева буквально сжался, словно от физического удара под дых, и его бледные губы задрожали. Она сразу же, в ту же секунду, всем сердцем пожалела о сказанном. Ей захотелось забрать эти слова назад, протянуть руку и коснуться его плеча, но гордость и глухая броня, которую она носила столько лет, не позволили ей этого сделать.

— Ладно — отстранённо отозвался парень, делая медленный шаг назад, подальше от стола и от холодного света настольной лампы. — Я не могу заставить тебя снова поверить в то, чего нельзя объяснить «нормальным» языком.

Он сделал отчётливый, едкий акцент на слове «нормальном», язвительно отзываясь на её жестокий комментарий про психа. Его бледное лицо застыло, превратившись в безжизненную маску, под которой клокотала буря.

— Если бы я мог отгородиться от всего этого, как ты, думаешь, я бы дошёл до такого? — в его тихом голосе, похожем на шелест сухой листвы, отчётливо прозвучала глубокая, копившаяся годами обида. — Да, я слаб. И я жил с этим чувством на протяжении долгих лет, каждый чёртов день. С самого детства рядом со мной была сестра. Мудрее, сильнее, увереннее. И тогда, глупый, я думал, что это моё благословение. Высший дар. Но со временем, сидя в четырёх стенах ночами, я осознал: Мира, ты стала моим главным проклятием.

В его голосе плескалась неподдельная, горькая обида человека, которого предал самый близкий союзник.

— Проклятием, которое преследует меня до сих пор, — выдавил он сквозь зубы, изо всех сил сдерживаясь от подступающих к глазам слёз. Кулаки парня крупно, судорожно тряслись. — Но я признал это. Я наступил на свою гордость и приехал к тебе, потому что мне нужна помощь. Так почему ты сейчас смотришь на меня как на отброса?

Его слова глубоко, до самого основания ранили девушку. Внутри неё словно повернулся ржавый нож. Может ли быть, что глубоко в душе, за всеми этими правильными мыслями о семье, она и правда втайне считала его отбросом? Опустившимся эгоистом, который просто сдался? Мира замерла на стуле, не в силах пошевелиться, буквально разрываясь между глухим гневом и удушающей жалостью. Между ними за эти пять лет выросла слишком глухая стена недопонимания. Пока она страдала здесь, в одиночку сражаясь с собственными ночными кошмарами, зазубривая тексты ради зачётов и стипендии, он выбрал самый лёгкий путь — путь принятия своей слабости. Просто опустил руки. Сел отцу на шею, тянул из него последние соки и, судя по всему, даже не испытывал за это ни капли вины. Более того, Сева искренне считал себя беззащитной жертвой обстоятельств, а её — виновницей своих бед.

Да, она тоже видела эти чёртовы тени в углах! Иногда по ночам тьма подползала к её кровати и буквально пожирала её изнутри, лишая сна и покоя. Но девушка не собиралась сдаваться галлюцинациям. Она не собиралась ложиться в клинику и портить своё будущее. Она взяла свой страх, свои видения и свою реакцию на них в жёсткую, железную узду. Дрессировала собственную психику, не позволяя ей расшататься ни на йоту. Она выстроила идеальную жизнь из бетона и логики, а теперь родной брат стоял на кухне и обвинял её именно в этой силе. Обвинял в том, что она выжила.

— Завтра ты вернёшься в деревню, — произнесла сестра сухим, ледяным тоном, отчаянно борясь с подступающим к горлу возмущением. Её острый, немигающий взгляд сверлил парня с неподдельной яростью. — Есть только один-единственный человек в этом мире, который может тебя спасти. И это ты сам, Сева. Вот какой главный урок я извлекла за те пять лет, что ты просто взял и сжёг в топке. Если тебя не устраивает твоя жизнь — пойд и измени её, а

не трать остатки энергии на детские обиды и злость. Никто не поможет.... В этом мире работает только одно железобетонное правило: кто сдох, тот лох.

Неожиданный, жёсткий и почти весёлый, циничный тон девушки в самом конце фразы заставил парня вздрогнуть. На секунду ему показалось, что перед ним сидит не Мира, а древнее, безжалостное существо из лесных сказок, которое не знает жалости к слабым. Брат замер, не понимая: действительно ли она смогла полностью избавиться от своего дара, выжечь его из крови, или же просто мастерски притворялась перед самой собой? Она и впрямь была пугающе сильнее него. Челюсть Севы сжалась так сильно, что в тишине кухни отчётливо скрипнули зубы. На его шее вздулись тонкие вены. Не сказав больше ни слова, он резко, рваным движением развернулся и тяжело лёг на маленький раскладной диван, который сестра заранее расстелила ему в углу для ночёвки. Парень повернулся лицом к стене, натянув одеяло до самого уха и затих, превратившись в неподвижный серый ком. Мира осталась сидеть одна у лампы. Чернильная точка на полях её конспекта медленно расплывалась, превращаясь в маленькое тёмное пятно.

Девушка легла на свою половину кровати рядом с уже мирно сопевшей Алиной, ожидая, что от роя тяжёлых мыслей совершенно не сомкнёт глаз до самого утра. Однако её измотанный долгой сменой и стрессом организм дал сбой. Стоило уху коснуться прохладной подушки, как сознание с глухим стуком провалилось в вязкую, беспросветную темноту. Вспышка — и она вновь сидела за тем же кухонным столом. Напротив стоял Сева. Израненный, худой, он иступлённо, взалёб обвинял её в предательстве, выплёскивая всю скопившуюся за пять лет горечь. Но в этот раз атмосфера вокруг была не просто напряжённой, она была чудовищной. Логика сновидения извратила реальность, сделав её осязаемой и страшной. Из глубоких рваных ран на предплечьях брата толчками сочилась густая, едкая чёрная слизь. Она капала на линолеум, со свистом прожигая его до самого бетонного основания. С каждым брошенным в лицо Мире словом Сева становился все больше, его фигура неестественно раздувалась, ломая пропорции человеческого тела, а полумрак на кухне сгущался до состояния жирного дёгтя. Девушка бросила взгляд на оконное стекло, где всё так же билась ночная бабочка. Но теперь это было не насекомое. Рисунком на её чёрных бархатных крыльях оказались отчётливые, уродливые черты странного антропоморфного существа. Оно прильнуло лицом к стеклу с той стороны и с плотоядной, застывшей улыбкой наблюдало за семейной перепалкой. Тварь внимательно, не мигая, пожирала их глазами, пока воздух в замкнутом пространстве кухни не стал удушающим, сухим и горячим. Брат всё ещё что-то кричал, его рот раскрывался в беззвучном, искажённом спазмом рывке, но Мира его больше не слышала. Звук пропал. Она, замерев от ужаса, всматривалась в углы комнаты. Чёрные статичные тени, которые в реальном мире лишь молча караулили её поодаль, здесь ожили. Они зашевелились, начали изгибаться, вытягиваться в её сторону и с тихим шуршанием протянули к ней свои длинные аспидные руки.

— Ты забыла меня? — неожиданно низкий, замогильно холодный голос пронзил сознание девушки, отозвавшись вибрацией прямо в костях черепа.

Она с трудом подняла глаза. Перед ней стоял больше не Сева. На месте брата возвышался гигантский, антрацитово-чёрный монстр с костяными длинными когтями вместо пальцев. Плотная, сотканная из клубящегося дыма сущность с горящими багровыми глазами протянула к лицу Миры свою лапу. От этого взгляда вековой злобы и голода всё тело девушки сковал паралич, заставляя её застыть на месте, не в силах даже закричать.

— Как ты могла забыть меня, ведьма? — продолжал греметь страшный голос в её голове, заполняя собой всё пространство.

Однако в следующую секунду, когда когтистая лапа почти коснулась её щеки, девушка провалилась сквозь кухонный пол. Она знала это дикое чувство опасности слишком хорошо, до мельчайших нюансов. Это был Кошмар. Тот самый древний, персонифицированный ужас,

который обожал навещать к ней именно тогда, когда ментальная защита Миры ослабевала от усталости или душевного надлома. Эта сущность тоже тянулась шлейфом из самого детства, и, похоже, сегодняшняя ссора с братом стала идеальным триггером, взломавшим все внутренние замки.

Девушка с бешеной скоростью скользнула вниз сквозь этажи здания, отчаянно прячась от преследующей её тени. Она физически чувствовала ледяное, гнилостное дыхание монстра у себя на затылке. Понимая, что её вот-вот настигнут, Мира из последних сил рванулась в сторону, прыгнула прямо в настенное зеркало какой-то квартиры и в то же мгновение оказалась в совершенно другом месте. На этот раз благодаря натренированной годами воле ей удалось сбежать из лап Кошмара быстро. Она вынырнула из тьмы на залитый солнцем берег. Но настоящее, липкое чувство вины перед Севой всё равно продолжало терзать её изнутри, оставляя во рту горький привкус. Девушка обессиленно села на тёплый песок у самой кромки воды, вглядываясь в бурлящие, пенные речные потоки. Яркий солнечный свет, искрящийся на волнах, и мирный шелест прибрежного камыша придавали этой картине то абсолютное, хрустальное умиротворение, которого ей так отчаянно не хватало в серой и жёсткой реальности.

«Неужели брат действительно настолько сильно погряз в своём собственном подсознании, что искренне воспринимает весь этот ужас за объективную реальность? — размышляла она, медленно оглядываясь вокруг и поджимая колени к груди. — Как мозг здорового, молодого человека мог выгореть настолько быстро? Как он перестал различать иллюзии и болезненные проекции от действительности? Неужели всё дело только в наркотиках и химии, которую он употреблял с той компанией? Или его рассудок просто изначально был тоньше моего и треснул под давлением?» Слова Севы об их общем прошлом, о проклятии, о вещих словах и карме никак не выходили у неё из головы, крутясь в мыслях навязчивой, болезненной пластинкой.

Мира резко распахнула глаза и села на кровати, тяжело, со свистом дыша. Сердце колотилось в самые рёбра, а по спине катился крупный холодный пот. Встреча с Кошмаром — её давним, самым опасным и безжалостным врагом из мира сновидений — вымотала её морально и физически. Мышцы гудели так, словно она всю ночь не спала, а грузила вагоны. За окном едва завязывался серый, мутный рассвет, окрашивая комнату в блёклые полутона. Девушка аккуратно, стараясь не издать ни единого звука, спустила ноги с кровати. Она осторожно встала, чтобы не разбудить мирно спящую Алину, и тихо выскользнула из спальни в гостиную, совмещённую с кухней. К её удивлению, Сева уже не спал. Диван был наспех прибран, а сам брат сидел за кухонным столом в утренних сумерках. В его худых ладонях была зажата чашка со слабо заваренным, уже остывающим чаем. Он неподвижно смотрел в одну точку перед собой.

— Чего не спишь? — спросила она осторожно, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Вчерашняя ссора всё ещё висела над ними тяжёлой, удушливой чёрной тучей. Сказать «извини» не позволяла гордость, но и продолжать войну сил не было.

— Кошмар приснился... — отстранённо, не поднимая головы, отозвался парень. Одиноким лучик бледного солнца высветил его серый профиль. — Тебе тоже?

Девушка промолчала, проигнорировав вопрос. Она подошла к плите и молча включила чайник. Учитывая детали её собственного ночного кошмара, теперь его слова о детстве и общих снах звучат даже жутко. Мира уже давно смирилась с мыслью, что тяжёлое расстройство психики парня могло быть просто дурной генетикой, которую отчасти унаследовала и она сама в виде этих навязчивых видений и снов. Но не собиралась делать это оправданием или проблемой всей своей жизни. Она просто отрицала саму суть болезни, вытесняя её из реальности.

— Просто... мне грустно от того, что мы встретились впервые за пять лет и сразу же поссорились, — тихо отозвалась она, наливая крутой кипяток в свою кружку и поворачиваясь к нему лицом.

— Мы ведь росли вместе... — начал Сева глухо, и в его голосе снова заскрежетала та самая детская обида. — Делали абсолютно всё вместе. Делили каждую мелочь. Поэтому мне искренне не понятно, как ты можешь вот так просто взять, отрезать и вычеркнуть всё наше прошлое из своей жизни? Притвориться, что его не было?

— Сева, — строго и холодно отрезала она, давая понять, что не желает возвращаться к опасной теме вчерашнего спора.

Девушка облокотилась о гарнитур и принялась внимательно, наводя фокус, смотреть на брата. Парень упрямо сверлил взглядом затёртый ободок чашки. Его пальцы заметно тряслись, мелкая дрожь не прекращалась ни на секунду. Глядя на него в упор в утреннем свете, Мира наконец поняла, почему его пальцы были так неаккуратно перемотаны тонкими полосками медицинского пластыря. У него всегда была компульсивная, дурная привычка ковырять любые мелкие ранки и заусенцы. Видимо, теперь, в моменты сильной тревоги или ломки, он просто жестоко расчёсывал свои старые порезы ногтями, сдирая заживающую кожу до мяса.

— Знаешь, чего я никогда не понимала? — вдруг спросила сестра совершенно спокойно, меняя тему и садясь напротив него за стол. — Как ты вообще решился на это в первый раз? Это был твой осознанный выбор, или ты сам даже не заметил, как стал заглушать душевную боль физической?

Она говорила прямо, без обиняков, глядя на его изрезанные, спрятанные в бинтах руки.

— Ну... — Сева вдруг криво, как-то дико усмехнулся, наконец подняв на неё глаза. — Мы же с тобой никогда не боялись давать сдачи. Помнишь? Нас с ранних лет не пугала ни кровь, ни самый сильный обидчик.

Размеренный, пугающе медленный голос брата заставил Миру внутренне вздрогнуть. В его интонации скользнуло что-то первобытное, нечеловеческое.

— Ты разбивала носы местным мальчикам, даже секунды не размышляя о последствиях, — тихим шёпотом вспоминал он, и его острый, лихорадочный взгляд впился в сестру. — И словами бросалась невероятно метко. Всегда знала, куда ударить и как, чтобы сделать больно.

Он снова упомянул её детские проклятия, которые всегда сбывались с пугающей точностью. Девушку мгновенно пробил сильный, леденящий озноб. Воспоминания, которые она так долго топила на дне сознания, с треском ударили по оголённым нервам. Было время, когда они тайком от взрослых даже читали старые, потрёпанные книжки про заговоры и магию, которые чудом находили в заброшенной части сельской библиотеки. И ведь тогда у них действительно получалось влиять на реальность вокруг себя.

— За всё в этом мире нужно платить, Сева, — отозвалась она, резко отводя взгляд в сторону, не выдерживая его тяжёлого взора. — Я в этом уже окончательно убедилась здесь, в городе. Силу, удачу, энергию — всё, что ты берёшь у этого мира в долг, обязательно нужно вернуть обратно. Иначе этот кредит будет расти с каждым днём, неумолимо приближая тот самый момент, когда ты просто не сможешь выплатить долг ничем... кроме собственной жизни.

Тяжёлая, гробовая пауза физически опустилась на плечи этих двоих, заставляя замолчать. Парень замер, перестав крутить чашку. Он внимательно, глубоко анализировал её слова, словно примеривая этот «кредит» к той чертовщине, что творилась сейчас в его голове.

— Так, значит, ты просто притворяешься, что ничего не замечаешь? — девушка никак не ожидала услышать эти слова от брата. Её пальцы, сжимающие тёплую кружку, на мгновение окоченели. — К тебе ведь тоже приходят тени, я прав?

Парень обессиленно откинулся на жёсткую спинку стула, громко, со свистом выдохнув скопившийся в лёгких воздух. На его лице отразилась смесь горького торжества и глубокого разочарования.

— Невероятное лицемерие — протянул он, покачав головой. — Но, впрочем, этого следовало ожидать. Ты ведь всегда была отличной врушкой, Мира.

— Я просто выбрала жизнь, — отрезала девушка, резко поднимая взгляд на брата.

Она сделала тяжёлую, осязаемую паузу, вглядываясь в самую глубину его зрачков, где, казалось, ворочалась тьма. Внутри неё всё кипело от несправедливости его обвинений. Она выгрызала каждый свой спокойный день в этом городе.

— Я выбрала учёбу, работу и будущее, Сева. И ты тоже сделал свой выбор. Ты выбрал плыть по течению и жалеть себя. Так что не надо перекладывать с больной головы на здоровую.

Парень вдруг громко, надрывно расхохотался. Этот смех, прозвучавший в сонной предрассветной тишине квартиры, был сухим и жутким. Он пугал своей искренностью.

— Нет, сестра, — брат наконец отсмеялся и тяжело, надломленно выдохнул, подавшись корпусом к столу. — Это судьба, и от неё не сбежишь, как ни старайся. Ты можешь сколько угодно натягивать свои дорогие костюмы, сдавать зачёты и притворяться нормальной городской девочкой, но ты никогда не избавишься от своей сути. Ты не исправишь то, какой родилась, и не перепишешь кровь в своих венах.

Он замолчал, и его взгляд стал пугающе осознанным, лишённым всякого следа безумия. Теперь в нём говорила древняя, родовая память, которую они оба носили как клеймо. Только если Мира изо всех сил заталкивала эти воспоминания в глухой ментальный подвал, Сева, напротив, неосознанно вытаскивал их на поверхность, хоть и трактовал по-своему, сквозь призму собственной боли и обиды.

— Раз ты знаешь про долг, — горько упрекнул сестру парень, — так почему ничего не делаешь?! Ты так сильно заиклилась на себе, на своей этой правильной городской жизни, что совсем ослепла? Или ты специально всё свалила на меня? Хочешь ты этого или нет, но ты рождена ведьмой, Мира! Ты обязана богам за кровь, которая течёт в твоих венах. Не говори мне, что ты даже не думала о том, что за несоблюдение их воли с тебя однажды не спросят? Считаешь справедливым то, что за твои ошибки и эгоизм теперь расплачиваюсь я?!

Девушка сидела не шелохнувшись, уставившись в одну точку на кухонном столе. Она даже не успевала толком рассуждать над тем, что именно говорит ей брат, и переваривать этот поток обвинений. Со стороны всё его поведение, эти лихорадочно блестящие глаза и пафосные речи о богах и крови казались абсолютным, чистейшим абсурдом. Клиническим бредом чело- века, чей разум окончательно размыли запрещённые вещества и шизотипическое расстройство.

— Дед был пьяницей, знаешь почему? — парень резко поднялся со своего места, едва не опрокинув хлипкий табурет. — Это было его расплатой! Его наказанием за игнорирование божественной воли. Он тоже пытался сбежать, тоже пытался закрыться от них, как ты!

— Стоп-стоп-стоп, — Мира резко подняла руки ладонями вверх, надрывно, тяжело дыша. Ей казалось, что стены кухни физически сжимаются, лишая её кислорода. — Ты это сейчас серьёзно? Дед? Наш дед?!

Девушка злобно, язвительно усмехнулась. Внутри неё со скрипом повернулся ржавый замок, освобождая наружу старую, ядовитую детскую обиду.

— Вот кто действительно был самым настоящим отбросом, — процедила она, качая головой и отказываясь верить в то, что слышала от брата. — Он был не только пьяницей, Сева. Ты просто не знал его таким, каким знала я. Это я жила с ним и бабушкой в одном доме, пока вы с родителями сидели на другом конце деревни. Он был тираном, эгоистом и самодуром. Сидел на шее у несчастной жены, почти никогда не работал, пропадал сутками или неделями не пойми где.

Она безжалостно описывала ему ту суровую, серую домашнюю жизнь, которую маленький Сева просто физически не мог видеть из своего укрытия, будучи ограждённым от этого кошмара заботой матери и отца.

— Пока ты благополучно лежал в своей больничке, укутанный в белые простыни, я лично, своими глазами наблюдала за тем, как этот великий «избранник» подыхает, — продолжала девушка, и её голос упал до леденящего шёпота. — За всю его долгую, никчёмную жизнь

рак всё же сжалился над нами и избавил семью от этой неподъёмной ноши. Карма настигла его, Сева. Но не из-за какой-то там придуманной тобой божьей воли, а из-за бесконечных слёз родных людей, которые просто до смерти устали терпеть эту обузу!

— А что сделало его жизнь такой?! — не унимался брат, упрямо делая шаг к ней и буквально нависая над столом. Его зрачки расширились, отражая тусклый утренний свет. — Что выжгло его изнутри, Мира? Что заставляло его бежать из дома в глухую чашу?

— Мне плевать, — холодно отрезала девушка и резко отвела взгляд в сторону окна, давая понять, что разговор окончен. Тяжёлая, удушливая пауза свинцовым грузом опустилась на плечи этих двоих. Парень замер на месте, шумно дыша через нос, и принялся внимательно, лихорадочно анализировать её жёсткие слова, пока за окном медленно разгорался холодный городской рассвет.

— Ты злишься, — сделав глубокий, прерывистый вдох, начал Сева гораздо тише. Кажется, её гневная тирада немного сбила с него спесь. — Тебя можно понять. Но и ты меня пойми. После его смерти вся эта изнанка реальности упала на меня огромным снежным комом. Тени, которые всю жизнь преследовали его и загоняли в бутылку, теперь охотятся за мной. И единственный способ это исправить, единственный способ прекратить этот ад — научиться. Научиться с этим жить и управлять.

Парень порывисто, нарушая её личные границы, подался вперёд и крепко взял сестру за холодные руки.

— В лесу есть хижина, она осталась нам от деда, — его голос срывался, переходя на сухой шёпот, а пальцы лихорадочно, крупно тряслись, сжимая её ладони. — Просто поехали со мной. Пожалуйста, Мира. Один раз. Сама всё увидишь своими глазами. Эти существа они требуют от меня соблюдения божьего промысла, понимаешь? Но я не справляюсь один. Мне нужна ты. Ты всегда была талантливей, сильнее, умнее меня. Так чего тебе стоит? Просто поверь мне один раз, я тебя умоляю. Всего один.

Большие, глубоко запавшие глаза брата буквально блестели от животного, первобытного страха. Девушка смотрела на него в упор и чувствовала, как внутри всё сжимается от глухого тупика. Она не понимала, что ей делать. Как вернуть рассудок Севы в нормальное русло? Как заставить его пить таблетки? Для неё всё, что он сейчас говорил с таким отчаянным надрывом, было просто безумным бредом, опасной психопатической фиксацией на детских сказках. В этот самый момент из глубины квартиры, со стороны спальни, послышался резкий, дребезжащий звук будильника. Алина проснулась.

— Не вздумай при ней что-либо выкинуть, — Мира мгновенно выдернула свои руки из его хватки, бросила на брата строгий, предупреждающий взгляд и быстро направилась в ванную, чтобы успеть умыться ледяной водой и вернуть себе привычное самообладание.

Парень остался сидеть один в полумраке кухни. Он молча, механически допивал свой горький холодный чай, исподлобья наблюдая за тем, как девушки в суе собираются в университет. Его буквально физически тошнило от этого разговора с сестрой, от её приземлённой, жестокой версии произошедшего с их семьёй. Но ещё больше его тошнило от собственного абсолютного бессилия. Он понимал, что слова здесь больше не купят её доверие. Ему нужно было во что бы то ни стало, любыми путями привести Миру в эту лесную хижину. Только там она поймёт.

Через полчаса девушка буквально заставила Севу натянуть его вещи и обуться, и они с Алиной отправились на пары. Парень не ушёл на вокзал. Он упрямо шёл следом за ними по серым городским улицам, как безмолвная, серая тень, держась на расстоянии пяти шагов.

— Это просто жутко, — едва слышно отозвалась подруга шёпотом, пока они ждали зелёный сигнал светофора. Она периодически, с явной тревогой и опаской косилась назад на худо-

щавую фигуру в капюшоне. — Почему он идёт за нами? Он вообще адекватный? Может, он под чем-то?

— Упёртый баран, потому что, — злобно огрызнулась Мира, сильнее кутаясь в свою ветровку от пронзительного утреннего ветра.

— Чего он вообще от тебя хочет? — осторожно спросила соседка, чувствуя, как между двоюродными родственниками так и летают невидимые искры.

— Чтобы съездила с ним в нашу деревню и помогла с кое-чем по наследству от деда, — неохотно, тщательно подбирая максимально безопасные слова, выдохнула та.

Следующие несколько часов превратились для Миры в изощрённую пытку. Пока они с Алиной сидели на парах в тёплой аудитории, парень неподвижно стоял на улице, в густой тени старых деревьев сквера. Он не уходил ни на минуту. Он стоял под мелким морсящим дождём, смиренно ожидая — вернее, молча, всем своим измождённым видом требуя, чтобы сестра наконец откликнулась на его беду и перестала трусливо бежать от своей сути.

— И впрямь упёртый, — тихо отозвалась блондинка, облокотившись на подоконник и с жалостью смотря на него в окно третьего этажа. Сева в своей бесформенной куртке казался снизу маленьким и бесконечно одиноким на фоне кирпичной стены. — Что ты будешь делать? Если не поедешь с ним, он что, собрался тебя теперь просто преследовать по всему городу? Дежурить у ресторана?

— Агррр, — надрывно, со стоном вздохнула Мира.

Она с силой упёрлась лбом в прохладную деревянную парту, зажмурив глаза. Голова раскалывалась. В её сознании судорожно, хаотично крутились все до единого слова брата, смешиваясь с жуткими образами из ночного кошмара. Ей нужно было принять решение, и принять его быстро, пока эта ситуация окончательно не сожгла её идеальную городскую жизнь дотла. Голоса из коридоров — громкий студенческий смех, шарканье сотен ног и хлопки дверей — заполняли перемену, превращаясь в сплошной давящий гул. Этот шум не давал сосредоточиться на собственных мыслях, которые и без того метались в голове девушки испуганными птицами.

— Ты ведь не была там с тех пор, как твоя бабушка умерла, да? — размышляла вслух Алина, взволнованно всматриваясь в силуэт парня внизу. — Слушай, может, просто позвонить твоей маме? Или твоему дяде? Нельзя же это так оставлять.

Она вообще ничего не знала о прошлой жизни подруги до того самого дня, как они вместе поступили на первый курс. За все эти три года плотного общения она даже близко не догадывалась, что у Миры есть настолько проблемная, опасная родня. С одной стороны, теперь соседка прекрасно понимала, почему подруга никогда не распространялась о брате. Сева буквально был тёмной, позорной тенью из прошлого, которую та хотела раз и навсегда вычеркнуть из своей новой, чистой жизни. Девушка стояла у окна в тяжёлых, тревожных раздумьях, когда сзади послышался резкий, звонкий хлопок. Она вздрогнула и испуганно обернулась.

Мира с силой захлопнула свой блокнот, резко встала со своего места, в три шага преодолела расстояние до окна и рваным движением распахнула тяжёлую деревянную створку настежь. Прохладный, влажный весенний ветер мгновенно ворвался в душную аудиторию, наполнив лёгкие девушек и растрепав аккуратные волосы. В груди у неё бушевала дикая, удушливая смесь из застарелой обиды, злости и подсознательного страха перед тем, что её идеальный мир рушится на глазах. Она глубоко, до боли в рёбрах вздохнула, унимая дрожь, и упрямо сложила руки на груди, глядя в серое небо. Ведьмовская кровь внутри неё требовала выхода. Мира решила сыграть в орлянку с самой судьбой, подсознательно надеясь, что вселенная подыграет её нежеланию возвращаться в проклятую глушь.

— Если в это окно залетит птица — я сдамся и поеду с ним, — решительно, с вызовом процедила она сквозь зубы, выбирая самый абсурдный и наименее вероятный исход для

закрытого помещения на третьем этаже. — А вот если ветер занесёт сюда палочку или сухой лист — я остаюсь здесь, а Сева идёт к чёрту. Конец истории.

Она круто развернулась спиной к улице, тяжело опёрлась поясницей о подоконник и снова упрямо скрестила руки на груди, вызываясь глядя на опешившую подругу.

— Чего?! — искренне возмутилась Алина, всплеснув руками. — Ты издеваешься? Так ты теперь решаешь серьёзные проблемы? На кону твоя безопасность! Эй, тут нужен профессиональный врач или полиция, а не глупый случай! Ты ведь понятия не имеешь, что у него в голове и в каком он состоянии! Что, если он стал маньяком или невменяемым? Ты хочешь, чтобы я просто взяла и отпустила тебя неизвестно куда, в место, которое...

— Каррр! — резкий, оглушительный и раскатистый звук заставил обеих девушек буквально отскочить от окна, едва не повалив стулья.

На крашеный деревянный подоконник, тяжело и шумно захлопав огромными крыльями, приземлилась крупная, иссиня-чёрная ворона. Из её приоткрытого острого клюва вырвался ещё один хриплый клёкот. Птица склонила голову набок и уставилась на замерших подруг своими круглыми, бусинками-глазами, в которых читался совсем не животный, а пугающе осмысленный, насмешливый интерес. Она словно в упор следила за их реакцией, транслируя немую волю Судьбы, чьи нити Мира так отчаянно пыталась перерезать.

— Пиздец... — едва слышно, на одном дыхании выдохнула бледная Лина, не веря собственным глазам и судорожно прижимая ладонь к груди.

У неё просто не осталось слов, чтобы выразить всё своё возмущение, шок и дикий страх перед таким чудовищным, противоестественным совпадением. Знамение было слишком очевидным. Мира медленно перевела взгляд с наглой птицы на улицу. Там, далеко внизу, у самого подножия старого клёна, стоял Сева. Он медленно откинул капюшон куртки, поднял голову вверх и, встретившись с сестрой глазами, едва заметно, горько улыбнулся. Пришло время платить по счетам.

— Эй-эй, — увидев, как стремительно меняется и каменеет лицо подруги, блондинка схватила её за руку. — Ты ведь сейчас серьёзно не собираешься слушать какую-то птицу вместо голоса разума?

— Почему нет? — та горько, одними уголками губ усмехнулась такой формулировке и бросила взгляд на ворону. Птица на подоконнике даже не шелохнулась, продолжая буравить её своим умным, антрацитовым глазом. — Стоит признать, она была чертовски убедительной. Сама же видела.

— Да ты с ума сошла! — взволнованно, едва ли не со слезами на глазах затараторила девушка, преграждая ей путь. — А как же твоя учёба? А работа в ресторане? Тебя же уволят к чертям!

— Вернусь в понедельник, — Мира уже отрешённо, механическими, заученными движениями сгребала со стола в сумку ручки, маркеры и блокнот. Паника уступила место звенящей, холодной решимости. — Скажу менеджеру, что заболела или отравилась. Если хочешь, возьми мои смены на эти выходные, тебе как раз нужны были деньги на новые туфли. А домашку потом спишем у кого-нибудь, нам с тобой не привыкать.

Девушка натянуто, но весело улыбнулась подруге, мягко высвободила своё запястье из её пальцев и стремительно вышла из аудитории в бурлящий коридор.

— Чтоб каждую минуту на связи была! — крикнула ей Алина вслед, перекрывая шум толпы студентов. — Слышишь меня, Яковлева?! Скидывай мне геолокацию! Иначе я в понедельник утром твоё фото во все паблики выставлю и розыск на уши подниму!

Миру искренне развеселила эта чрезмерная паранойя подруги. На самом деле, когда дело касалось реальной, физической опасности, девушка всегда была чертовски, противоестественно везучей. Именно поэтому она ни секунды не переживала за свою безопасность рядом с изломанным братом. За всю её жизнь она ни разу в глаза не видела карманников, её никогда

не преследовали сомнительные личности в тёмных подворотнях. Наводнения, ураганы, аварии или внезапные пожары тоже всегда обходили стороной те дома, где она имела неосторожность жить. А вот соседям порой доставалось по полной программе. Пока остальные люди глупо растрачивали свою удачу на мимолётные копеечные выигрыши в лотереях или мелкие подарки судьбы, ведьмовская кровь девушки, словно невидимый щит, аккумулировала всю энергию и вкладывала её исключительно в личную безопасность. Мира быстрыми шагами спустилась по широкой мраморной лестнице главного корпуса, толкнула тяжёлую дверь и вышла из здания университета. Свежий воздух пах дождём и мокрым асфальтом. Она стремительно, не давая себе времени передумать, подошла к раскидистому клёну, где ждал Сева. Парень встретил её тихой, торжествующей улыбкой. Он убрал руки из карманов куртки, и в его осанке впервые за эти сутки появилось подобие прежней, уверенной силы.

— Не злорадствуй, Сивка, — цокнула девушка языком, строго осадив его пыл. — Посмотрю я на твою эту таинственную хижину в лесу, но на этом — всё. В понедельник утром я кровь из носу возвращаюсь обратно в город. У меня здесь реальная жизнь, в отличие от твоих лесных сказок.

Большой удачей было и то, что сегодня с утра, словно подсознательно предчувствуя неладное, она оделась в удобные джинсы, простую ветровку и старые, проверенные кроссовки. Мира одним резким движением застегнула молнию до самого подбородка, укрываясь от порывов холодного ветра, и решительно развернулась в сторону проспекта. Вместе с братом они бок о бок направились в сторону пригородного вокзала, оставляя за спиной глянцевые высотки и безопасную городскую суету.

— Ну давай, рассказывай, что у тебя в башке творится? — решительно обратилась она к нему, едва колёса пригородной электрички монотонно застучали по рельсам, унося их прочь от города. — Видишь глюки? Слышишь голоса? Что конкретно?

Она внимательно, не отрываясь, следила за малейшей реакцией парня. В её голосе больше не было фальшивого, напускного такта, она перестала тщательно подбирать выражения. Из её слов полностью исчезла издёвка, они просто наконец-то сбросили с себя все эти удушливые городские маски напускной культурности и перешли в режим прямого, жёсткого, но честного общения, которое было более привычно для них двоих с самого детства.

— Да всё сразу, — Сева легко, безмятежно усмехнулся, будто этот разговор не был странным, постыдным или смертельно опасным. Он даже расслабился, откинувшись на жёсткое сиденье вагона.

— Дядя сказал, что тебе лекарства сильные выписывали. Нейролептики там всякие, антидепрессанты, — Мира подёрла щёку кулаком, изучая его профиль. — Ты их пьёшь вообще?

— Они не помогают, — просто отмахнулся брат, повернувшись к ней. — От них только голова тяжёлая, как чугунный котелок, и спать постоянно хочется. А тени... Сама всё поймёшь, когда приедем. Проблема не в моей голове, честно.

Девушка не стала с ним спорить. Она и сама по себе прекрасно знала, как легко и изощрённо человеческий мозг умеет играть со своим хозяином, выстраивая безупречные галлюцинации и заставляя видеть и слышать то, чего нет на самом деле.

— Что насчёт наркотиков? — уже тише, осторожно спросила она, заглядывая ему прямо в зрачки. — Когда последний раз ты...

— Это было давно, Мира, — раздражённо отрезал парень, нахмурившись. — Пару раз в компании понюхал, а на мне теперь клеймо торчка на всю оставшуюся жизнь, хоспади... Отец сразу в дурку упёк.

— Откуда мне-то знать? — сестра устало отмахнулась, глядя, как за окном пролетают серые бетонные заборы промзон. — Ты вдруг исчез со всех радаров. Ни привета от тебя, ни ответа. Заблокировал всё, симку выбросил.

— Просто мне было дико стыдно, — виновато, совсем по-детски отозвался он, опустив глаза на свои забинтованные пальцы. — Я не хотел, чтобы ты видела меня таким. Слабым, конченным, раздавленным. Хотел, чтобы в твоей памяти остался нормальный брат.

— В психушке весело было? — неожиданно сменила тон девушка, спросив об этом совершенно непринуждённо, без трагизма, на что тот облегчённо и искренне усмехнулся.

— Да уж, весёлого мало, но кадры там, конечно, попадались знатные, — покачал он головой. — Один дед утверждал, что он радиоприёмник и ловит сигналы из космоса. Просил меня ему антенну на затылке поправить.

Сева сделал небольшую паузу, просто молча пялясь на сестру, а затем на его измождённом лице расплылась тёплая, настоящая улыбка. Отрезанные пять лет одиночества словно начали таять.

— Вот за что я тебя всегда любил... С тобой можно поговорить вообще на любую, даже самую кринжовую тему без страха быть высмеянным или непонятым. Ты не строишь из себя святую.

— Фу, — притворно сморщилась и усмехнулась Мира, картинно скрестив руки на груди, и отвернулась к окну. — Не говори мне о любви, мы вообще-то родственники.

Парень не выдержал и весело, громко рассмеялся на весь полупустой вагон. Они часто так общались раньше, подкалывая друг друга на грани фола, и это забытое чувство родного тепла сейчас физически согревало его израненное, уставшее от одиночества сердце.

— Ну так — резко перевела тему девушка, серьёзно заглядывая в окно, где городской пейзаж окончательно сменился густой стеной пригородного леса. — Что там за существа в этой деревне водятся? И с чем конкретно ты там не можешь справиться один?

Она сознательно думала, что если сменит тактику с медицинского допроса на правила его игры, подыграет его «миру сказок», то ей будет гораздо легче понять истинную причину его психоза и, в конце концов, действительно помочь брату разобраться с его внутренними демонами. Сева перестал улыбаться. Он проследил за её взглядом в окно, где вековые сосны Чёрного леса уже начали плотно смыкаться вокруг железнодорожного полотна, отсекая солнечный свет.

— Я, если честно, и сам не до конца всё это понимаю, — тихо вздохнул парень, утыкаясь взглядом в свои забинтованные пальцы. — Как мне объяснили, дар наш — это наследие богов. Мы с тобой что-то типа земных проводников, которые обязаны помогать потусторонним тварям, лечить их, когда они ломаются в человеческом мире. Но проблема в том, что я...

Он внезапно замаялся на полуслове, прервав свою речь, и медленно поднял глаза на сестру. Мира сидела неподвижно, подперев кулаком подбородок, и не сводила с него огромных, абсолютно круглых глаз, в которых сквозило ледяное, профессорское спокойствие.

— Ты мне не веришь, — Сева горько, обречённо усмехнулся и устало отмахнулся от неё, понимая, что бьётся лбом в глухую бетонную стену.

— Нет-нет, что ты, продолжай, — её привычная издевательская интонация и приподнятая бровь красноречиво говорили о тотальном, бронебойном сарказме. — Это действительно очень познавательно. Прямо готовый сюжет для курсовой по шизотипическому фольклору. Я вся во внимании.

— Иди ты, — раздражённо цокнул языком парень и круто отвернулся к окну, давая понять, что больше не проронит ни слова. — Я с огромным удовольствием взгляну на твоё лицо, когда мы наконец доберёмся до места. Посмотрим, как ты тогда запоёшь.

Остаток пути они проехали в глухом, звенящем молчании, прерываемом лишь стуком колёс и хрипылыми объявлениями остановок. Когда электричка наконец со скрежетом замерла у полустанка и они оказались в родной деревне, странное, тупое и липкое предчувствие беды мгновенно скрутило девушке живот. Мира вышла на покосившийся перрон и огляделась. Её

аккуратные бордовые пряди волос здесь, среди покосившихся серых изб, размытых грунтовых дорог и глухого, подступающего к самым домам Чёрного леса, казались чужеродными, кричащими и абсолютно неуместными. Девушка с удивлением поймала себя на мысли, что уже совершенно никого и ничего здесь не узнаёт. Прошло пять лет, но всё вокруг словно подёрнулось пеплом. Когда их старенькая бабушка умерла, измученная тяжёлым бытом мама Миры без тени сожаления продала всё имущество и навсегда уехала в город к новому мужчине, наконец-то освободившись от вековых оков, которые держали и душили её здесь всю жизнь. Места, которое девушка так бережно хранила в своём сердце, трепетно называя его «домом», больше физически не существовало. Вокруг была лишь чужая, вымирающая деревня, где не осталось ни единой живой души, с кем она могла бы хотя бы поздороваться.

— И как ты только тут живёшь — не выдержав давящей атмосферы, глухо вырвалось у Миры. Она быстро шла за шагающим впереди братом, испуганно озираясь по сторонам на пустые глазницы заброшенных изб. — Дыра же несусветная. Здесь даже сотовой связи, небось, нет.

Парень вместо ответа достал из кармана помятую пачку, щёлкнул зажигалкой и глубоко, с явным облегчением закурил сигарету, продолжая уверенно вести её куда-то вниз по узким, заросшим бурьяном деревенским улочкам.

— И давно ты куришь? — недовольно поморщилась сестра, картинно замахав ладонью перед носом, чтобы отогнать сизый едкий дым.

— Еле сдерживался, пока был в твоей квартире, — не оборачиваясь, тихо усмехнулся Сева. — Знаю же, что ты на дух терпеть не можешь этот запах.

— Так пах дед, — отстранённо, упавшим голосом отозвалась Мира, и её шаги на секунду замедлились. — Даже когда от боли с кровати встать уже не мог, всё равно хрипел и просил сигарету... Требовал, чтобы ему подожгли.

Тяжёлый, горячий ком мгновенно подкатил к самому горлу, мешая дышать. Девушка до боли сжала кулаки в карманах ветровки. Она искренне, всем сердцем ненавидела этого мужчину за то, что он делал с их семьёй, как отвратительно жил и какую разруху оставил после себя. И то, что брат сейчас во всём — от забинтованных рук до этого удушливого дыма — неосознанно копировал покойного тирана, пугало её сильнее любых лесных духов. Парень резко свернул с центральной дороги на едва заметную тропку, уходящую прямо вглубь хмурого, молчаливого леса.

— Ну и долго ещё топать? — устало плелась Мира, недовольно распинывая носками старых кроссовок скользкие, покрытые мхом камни под ногами.

Они уже давно оставили позади последнюю покосившуюся избу и вышли за официальную черту деревни. Теперь ребята просто шли в непонятном для девушки направлении — тропинка под ногами то истончалась, то вовсе исчезала в густых зарослях папоротника, уводя их в самую глубь угрюмого Чёрного леса. Высокие вековые ели смыкали свои лапы над головами, превращая предзакатное небо в рваные серые лоскуты.

— Не помнишь, что ли? — усмехнулся Сева, даже не оборачиваясь. Он шёл удивительно легко и уверенно, словно ноги сами знали дорогу. — Трижды налево, потом ещё прямо и направо до старого оврага...

— Про GPS не слышал? — упрекнула она его, раздражённо поправляя лямку сумки на плече. — Тебе бы он пригодился с такой ориентацией на местности. Это фактически значит просто вернуться в самое начало, чукча. Мы кругами ходим.

Парень лишь негромко, искренне рассмеялся на её придирки. Ему до щемящей боли в груди не хватало их простого, колючего общения все эти долгие, серые годы в четырёх стенах. Пока брат курил, пуская кольца сизого дыма в густую чащу, девушка шла чуть позади, внимательно разглядывая его со спины. Брат сильно вытянулся за время их разлуки, его плечи стали

шире, хотя из-за худобы он по-прежнему казался хрупким. Это был уже совсем не тот маленький мальчик, каким она его помнила. Неожиданно Мира с лёгким уколом паники осознала — вокруг стремительно смеркалось. В лесу сумерки сгущались вдвое быстрее, чем в городе: тени между деревьями наливались тяжёлой, чернильной темнотой, а воздух становился липким и холодным.

— Эй, Сивка, у тебя там в этой твоей избушке хоть свечи есть или что-нибудь? — громко окликнула она брата, чувствуя, как мороз пробирается под ветровку. — Про электричество я у тебя даже боюсь спрашивать... Ай!

Девушка не успела договорить. Нога в кроссовке внезапно зацепилась за вылезший из земли толстый, скрюченный корень, который в полумраке показался ей живым. Она не удержала равновесие и с глухим вскриком полетела вперёд, больно упав коленками на сырую, усыпанную прелой хвоей землю.

— Лес не любит электричества, — неторопливо отозвался Сева.

Он остановился, обернулся и сверху вниз посмотрел на растянувшуюся на земле сестру. В его лихорадочных глазах в наступающей темноте промелькнула странная, понимающая усмешка. Он даже не сделал попытки помочь ей подняться, зная, что Мира терпеть не может чужую жалость. Девушка зло зашипела от боли, потирая ушибленные колени, и попыталась нащупать в кармане куртки телефон, чтобы включить фонарик. Но стоило ей достать мобильный, как экран смартфона на секунду дико мигнул всеми цветами радуги, по нему пошли уродливые цифровые полосы, и аппарат полностью погас, превратившись в бесполезный кусок пластика. Заряд батареи, секунду назад бывший полным, упал до нуля. Мира замерла на четвереньках, глядя на мёртвый экран. Иллюзия её безопасного городского мира не просто дал трещину — она с треском рухнула, оставляя их наедине с темнотой.

— Прекрасно, — ехидно отозвалась девушка, со злостью убирая разряженный телефон глубоко в сумку. Она недовольно поднялась на ноги, морщась от саднящей боли, и принялась тщательно отряхивать испачканные грязью и хвоей колени. — И что теперь? Забираемся на ближайшую сосну, чтобы нас волки до утра не покусали? Учти, Сивка, я помирать в этой глуши ради твоих причуд не собираюсь. Если понадобится, без зазрения совести брошу тебя местным зверям на растерзание, а сама пешком до вокзала дойду.

— Не придётся, — тихо усмехнулся парень. В его голосе не было ни капли обиды. Он слишком хорошо знал свою колючую сестру и был стопроцентно уверен, что за её жестокими словами прячется всё та же преданная Мира, которая в детстве дралась за него до первой крови. Сева сделал шаг в сторону, раздвигая руками густые ветви ельника. — Мы пришли.

Девушка подняла глаза, тяжело дыша, и замерла на месте. На небольшой, заросшей высокой травой полянке, надёжно скрытой от чужих глаз вековыми деревьями, стоял крошечный покосившийся домик. В наступившей темноте он выглядел как классическая заброшенная избушка из самых мрачных сказок. Стены его были сложены из потемневших от времени, трухлявых брёвен, крыша сплошь поросла зелёным мхом, а размером всё это строение было едва ли чуть больше обычной газели. Дверь сиротливо держалась на одной ржавой петле.

— Какие хоромы. Ну просто королевское наследие, — прыснула Мира с привычным сарказмом, хотя внутри у неё всё сильнее крепло гнетущее чувство неправильности происходящего. — Не разорился на счетах за свет и воду в таком дворце?

Они подошли к крыльцу вплотную, когда густые лесные сумерки уже окончательно превратились в глухую, непроглядную ночь. Лес вокруг словно вымер — пропали все звуки, не было слышно ни шороха птиц, ни стрекотания насекомых. Только их собственное тяжёлое дыхание нарушало эту зловещую тишину.

— Там внутри хотя бы стул есть? — спросила девушка, упрямо идя следом за братом и осторожно переступая через прогнивший порог. — Спать стоя я ещё не научилась...

Парень первым вошёл в избу. Кромешная, вязкая тьма воцарилась в комнате в ту же секунду, когда ветхая деревянная дверь за их спинами с оглушительным, тяжёлым грохотом закрылась сама собой, отрезая даже бледный свет звёзд. Мира инстинктивно выставила руки перед собой, готовая нащупать перцовый баллончик, но Сева не остановился. В полной темноте он уверенно прошёл дальше через комнату, и девушка услышала, как скрипнула ещё одна, невидимая до этого дверь. Яркий, тёплый янтарный свет внезапно показался с той стороны, ослепляя и плавно запуская путников внутрь. В ту же секунду по всему телу девушки пробежали крупные, осязаемые мурашки — словно лёгкий весенний ветерок ласково обнял её за плечи, приветствуя. Удивлённый, лихорадочный взгляд сразу же забегал по сторонам, и её бронебойный скептицизм впервые дал мощную, необратимую трещину.

Стены помещения, в котором они оказались, были идеально ровными, выкрашенными в насыщенный изумрудный тон. На них на равном расстоянии друг от друга висели стильные, небольшие светильники, заливавшие пространство мягким уютом. Потолок уходил высоко вверх, а под ногами ровно поблёскивало качественное деревянное покрытие, пахнущее дорожкой мастикой и свежей древесиной. Но самое жуткое было в другом: прямо перед ними расстился длинный, просторный коридор, уводящий в разные стороны и скрывающийся за поворотами. Внешний вид прохудившейся, крошечной лесной хижины абсолютно не клеился с тем, что находилось внутри. Пространства этой волшебной избы было в десятки раз больше, чем снаружи. Это нарушало любые известные человечеству законы геометрии и здравой логики.

Девушка замерла посреди коридора как вкопанная, судорожно анализируя увиденное своим, привыкшим к порядку разумом, и пытаясь найти этому хоть какое-то рациональное объяснение. А вот брат, напротив, спокойно и обыденно прошёл дальше, даже не замедлив шаг. Он лишь на секунду обернулся, взглянул на шокированную сестру с понимающей, лёгкой усмешкой, но промолчал, решив не добивать её словами, и просто пошёл по коридору вперёд. Мира на неслушающихся, ватных ногах пошла следом, постоянно оборачиваясь назад на закрытую дверь и мимолётно, с замиранием сердца заглядывая в открытые проёмы комнат, мимо которых они проходили. Весь интерьер был удивительно современным, чистым и невероятно уютным. Никакой грязи, паутины или следов разрухи. Это место выглядело как дорогой загородный отель, спрятанный в складках самого пространства.

Сестра уже совершенно не обращала внимания на Севу, который молча вёл её вперёд. Страх и паника окончательно отступили, сменившись чистым, неподдельным любопытством. Мира заглядывала в комнаты, ведомая уже скорее эстетическим интересом к убранству, чем шоком от пространственной магии. Её разум, устав бороться с очевидным, просто сдался и начал впитывать детали интерьера. Помещения сами по себе все были невероятно просторными, но когда девушка открыла очередную массивную дверь, она буквально замерла на пороге. Перед ней открылась огромная ванная комната, залитая мягким, приглушённым светом. Посреди неё красовалась купальня поистине исполинских размеров. Этот масштаб застал Миру врасплох. Поддавшись импульсу, она подошла вплотную и перевесилась через тяжёлый бортик, который оказался чуть выше её пояса.

— Это для кого такой размерчик? — с любопытством и невольным восхищением заглянула она внутрь деревянной чаши. — Здесь же утонуть можно. Или устроить заплыв.

— Люблю простор, — негромко послышался бархатный, чуть рокочущий голос со стороны.

Ребята синхронно обернулись на звук. Облокотившись плечом на деревянный косяк дверного проёма, стоял высокий незнакомец. На вид лет двадцати пяти. Парень был одет в свободную, лёгкую, слегка потёртую кофту серо-зелёного оттенка и широкие тёмные штаны. Его одежда выглядела просто, почти повседневно, но весь его облик буквально кричал о том, что он чужой в этом человеческом мире. Взгляд Миры намертво приковало к его глазам. Невероятные, яркие изумруды, глубокие, как мох после ливня, смотрели на неё, таинственно и хищно

переливаясь в полумраке коридора. В этих глазах не было человеческого тепла — там колыхалась бесконечная, дикая глубина. Девушка судорожно вцепилась пальцами в холодный край купели, чувствуя, как ногти едва не скользят по лакированной поверхности. Мощные мурашки волной прокатились по телу, вновь и вновь предупреждая её об абсолютной ненормальности происходящего. Незнакомец не делал никаких резких движений, он даже не смотрел на неё с угрозой, но его пугающе расслабленная, ленивая поза заставляла Миру нервничать сильнее, чем при виде маргиналов в ночной электричке. Она нутром, каждым миллиметром своей кожи чувствовала: этот парень — совсем не тот, за кого себя выдаёт. Человеческий облик сидел на нём идеально, но под ним ворочалось что-то древнее, могучее и не знающее жалости.

— Ты не помнишь — глуховатый голос брата внезапно выцепил её из оцепенения и судорожных размышлений. Сева сделал полшага вперёд, переводя взгляд с незнакомца на сестру. — Но давай я вас, что ли, представлю. Мира, это Лесь.

Парень у двери едва заметно, одними уголками губ улыбнулся, услышав своё имя. Его насмешливый, ленивый взгляд медленно скользнул по фигуре девушки, но внезапно зацепился за её волосы. Изумрудные глаза незнакомца сузились, в них промелькнуло опасное удивление. Он чуть отстранился от косяка, выпрямляясь во весь рост.

— Ты уверял меня, Сева, что она пустая, — негромко, с бархатным рокотом произнёс Лесь, не сводя пристального взгляда с бордовых прядей Миры. — А космы-то уже обвещели... Морок едва сдерживает.

Девушка нахмурилась, переводя недоуменный и стремительно закипающий взгляд с незнакомца на брата. Сердце в груди заколотилось быстрее. Профессиональный филологический триггер сработал мгновенно, но смысл фразы полностью исказился в её голове. В современном языке слово «космы» ассоциировалось исключительно с неопрятными, спутанными, грязными волосами, а странный глагол «обвещели» вообще прозвучал как личное оскорбление.

— Ты кого сейчас косматой назвал, чучело лесное? — Мира ехидно вздёрнула бровь, сильнее вцепившись пальцами в бортик ванны, чтобы скрыть дрожь в руках. Её язвительный сарказм включился на полную мощность. — Свои пакли в зеркале видел, стилист недоделанный? Я эти волосы в салоне красила, если тебе интересно. Десять тысяч за сложную колористику.

Сева виновато сжался под её суровым взглядом и испуганно посмотрел на Леся, словно безмолвно умоляя того не нагнетать обстановку и сделать скидку на её городскую слепоту.

— Да нет, Мир, ты не поняла, притормози — испуганно забормотал брат, нервно теребя бинты на запястье. — Он не в плохом смысле. Космы у предков — от слова «космос», ну, связь со вселенной, с силой природы.

— А обвещели — значит, напिताлись вещим даром, — спокойно продолжил за него Лесь, делая ленивый шаг вглубь ванной комнаты. Воздух вокруг него казался более плотным, пахнувшим грозой, озоном и папоротником. — Сколько бы ведьма не пыталась бежать от судьбы, её кровь всё равно закипает. Сила пробивается наружу, меняя структуру и оттенок волос. Твоя городская краска тут ни при чём, девочка. Этот бордовый цвет говорит, что хоть и отрицаешь, но ты тянешься к магии. Ты отмечена Велесом, а строишь из себя слепую.

Мира опешила, а её напускная уверенность пошла глубокими трещинами. Воспоминание о её сегодняшнем ночном кошмаре, где Тень хрипела: *«Ты забыла меня, ведьма?»* — вспыхнуло в голове яркой, болезненной вспышкой. Неужели это правда? Неужели бордовый цвет, который она выбрала просто по зову сердца полгода назад в кресле парикмахера, был криком её запертой, пытающейся прорваться наружу магии?

— Я тебе не девочка, — зыркнула на него та, упрямо и жёстко выстраивая между ними последние оборонительные границы. Она вызывающе вскинула подбородок. — А будешь и дальше обзывать своими допотопными терминами, я глазёнки тебе выколю.

Её буйный, колючий нрав и ядовитый сарказм только сильнее раззадорили Лесья. На его губах снова заиграла ленивая, хищная усмешка. Эта девчонка из города не просто не побоялась смотреть ему, хозяину этих мест, прямо в глаза — она умудрялась открыто угрожать физической расправой на его же собственной территории. От незнания ли, от шока или от чистого отчаяния она так дерзила, но это красноречиво говорило о её невероятно крепком, стальном нраве. Ведьма в ней не просто проснулась, она уже выпускала когти.

Сева, не на шутку испугавшись, когда Лесь сделал неторопливый шаг по направлению к девушке, порывисто вклинился между ними. Парень раскинул руки, закрывая собой сестру.

— Случай тяжёлый, — нервно сглотнув, кивнул он на Миру, отчаянно пытаясь сгладить накалившуюся до предела обстановку. — Она поймёт, Лесь, честное слово. Просто дай ей немного времени...

В этот самый момент прямо из-под пола за ванной, донёсся странный, пугающий звук. Больше было похоже на отчаянный, глухой тарабан тяжёлых кулаков по металлу. Девушка обернулась, и в тот же миг тяжёлый люк в полу с оглушительным грохотом откинулся назад, и снизу, из зияющей темноты, показались две мокрые, бледные человеческие руки с неестественно длинными пальцами.

— Ну сколько можно?! — яростно закричал хриплый мужской голос. — Ты сказал, Сева, что это займёт пару дней! А прошло уже четыре! Она остывает!

Мира по чистой инерции, поддавшись животному инстинкту самосохранения, сделала резкий шаг назад, намереваясь выскочить из ванной комнаты. Но в эту же секунду сзади ей на плечо ледяным грузом опустилась тяжёлая ладонь. Девушка крупно, судорожно вздрогнула всем телом, мгновенно застывая на месте. Лесь очутился позади неё абсолютно бесшумно, словно соткался из самого воздуха. Он стоял к ней впрытк, его высокая фигура полностью блокировала выход, не давая той сдвинуться с места ни на миллиметр. Напряжение между ними стало осязаемым, плотным.

— Смотри внимательно, ведьма, — его вкрадчивый, рокочущий шёпот коснулся самого её уха, заставляя волосы на шее встать дыбом. — Видишь в его глазах это дикое отчаяние? Это живая мольба о помощи. Его сородич попал в беду в вашем грязном мире людей, и прямо сейчас ты должна отдать долг Велесу. Тот самый долг, что пульсирует в твоих венах вместе с вещим огнём. Смотри.

Девушка, мелко дрожа от прокатившегося по телу страха, не сводила ошалевшего взгляда с мужчины, который в эту секунду полностью вылез на свет из тёмного подпола. Её разум окончательно капитулировал перед реальностью. Мужчина был полностью, до нитки мокрым, словно только что вынырнул из глубокого омута, от него явственно пахло речной тиной, илом и застоявшейся водой. Под его мертвенно-бледной, почти синюшной кожей яростно, буграми перекачивались мощные мышцы. Незнакомец вместе с подбежавшим Севой аккуратно, но спешно вытащили из раскрытого люка девушку — такую же бледную, с длинными, спутанными волосами цвета болотной травы. Она была совершенно бездвижной, её хрупкое тело было сковано тяжёлой судорогой, а лицо исказилось от невыносимой, жуткой боли. Бок её был перетянут какими-то тряпками, пропитавшимися кровью.

Мира стояла в глубоком, парализующем ступоре, не в силах сделать даже мимолётный вдох или пошевелить пальцем. Её вовсе не пугал вид тёмной крови — за три года работы в ресторане она видела разное. Но её разум отчаянно, до скрежета зубов пытался найти всему этому хоть какое-то рациональное объяснение. Она просто не верила собственным глазам. Брат сидел на полу совсем рядом, его губы шевелились, он что-то быстро объяснял ей, жестикулируя забинтованными руками, но она совершенно не слышала его. В ушах пульсировало, оглушительно звенело и стучало от тотального непонимания. Сотни раз вязкими ночами она видела этих волшебных, уродливых и прекрасных существ в своих снах, но сейчас, наяву, просто физически не могла заставить себя признать происходящее.

— Бояться не стыдно, — вкрадчивый, низкий голос Леся резко разрезал этот звенящий гул, заполняя собой всё пространство её мыслей. Он был так близко, что казалось, звучал прямо внутри её собственной головы, минуя барабанные перепонки. — Стыдно трусливо бежать от своей сути. Я всё подробно расскажу тебе позже, отвечу на каждый вопрос, но прямо сейчас ты обязана помочь ей. Время уходит.

— Почему ты сам ей не поможешь? — едва шевеля онемевшими губами, обратилась она к нему, но так и не смогла свести дикого, заворожённого взгляда с бездыханной девушки на полу. Пальцы Миры судорожно, до белых костяшек сжимались вокруг кожаного ремня сумки на плече, отчаянно пытаясь удержаться за эту последнюю материальную ниточку её привычной, безопасной реальности.

— Не думай обо мне, — тихо, с хищной издёвкой усмехнулся парень над её ухом, а затем внезапно убрал свою тяжёлую ледяную руку с её плеча. — Думай только о своём пациенте...

И в тот же миг девушка ощутила мощный толчок в спину. Она еле удержала равновесие, покачнувшись на ватных ногах, выставила руки и резко, в ярости обернулась назад, чтобы высказать этому лесному наглецу всё, что о нём думает.

— Офигел?! — крикнула она возмущённо. Но слова застряли у неё в горле, а крик оборвался на самой высокой ноте. Девушка наткнулась взглядом на своё собственное, обмякшее тело, которое прямо сейчас безжизненно висело в сильных руках Леся.

Мира замерла, боясь сделать лишнее движение. Сейчас она отчётливо, во всех пугающих деталях видела то, что ощущала ещё пару минут назад на подсознательном уровне, когда её тело пробивал озноб. Вокруг парня вздымались и бешено вращались мощные вихри густой зеленовато-чёрной энергии, пахнувшие старой хвоей, сырой землёй и вековым покоем чащи. Он и близко не был человеком. Его одежда казалась лишь зыбкой иллюзией. Лесь ловким, отточенным движением покрепче перехватил её бесчувственное физическое тело, прижимая к своей широкой груди, словно обычную тряпичную куклу.

— Я отдам тебе его в целости и сохранности, если ты поможешь девочке, — ехидно, обнажая острые зубы, улыбнулся он, глядя своими горящими изумрудными глазами прямо на отделившийся, полупрозрачный бестелесный дух Миры. А затем весомо кивнул головой в сторону раненой русалки. — Но тебе нужно поторопиться, ведьма. Время — штука не резиновая. И для неё, и для твоего возвращения обратно.

Девушка в панике, судорожно оглянулась на Севу, ища у него защиты, но, казалось, брат её в упор не видит. Он смотрел строго на Леся, его лицо исказилось от ужаса, а бинты на руках задрожали ещё сильнее. Он видел только упавшую без чувств сестру и Хозяина тайги.

— Что ты с ней сделал?! — спросил Сева взволнованно, порывисто поднимаясь.

— Добавил девочке немного мотивации, — безмятежно усмехнулся парень, даже не взглянув на него, и поудобнее перехватил обмякшую Миру.

Взгляд ведьмы в тот же миг стал острым, как бритва. Она буквально впивалась им в Леся — в это древнее существо, которое сейчас так нагло и бесцеремонно вынуждало её подчиниться своей воле. В призрачном теле девушки закипала самая настоящая, чистая человеческая ярость.

— Я ещё доберусь до тебя, — брякнула она злобно, выплюнув угрозу прямо в его ухмыляющееся лицо, но тут же круто развернулась к лежащей на полу пострадавшей.

Присев на корточки рядом с безжизненным телом, ведьма пыталась внимательно осмотреть девушку, хотя внутри неё всё судорожно колотилось. Её мозг продолжал выставлять ментальные блоки.

— Я на Айболита похожа, что ли? — испуганно и раздражённо бубнила Мира себе под нос, привычно маскируя панику ворчанием. — Как, чёрт возьми, я должна помочь ей? Я даже бинтовать толком не умею!

Она занесла призрачные руки над окровавленным боком незнакомки, почти коснулась её кожи, но в последний момент замерла и крепко закрыла глаза. Ей нужно было полностью абсорбироваться от криков Севы, от тяжёлого запаха речной тины и от ощущения, что её собственная жизнь сейчас висит на волоске от смерти. Пытаясь нащупать опору, она мысленно провалилась вглубь себя. Перед глазами цветным калейдоскопом начали вспыхивать сны, в которых она видела подобных тварей. Что она делала в тех сюжетах? Как бы она поступила прямо сейчас, будь это всё просто очередным сновидением, нереальным фантастическим трипом? Лечила ли она вообще раны в своей жизни, хотя бы во сне?

Один за другим она судорожно перебирала старые осколки воспоминаний, пытаясь найти хоть какие-то ответы. И вдруг едва уловимое, мягкое и покалывающее тёплое чувство на самых кончиках пальцев напомнило ей главное правило изнанки: во снах нельзя руководствоваться логикой. Стоит включить рацию и начать сомневаться — и ты мгновенно попадёшь в ловушку, сон рассыплется, а чудовище тебя сожрёт. Только чистые чувства, намерения и инстинкты имели истинный вес. Всё происходящее на этой стороне всегда было мимолётным, лёгким, порывистым, как взмах птичьего крыла.

Мира резко, с нажимом щёлкнула пальцами, мысленно представив перед собой тонкую, светящуюся серебряную нить, а затем плавно, уверенно провела рукой по воздуху прямо над боком девочки, воображая в голове чёткий, стягивающий края кожи рисунок. Словно зашивала невидимую ткань.

— Смотрите... — вдруг донёсся до её затуманенного сознания шёпот брата.

Девушка резко открыла глаза и испуганно вздрогнула, едва не отшатнувшись назад. Русалка, лежащая на руках своего мокрого, синюшного сородича, внезапно глубоко, с хрипом вздохнула и распахнула свои бледные глаза. Она нервно прикусывала губы, растерянно озираясь по сторонам в полном непонимании того, где находится. Мужчина-водяной тут же, судорожно перебирая пальцами, потянулся к её боку, срывая пропитанные чёрной жижей самодельные повязки. Трясущимися от волнения руками он аккуратно, слой за слоем отделил последнюю присохшую ткань, а затем порывисто, словно не веря собственным глазам, с силой вытер бледную кожу ладонью. Раны не было. Кожа на её боку была абсолютно гладкой, чистой и белой, без единого шрама или пореза.

— Получилось! — восторженно воскликнул Сева, вскакивая на ноги и оглядываясь на замершего Леся. На лице брата сияло самое настоящее, безумное счастье. Мира продолжала сидеть неподвижно на полу, затаив дыхание. Её взгляд застыл, она внимательно впитывала в себя всё то, что сейчас произошло на её глазах. Разум снова попытался защититься, выстроив стену из скепсиса. *«Это что, розыгрыш? — судорожно, на грани истерики размышляла она, глядя на свои полупрозрачные пальцы. — С чего я вообще взяла, что там была смертельная рана? Я ведь её даже не видела...»* Новыми, удушливыми волнами паника и глухое отрицание накрывали её с головой, мешая признать очевидное: она только что совершила настоящее чудо.

Девушка буквально заставила себя отвлечься от липких, панических мыслей, переведя взгляд на суетящегося брата, который уже всю набирал ту самую исполинскую ванну, чтобы спасённая русалка могла спокойно прийти в чувство, погрузиться в родную стихию и отдохнуть. Ведьма мимолётно бросила взгляд в сторону, туда, где секунду назад стоял Лесь, но, не найдя его с телом на руках, крупно, судорожно вздрогнула. Сердце, которого у её призрачной оболочки сейчас не было, словно провалилось в бездну. Она сорвалась с места, почти не чувствуя ног, и рванула куда-то вглубь просторного коридора, будто точно знала, где именно нужно искать похитителя. Мира нагнала Леся уже в самом конце галереи. Тот шёл неторопливым, размеренным шагом, бережно, но уверенно неся её бесчувственную земную оболочку.

— А ну стоять! — рявкнула она, буквально материализуясь перед ним и преграждая путь. Её призрачные волосы взметнулись от ярости. — Быстро отдал меня! Кому говорю!

Она требовательно, с силой тыкала пальцем в сторону своего тела в его руках.

— Конечно, — лениво усмехнулся парень, остановившись. — Без проблем. Держи.

Мира, не раздумывая, порывисто коснулась своего плеча, но её призрачные руки просто с глухим свистом прошли сквозь плотную ткань собственной ветровки насквозь. Воздух остался пустым. Девушка в нарастающей панике попыталась ухватиться за свои плечи, обнять себя, встряхнуть, но ничего не получалось — она оставалась бесплотным духом, скользящим по воздуху. Наблюдая за этими хаотичными, отчаянными попытками, Лесь громко, раскати-сто рассмеялся. Его смех напоминал шуршание столетних крон во время бури. Он аккуратно обошёл замершую ведьму и направился дальше по коридору.

— Куда?! — взвилась та, преследуя парня буквально по пятам. От её недавнего страха не осталось и следа, его полностью выжгла злость от бессилия. — А ну верни всё как было, чёрт!

— Зачем? — искренне удивился тот, открывая плечом очередную массивную дубовую дверь. — По мне так даже лучше.

— Трус! — подлетела к нему вплотную Мира, едва ли не пытаясь укусить его за ухо. — Боишься вернуть меня в тело, потому что знаешь — я тебе сразу жопу надеру за этот фокус! Разотру твою лесную физиономию по этим идеальным полам!

Она не успела договорить, внезапно наткнувшись взглядом на то, как Лесь удивительно мягко, почти бережно укладывает её физическое тело на аккуратно застеленную кровать в просторной спальне. Он поправил под её головой подушку и аккуратно убрал бордовую прядь с бледного лица.

— Ты для меня сейчас — надоедливая муха, не более, — плавно, без единого лишнего движения повернулся парень к ней во весь рост. Его изумрудные глаза в полумраке спальни вспыхнули ровным, глубоким светом. — Много жужишь, мало делаешь.

— Тогда зачем нужно было вообще тащить меня сюда через всю область?! — не унималась девушка, зависнув перед ним в воздухе и сжимая призрачные кулаки. — Зачем брать моё тело в заложники? Взял бы да сам вылечил эту свою несчастную русалку! Что тебе стоило?

— Не могу, — коротко, удивительно спокойно ответил Лесь.

Он перестал усмехаться. Парень замер, глядя прямо ей в глаза — неподвижно, тяжело и пронзительно. В этот самый момент какая-то давящая, густая и тягучая тишина свинцовым грузом опустилась на их плечи, отсекая все звуки за пределами комнаты. И Мира, привыкшая считывать любые скрытые смыслы, вдруг чётко, с пугающей ясностью прочла в глубине его нечеловеческого взгляда глухую, вековую и бесконечную грусть. Девушке вдруг стало не по себе. Куда-то разом испарилась вся её язвительность, оставив после себя лишь звенящую, неуютную пустоту. Он правда ничем не мог помочь этой несчастной русалке? Этот парень, способный крутить пространством как ему вздумается, — стоял перед ней абсолютно бессильный перед лицом обычной раны.

— Тогда почему не Сева? — спросила она гораздо серьезнее, опускаясь чуть ниже к полу. — Разве в нём не течёт эта ваша ведьмовская кровь, о которой вы все здесь так пафосно говорите?

— Течёт, — спокойно кивнул Лесь, не отводя от неё своего пронизывающего взора. — Однако одной крови недостаточно. Ты ведь не разгружаешь железнодорожные вагоны, верно?

— Сравнил тоже мне, — тихо прыснула девушка, по привычке пытаясь защититься скепсисом, но вышло как-то вымученно.

— У каждой силы есть свои жёсткие лимиты, — перебил её парень всё тем же ровным, убаюкивающим тоном, в котором сквозило вековое спокойствие. — Есть свои границы и сферы влияния. Твой брат — славный малый, Мира. И дар в нём есть. Но его собственная душа была слишком изрешечена вашим человеческим миром. Он тоже ранен, слишком глубоко внутри себя. Его сил едва хватает, чтобы просто не сойти с ума под гнётом изнанки. Ему не вывезти чужую смерть. А тебе — по силам.

Проницательные, бьющие в самую суть слова Леся заставили ведьму виновато опустить взгляд. Она прекрасно понимала, о чём он сейчас говорит. В памяти вспыхнули забинтованные запястья брата, его дрожащие пальцы и лихорадочный, затравленный взгляд на вокзале. Сева действительно пытался удержать этот мир на своих хрупких плечах, пока она строила карьеру в городе. Её сердце болезненно сжалось от этого внезапного чувства бессилия и вины.

— Отдыхай, — негромко, почти ласково улыбнулся парень, плавно проходя мимо её бестелесного духа к выходу из комнаты. — Твоя работа на сегодня окончена. Просто ложись рядом, закрывай глаза и спи. Утром вернёшься в своё тело.

Дверь за ним бесшумно закрылась, оставив девушку в полумраке гостевой. Тяжёлая, гнетущая нота их разговора никак не давала ей покоя, ворочаясь в мыслях острым осколком. Она какое-то время просто неподвижно лежала в воздухе прямо над кроватью, а затем опустилась ниже, всматриваясь в собственное умиротворённое лицо. Настоящая, физическая Мира спала глубоко и безмятежно, её грудь мерно вздымалась под ветровкой. Назойливые, злые мысли не давали призрачному сознанию расслабиться. Ведьма вновь и вновь, по кругу возвращалась к кричащей несправедливости всей этой ситуации, в которой она оказалась по воле случая. На неё снова, как в далёком и тяжёлом детстве, без её согласия скинули огромную, неподъёмную ответственность, к которой та была категорически не готова. Её выдернули из понятного городского уюта, швырнули в лесную глушь, заставили спасать монстров — и при этом даже не оставили банального права выбора: *«Ты ведьма, ты должна, твой род обязан Велесу...»* Вязкая, тёплая темнота комнаты постепенно сгущалась вокруг её призрачной оболочки. Мира и сама не заметила, как поддалась этой убаюкивающей лесной тишине и окончательно, беззвучно погрузилась в глубокий, лишённый сновидений сон.

Ранним утром Сева, едва разлепив опухшие от недосыпа глаза, первым делом решил проведать сестру. Его до сих пор потряхивало от ночных событий, а чувство вины за то, что он силой выдернул её из привычной жизни, не давало покоя. Он осторожно приоткрыл массивную дверь гостевой спальни, заглянул внутрь, но девушки на постели не обнаружил. Одежда была отброшена, а комната пустовала. В панике парень бросился проверять коридоры заимки, но и там было глухо и безлюдно. Тогда, окончательно растеряв остатки самообладания, Сева рванул в покои Леся, без стука врываясь внутрь.

— Она сбежала?! — порывисто выкрикнул тот, тяжело дыша и едва не спотыкаясь на пороге.

— Кто? — лениво отозвался тот. Хозяин леса недовольно поёжился в своей просторной постели, приоткрыв один изумрудный глаз и явно не разделяя утренней паники ведьмака.

— Мира! — Сева подошёл почти вплотную к его кровати, активно жестикулируя забинтованными руками. — Её нет в комнате. Одежды нет. На вокзал ушла? В такую-то рань?!

Лесь на секунду замер, словно прислушиваясь к невидимым вибрациям самой избушки и Чёрного леса за её стенами, а затем сладко, с хрустом потянулся.

— На кухне она — хрипло буркнул он из-под одеяла и демонстративно развернулся к парню спиной, укутываясь по самый нос.

— На кухне? Блять... — Сева побледнел, и в его глазах отобразился первобытный ужас. Он тут же круто развернулся и пулей рванул к выходу.

— К чему эта дурацкая суета с утра пораньше? — донёсся ему вдогонку недовольный, глуховатый голос.

— В смысле?! — рявкнул парень, уже на бегу оборачиваясь в дверях. — Там же...

В это самое время на просторной, залитой утренним солнцем кухне царила удивительная, почти сюрреалистичная атмосфера. Мира, уже полностью вернувшаяся в своё физическое тело и чувствующая лёгкую ломоту в мышцах, сидела за большим деревянным столом. Её бор-

довые пряди растрепались, а сама она, не мигая, наблюдала за странным существом, которое с яростным, порывистым чавканьем пило молоко прямо из глубокой глиняной тарелки.

— Вот теперь это точно клиника — едва слышно шептала она себе под нос, сжимая пальцы на тяжёлой ручке массивной чугунной сковороды и не сводя глаз с этого живого чёрного комка.

Сева с грохотом ворвался на кухню, заставив обоих обитателей комнаты синхронно вздрогнуть. Существо от неожиданности подавилось молоком и испуганно зашипело, а девушка лишь сильнее перехватила своё импровизированное оружие.

— Мира! — парень замер на пороге, тяжело переводя дух. Он наткнулся на острый, леденящий взгляд сестры, а затем испуганно перевёл глаза на существо у тарелки. — Это ты как?.. Это...

— ... домовой?! — безжалостно перебила его она, даже не дав брату закончить паническую тираду. — Да, Сивка, я уж поняла. Спасибо.

— Ну какие же вы всё-таки шумные... — слышался сонный, недовольный голос из-за спины парня.

Это был Лесь. Кое-как натянув свои широкие штаны и всё ту же свободную кофту, тот лениво плёлся следом за ведьмаком. Потирая заспанные глаза, он остановился в проёме и быстро оценил диковатую обстановку.

— Не испугалась, значит? — спросил брат с явным подозрением и беспокойством в голосе, внимательно осматривая сначала Миру на целость, а затем — копошащийся у тарелки клубок жёстких чёрных волос на тонких ножках. Выглядел дух дома совсем не так, как его привыкли описывать в сказках для маленьких детей. Никакого благообразного дедушки в лаптях и красной рубахе тут не было и в помине. Существо напоминало скорее паука-переростка, сплошь покрытого плотной, свалывшейся шерстью и пылью. У него были короткие, неестественно изогнутые нижние лапки, но при этом совершенно длинные, гибкие руки с цепкими пальцами, которыми он сейчас придерживал края миски. Полное отсутствие привычных человеческих органов чувств — ни носа, ни ушей, только пара огромных, осторожных угольно-чёрных глаз, блестящих из-под лохматого чубчика, делали его облик по-настоящему пугающим для неподготовленного городского жителя.

— Я надеюсь, ты его не избил до полусмерти? — со смешком поинтересовался Лесь, выразительно косясь на огромную чугунную сковородку, которую девушка до сих пор держала наготове, словно щит.

— Ещё чего, — брякнула Мира, наконец шумно выдохнув, и со стуком опустила сковороду на стол. Она уселась на стул, расправив затёкшие плечи, и почувствовала, как к лицу приливает жар от воспоминаний. — Это для самообороны.

Девушка мысленно вернулась на час назад, когда она, едва проснувшись, пришла на кухню в поисках стакана воды и наткнулась на этого «хозяина подполья». Ох, как они тогда знатно и позорно скакали по всей этой огромной кухне, перепуганные в усмерть друг за другом! Домовой с визгом носился по углам, швыряясь в неё сухими ложками, а Мира с матами отбивалась сковородкой, пока они оба наконец не выбились из сил и не заключили молчаливый пакт о ненападении за тарелку молока. Она бросила язвительный, предостерегающий взгляд на Леся, который продолжал стоять в дверном проёме, скрестив руки на груди и откровенно забавляясь всей этой сценой. Внутри неё всё ещё бушевало отрицание, но этот мохнатый паук, уплетающий молоко, был слишком осязаемым, чтобы списать его на сон.

— Ну а ты? — ведьма смотрела прямо в глаза парню, напрочь игнорируя топчущегося рядом брата. — Что ты за зверь такой?

Она всё ещё ровным счётом ничего не знала об этом высокомерном незнакомце. Вчера он обещал ей всё подробно рассказать, и теперь, после всего пережитого бреда, Мира была внутренне готова выслушать любые, даже самые безумные их объяснения. Всю ночь и оста-

ток утра она потратила на судорожный, детальный анализ произошедшего. Тот факт, что Лесь буквально вытолкнул её дух из физической оболочки, а эта гигантская избушка с полноценными окнами в каждой спальне никак не могла быть галлюцинацией — говорил сам за себя. Смертельно раненая русалка в ванне и этот мохнатый домовый у тарелки тоже были пугающе реальными. У неё просто физически больше не оставалось выбора, кроме как признать очевидное. Её логика разбилась вдребезги. Парень у двери едва заметно улыбнулся и, наконец оторвавшись от косяка, плавно, по-кошачьи прошёл вглубь просторной комнаты.

— Я не зверь, — ехидно, со знакомой хищной издёвкой подметил он, неторопливо подходя к обедающему существу.

Его длинные пальцы уверенно коснулись жёсткой чёрной шерсти, мягко поглаживая и успокаивая растревоженного духа дома. Мохнатый комок пыли, тихонько заурчав, ловким и быстрым движением перескочил со стола прямо парню на плечо, словно маленькая ручная обезьянка, и с комфортом устроился там, продолжая сверлить Миру своими угольными глазами.

— Он леший, — осторожно, едва ли не шёпотом отозвался Сева, бочком подходя ближе к столу. Его лихорадочный взгляд буквально буравил лицо сестры, отчаянно ища в её мимике хоть какие-то понятные человеческие эмоции — страх, гнев или панику.

— Да хоть снежный человек, — безразлично брякнула та, устало откидываясь на жёсткую спинку стула и скрещивая руки на груди. — Честно, мне уже абсолютно пофиг, как вы эту фауну классифицируете.

— Это чистая правда, Мира, — настойчиво поспешил оправдаться брат, явно боясь, что она снова сорвётся на крик и обвинит его во лжи. — Он хозяин этого леса.

— Да верю я, верю, — девушка перевела тяжёлый, измождённый взгляд с Севы на парня, который теперь возвышался посреди кухни с паукообразным существом на плече. — Меня интересует только один вопрос: зачем я здесь? Ты ведь не надеялся, что после вчерашнего фокуса я просто безропотно приму на веру все твои речи про долг крови и останусь в этой глуши? Чтобы что? Стать персональным бесплатным доктором для местной нечисти? Кидаться на амбразуру с бинтами каждый раз, когда у тебя в чаще кто-то рёбра ломает?

Лесь, услышав её формулировку, тихо и глухо рассмеялся, отчего мохнатый домовый на его плече недовольно прижал невидимые уши. Парень сделал ещё шаг вперёд, садясь на край стола прямо напротив Миры. В его изумрудных глазах вновь заплескали опасные искры перевозданной магии.

— «Доктором для нечисти»? — с явным удовольствием смакуя, повторил он и качнул головой. — Это слово придумали испуганные смертные, которые заколотили свои окна и отгородились от природы асфальтом. Те, кто лежит в подполе и плавает в омуты — это суседа. Соседи вашего рода по этой земле. Живые сородичи изнанки. И ты здесь не для того, чтобы просто мазать их раны зелёной. Ты — вещь. Мост, через который сила Велеса способна латать дыры, нанесённые вашим грязным миром. Без тебя и твоего брата они просто сгниют заживо от бетона и железа. И если ты уйдёшь, Макошь завяжет узел у тебя на шее. Так что выбор у тебя, конечно, есть... Но финал тебе не понравится.

— Макошь? — недовольно фыркнула девушка, её брови сердито съехались к переносице. В глубине памяти, среди сотен зазубренных к экзаменам страниц по древнерусской литературе и академическому фольклору, внезапно шевельнулось что-то смутно знакомое. — Богиня какая-то? На первом курсе были вроде лекции по славянскому язычеству... Но при чём тут я и моя шея?

Лесь медленно опустил руку, позволяя домовому сползти со своего плеча обратно на кухонный стол. Взгляд Хозяина леса мгновенно утратил прежнюю насмешливость, став глубоким, холодным и тяжёлым, словно зимняя ночь в глухой тайге.

— «Богиня какая-то», — эхом повторил он её слова, и в его голосе проскользнул опасный, рокошующий ропот. — Какое потрясающее невежество.

Парень плавно поднялся с края стола и сделал медленный круг по кухне, заложив руки за спину. Шаги его были абсолютно бесшумными, но половицы под его ногами едва слышно подвывали, словно от страха.

— Макошь — великая Пряха изнанки, — начал Леший вкрадчивым, обволакивающим шёпотом, от которого у Миры по привычке побежали мурашки по предплечьям. — Она старше многих богов, которых вы, люди, помните по именам. Она прядёт Поку́ту — узор мировой судьбы. Каждое живое существо, будь то смертный человек, лесной дух или водяница в омуте, привязано к её невидимому веретену своей тонкой нитью. Ей помогают Доля и Недоля, отмеряя, кому достанется счастье, а кому — вечные страдания.

Он остановился прямо напротив девушки, заставив её невольно вжаться в спинку стула, и заглянул прямо в зрачки своими светящимися изумрудами.

— Твой род, Мирослава, веками был вплетён в этот узор как золотая нить вещей проводников, — спокойно продолжил Лесь, чеканя каждое слово. — Дед ваш был волкам, потому что пытался эту нить из ковра выдрать, сбежать хотел, узел завязать по-своему. И был наказан — его нить начала гнить и чернеть изнутри, превратившись в болезнь, что сожрала его плоть. Теперь ты пытаешься повторить его глупость. Уехала в свой бетонный улей, заколотила ставни разума и думаешь, что Пряха потеряла твой след?

Парень криво, безжалостно усмехнулся. Сева рядом испуганно замер, боясь даже вздохнуть.

— Она не теряет никого, ведьма. Раз ты отвернулась от долга Велеса, Макошь начала затягивать петлю на вашем роду. Твой брат ломается и режет кожу, потому что двойной груз ответственности, который ты бросила, Пряха намотала на его слабое веретено. Если ты сейчас развернёшься и уедешь в свой город — узор Макоши захлопнется. Сева сдохнет в своей деревне, не выдержав давления изнанки, а следом за ним костяные пальцы Недоли перережут и твою нить. Из богини милосердия и плодородия для отступников Макошь превращается в безжалостную судьбу. Кредит крови будет закрыт вашими жизнями. Вот что значит её имя на этой стороне морока.

Мира сидела неподвижно, чувствуя, как внутри неё физически стынет кровь. Обрывки недавнего кошмара промелькнули перед глазами, заставляя пальцы судорожно сжаться.

— И по какому такому праву?! — метнула она острый, полный обжигающей ярости взгляд на лешего.

Жгучее, удушливое чувство тотальной несправедливости подкатило к самому горлу, мешая дышать. Вся её выстроенная городская защита, вся логика и гордость сейчас вылились в этот отчаянный протест.

— Я эту силу не просила! — запальчиво выкрикнула девушка, тяжело дыша.

— Но ты используешь её, — безжалостно перебил Лесь. Его тон был абсолютно бескомпромиссным, холодным и твёрдым, как вечная мерзлота. Он даже не шелохнулся под её гневным взглядом, продолжая буравить своими изумрудными глазами. — Твоя абсолютная безопасность в городе, везучесть и сны — это и есть твой ведьмачий щит. Твой дар Велеса. Ты каждую секунду своей жизни черпаешь эту силу из родового колодца, чтобы обеспечивать себе комфорт. А раз ты берёшь из этого колодца воду, значит, должна за неё расплатиться. На этой стороне изнанки бесплатного сыра нет.

— Это какой-то замкнутый круг! — в ярости Мира с размаху ударила кулаком по деревянному столу.

Массивная столешница глухо отозвалась на её удар, заставив глиняную тарелку звякнуть, а лохматого домового — испуганно вздрогнуть и с писком отскочить к стене.

— Что ты, что твоя Макошь — вы все лицемеры! — тяжело дыша от kloкочущего внутри гнева, продолжала кричать девушка. — Берёте невинные человеческие жизни в заложники лишь бы всё было по-вашему! Лишь бы ваш узор ковра идеально сходил! А меня спросить

кто-нибудь из вас вообще подумал? Предупредить? Ты стоишь тут, давишь на жалость, угрожаешь, и где во всём этом великая судьба? Вам не проводники нужны. А рабы, которые будут безропотно исполнять любые ваши прихоти по первому щелчку пальцев! Так не лучше ли было изначально дать эту проклятую силу тому, кто действительно будет её достоин? Тому, кто мечтает о магии? Зачем пытаться слабые, изломанные человеческие души своей жестокой божественной волей?!

Слова ведьмы набатом звенели в пространстве кухни, разбиваясь о стены заимки. В эту секунду образы деда и брата стояли перед её глазами пугающе чётко, осязаемо и страшно. Их судьбы были искалечены богами и изнанкой просто за то, что они оказались слишком хрупкими. Просто за то, что они не смогли вынести возложенный на их плечи неподъёмный крест. Дед превратился в спивающегося домашнего тирана, потому что лесной шум выжигал его разум изнутри, а он отчаянно пытался заглушить этот зов водкой. Сева покати́лся по наклонной, связался с наркотиками и изрезал себе все руки, потому что остался один на один с жуткими тенями, брошенный и непонятый. Боги дали им силу, но забыли дать инструкцию, как при этом остаться человеком и не сойти с ума. И теперь эта же безжалостная система требовала, чтобы девушка добровольно надела то же самое ярмо.

Сева стоял чуть поодаль, вжав голову в плечи. На его бледном лице отразилась такая глубокая, бесконечная боль от её слов, что Мире на секунду стало не по себе. Он ведь тоже считал себя жертвой этого божественного рэкета. Лесь молчал. Его изумрудные глаза на мгновение погасли, подёрнувшись пеленой той самой вековой, древней грусти, которую девушка видела у него ночью, в спальне. Он медленно перевёл взгляд на испуганного домового, забившегося под навесной шкафчик, а затем снова посмотрел на разъярённую ведьму.

— Мы не выбираем свои судьбы, — отозвался Леший на удивление спокойно, и его глубокий голос прозвучал глухо, словно осел под тяжестью кухонных стен. — Кем родиться и где — не во власти смертных. Мы можем либо принять этот путь и жить так, как уготовано, принося пользу, либо всю жизнь противиться и страдать.

— Может быть, так и было раньше, — ответила ему девушка строго, с силой сжав кулаки. — Но мир и жизнь давно изменились. Люди перестали быть заложниками слепого страха перед грозой и лесом. Они обзавелись собственными мечтами, надеждами и целями. И у нас с братом они тоже есть. И ведьмовство в них ни по какому пункту не входит.

Мира резко развернулась и стремительно вышла из кухни, оставив этот тяжёлый, бессмысленный разговор далеко позади. В её груди полыхала ярость, но злилась она не столько на жестокие законы Изнанки, сколько на ту хрупкую надежду, которую у неё теперь так безжалостно отнимали. Судьба сначала поманила её сладким, чистым запахом свободной городской жизни, дала вкусить независимость, а теперь грубо за шкуру волокла обратно — заставляла навсегда осесть в этой забытой глуши, без друзей, без знакомых, без карьерных амбиций и целей. От неё требовали просто срастись с этим чёртовым лесом.

Если бы их с братом изначально, с пелёнок растили для этих великих целей, если бы передали им знания, а не только кошмары, может быть, у неё и была бы сейчас хоть какая-то вера в непогрешимость божественного промысла. Но сейчас эта участь лесной целительницы казалась ей самым настоящим социальным дном, беспросветной ямой, откуда она с таким колоссальным усердием и слезами только-только выкарабкалась. Девушка просто шла вперёд по заимке, куда глаза глядят, не разбирая дороги. Бесконечные просторные коридоры сменяли друг друга, петляли, выводили к новым дверям и снова уходили во тьму, настойчиво напоминая о том, что из этой пространственной ловушки ей так просто не сбежать.

В какой-то момент, свернув за очередной угол, Мира едва не столкнулась с той самой спасённой русалкой. Та уже вышла из ванной комнаты, укутанная в просторную чистую рубаху, и теперь медленно шла по коридору, оставляя на идеальном паркете влажные следы. Дух воды

замерла на месте, встретившись взглядом с ведьмой. Её бледные глаза, лишённые зрачков, мерцали, как речное дно под луной.

— Ты в порядке? — спросила девушка, невольно отвлекаясь от своего кипящего гнева.

Внешний вид диковинной незнакомки с волосами цвета болотной травы, конечно, до сих пор сильно сбивал с толку, но по умиротворённому лицу русалки казалось, что та стремительно поправляется. Девочка медленно, плавно опустила руки вдоль тела. Вместо того чтобы ответить по-человечески, она вдруг склонила голову и совершила глубокий, церемонный поясной поклон. Её мокрые зелёные пряди коснулись коленей, а из глубин коридора послышался тихий, похожий на журчание ручья шелест её голоса:

— Здравствуй, Вещая, — прошептала она, медленно выпрямляясь и глядя на Миру с благоговейным трепетом. — Моя жизнь принадлежала Нави, но твой огненный узор вытащил меня из омута смерти. Весь наш водный род бьёт тебе челом за это спасение.

Девушка застыла, растерянно глядя на кланяющееся ей мифическое существо. Логика кричала, что перед ней разворачивается оживший исторический текст, но ведьма внутри неё ощутила странный, непривычный прилив тепла и спокойствия от этой искренней благодарности.

— Не стоит... — неловко отозвалась Мира, слегка переступив с ноги на ногу. Ей было непривычно и даже немного дико принимать такие почести от существа, которое она ещё вчера посчитала бы галлюцинацией. Девушка отвела взгляд на блестящие капли воды на полу. — Я... я и сама толком не поняла, что именно сделала. Всё вышло как-то само.

Она сознательно прикусила язык, не стала вываливать на измученную водную деву свои кипящие возмущения о том, что её, по сути, зажали в угол, лишили тела и силой заставили спасать чужую жизнь. В конце концов, это бледное создание с бездонными глазами не было виновато в божественном рэке Макоши или жёстких методах Леся. Внутри ведьмы шевельнулась внезапная, холодная мысль, от которой по спине пробежал запоздалый мороз: «А если бы у меня ничего не получилось?» Если бы её прагматичный разум оказался сильнее чутья, и она не смогла бы завязать ту ментальную нить? Что было бы тогда с этой несчастной водяной? Девушка тряхнула головой, прогоняя жуткие картинки, и снова посмотрела на русалку.

— Что произошло с тобой? — спросила она осторожно, стараясь говорить мягко, чтобы не напугать существо. — Леший упоминал, что ты попала в беду в нашем мире. Кто тебя так?

Водная дева вздрогнула, услышав вопрос, и её бледные пальцы судорожно сжались на ткани белой рубахи. Под её мертвенной кожей на шее отчётливо проступили и запульсировали тонкие, синеватые жилки, похожие на речные водоросли. Она оглянулась на длинный, уходящий в полумрак коридор, словно боясь, что человеческий мир, который едва не лишил её жизни, всё ещё преследует здесь, в складках пространственной магии заимки.

— Железный мост... — тихо, с хриплым придыханием прошепстала девушка, и её голос на секунду потерял свою музыкальность, став похожим на шуршание сухого камыша. — Там, где люди заковали реку в бетонные оковы и пустили грохочущие железные повозки. Мы с сёстрами хотели подняться вверх по течению, к старым истокам, до начала большой суши. Но морок в городе истончился, ослеп от электрического света ламп. Я потеряла тропу Нави и вынырнула прямо у бетонной опоры.

Она сделала прерывистый вдох, прижимая ладонь к тому самому боку, где ещё вчера зияла рваная рана, источающая чёрную гниль.

— Там была мёртвая вода, — продолжила Водная дева, и в её глазах-бусинках плеснулся чистый, первобытный ужас. — Люди сливали туда ядовитую, пахнущую гарью и железом жижу из своих машин. Стоило мне коснуться её, как кожа загорелась огнём. А потом сверху упал тяжёлый стальной трос — его бросили рабочие с моста. Он распорол мне бок наотмашь. Человеческое железо ядовито для нас, Вещая. Оно выжигает нашу суть, не даёт ранам затягиваться.

Мира слушала её тихую, пугающую исповедь, и внутри неё медленно, со скрипом переворачивались остатки привычной жизни. Для неё, городской жительницы, бетонные мосты, промзоны и сточные воды были скучной, серой повседневностью. А для этих существ, оказывается, мегаполис был настоящим филиалом ада на земле — смертоносной ловушкой, полной яда, электричества и карающего железа, которое выжигало их древнюю магию. Они стояли какое-то время в звенящей тишине длинного, тёплого коридора. Девушка смотрела на бледную русалку, и весь её накопленный за утро циничный щит вдруг дал глубокую трещину. Образ города в её сознании перевернулся.

— Мне жаль, — тихо выдохнула ведьма, чувствуя, как к горлу подступает острая, колючая жалость и какое-то странное, тяжёлое чувство вины перед этим хрупким созданием от лица всего человечества с его заводами и мазутом.

— Моя жизнь продолжается благодаря тебе, не нужно меня жалеть, — мягко, едва заметно улыбнулась та. Её голос снова зазвучал как ласковый перекат лесного ручья. — Судьба привела меня к тебе, и это великое благо.

Мира ошутимо вздрогнула от этих слов, словно её ударило током. Опять это проклятое слово. Судьба. Пряжа Макоши, о которой только что вешал Лесь.

— И ты... ты совсем не злишься? — вдруг выпалила та, неожиданно для самой себя нарушая дистанцию. Она запнулась, но тут же поспешно постаралась объяснить. — На эту твою судьбу? Или на богов? На меня, в конце концов, за то, что я так долго не приходила? Ты ведь могла погибнуть просто потому, что узор Пряжи так криво сошёлся!

Водная дева лишь тихо, безмятежно покачала головой, и на её бледном лице не отразилось ни капли того гнева, что выжигал сейчас Миру изнутри.

— Я лишь безмерно благодарна за то, что судьба переплела наши пути, — просто ответила она, глядя на девушку своими чистыми глазами.

Такая абсолютная, детская простота и фатальная открытость напрочь сбивали вещь с толку. Русалка так искренне и безропотно верила в непогрешимость высшего замысла, что нормальному человеческому разуму в это было невероятно сложно поверить. Девушка крепко, до хруста сжала челюсть, из последних сил сдерживая бушующий гнев внутри себя. Ей хотелось кричать, спорить, доказывать абсурдность этого божественного рабства, но она вовремя осеклась. Ведьма не собиралась вываливать на измученное, едва спасённое существо свои тяжёлые мысли и бунтарское мнение об изнанке мира. Это было бы просто нечестно и жестоко по отношению к беззащитной девочке.

— Ты о чём-то сильно тревожишься? — вдруг спросила та осторожно, заметив, как побелели костяшки пальцев Миры. Дух воды сделала полшага вперёд, наклонив голову. — Я вижу, как горит твоя Крада. Тебе тяжело. Могу ли я чем-то помочь Вещей?

Девушка замерла, глядя на её протянутые бледные руки. Предложение помощи от того, кого она сама только что вытащила с того света, окончательно лишило её слов.

— Не думаю, — отстранённо отвела Мира взгляд в сторону ровных стен коридора. Она просто физически не могла сейчас просить или требовать что-то от этой едва выжившей водной девы. Да и навряд ли та действительно могла хоть чем-то ей помочь в решении сугубо человеческих проблем.

— Я оказалась на распутье, понимаешь? Моя жизнь вдруг перевернулась вверх дном всего за одни сутки, и я теперь совершенно не знаю, что мне делать дальше. Куда идти и как со всем этим жить.

Её безжизненный, печальный взгляд, устремлённый куда-то в пол, заставил русалку на мгновение глубоко задуматься. Девочка ласково склонила голову набок, убирая мокрые зелёные пряди с лица, а затем её губы тронула тёплая, искренняя улыбка.

— Идём со мной, — доброжелательно улыбнулась она и мягко, едва ошутимо взяла Миру за руки своими прохладными пальцами.

— Куда? — слегка вздрогнув от этого неожиданного прикосновения, спросила та, но рук отнимать не стала.

— Тебе совершенно не о чем переживать, Вещая, — ласково и успокаивающе улыбнулась ей девушка, увлекая за собой обратно по петляющему коридору заимки. — Я в неоплатном долгу перед тобой за своё спасение, поэтому никогда и ни за что не причиню тебе вреда.

Мира больше не спорила. Она просто молча шла следом за порывистой, скользящей по паркету водной девой, пока та не привела её напрямик в ту самую просторную ванную комнату, где ещё совсем недавно разворачивался весь этот пугающий мистический кошмар. Купальня до самых краёв была наполнена прозрачной, слегка дымящейся тёплой водой, от которой исходил едва уловимый, чарующий аромат речной мяты и сушёного чабреца.

— Залезай, — весело отозвалась девочка, грациозным жестом указывая на ванну, полную воды. — Я спою тебе. Это поможет твоему изломанному телу и уставшему духу полностью расслабиться, смоет морок городов и тяжесть бетона. И тогда все ответы, так мучительно терзающие голову, сами собой возникнут перед тобой.

Ведьма замерла у бортика купальни, растерянно глядя на колышущуюся водную гладь, в которой золотыми искрами отражался свет настенных светильников. Но против чистого, невинного взгляда русалки, которая с заботливой улыбкой протягивала ей большое льняное полотенце, ничего не могла сделать. Её вечный городской цинизм и глухая броня, выстраиваемая годами, сейчас казались бесполезными. Девушка со вздохом стянула с себя пропахшую дорожной пылью майку, джинсы и кроссовки. Обернувшись мягкой холщовой ветошью, она аккуратно перешагнула через высокий бортик и погрузилась в тёплую воду.

Ощущение было невероятным: вода мгновенно приняла её в свои объятия, смывая с кожи липкую тяжесть бессонной ночи, ресторанного угара и бесконечной тревоги. Водная дева беззвучно и грациозно последовала за ней, скользнув в воду так легко, будто растворилась в ней. Ванна действительно была исполинской, глубокой — в ней можно было легко скрыться с головой. Девочка устроилась у самого бортика, прямо позади Миры. Её прохладные, тонкие пальцы мягко и бережно коснулись мокрых бордовых волос ведьмы. Она достала откуда-то гладкий костяной гребень и принялась крайне осторожно, прядь за прядью, расчёсывать их. В этот самый миг вешая ощутила странное, глубинное приобщение к этой чистой девичьей сути. Весь ужас Нави, все страшные сказки о мертвецах и монстрах на секунду отступили. Перед ней была просто девушка, которая тоже когда-то жила, любила и плакала.

— Вы с другими русалками часто так проводите время вместе? — негромко спросила ведьма, глядя на ровную водную гладь, но тут же испуганно осеклась. — Прости, если это глупый или странный вопрос. На самом деле я совершенно ничего не знаю о вашем мире. Всё, что у меня есть в голове — это сухие строчки из университетских учебников по фольклору. И там всё звучит гораздо страшнее.

Девочка позади неё лишь мягко, понимающе улыбнулась, и гребень продолжил свой плавный, убаюкивающий ход по её бордовым космам.

— Книги людей пишутся от страха, Вещая, — тихо, со шуршанием камыша в голосе отозвалась Водная дева. — Но в нашей изнанке нет одного лишь страха. Весной и летом, когда наступает наше время выходить из чертогов на сушу, мы любим собираться у старых плакучих ив. Качаемся на их гибких ветвях, спускающихся к самой воде, плетём венки из полевых цветов и речной мяты. Мы поём песни — длинные, как сама река, делимся девичьими тайнами, которые унесли с собой на дно, и расчёсываем косы. Если у русалки есть верный гребень, с её волос ключом бьёт чистая, живая вода. Мы любим водить хороводы на ржаных полях под луной — там, где пробежали наши босые ноги, трава всегда растёт гуще, а рожь колосится сильнее, радуя землю. Нам не чуждо веселье, но люди видят в нас лишь опасность, потому что забыли, как уважать законы природы.

Она на секунду прервала движение гребня, аккуратно развернула Миру к себе и посмотрела на неё своими бездонными, мерцающими глазами.

— Меня зовут Купава, — нежно прошелестела девочка, склонив голову в лёгком, уважительном полупоклоне прямо в воде. — Это имя мне дали сёстры в омуте, когда река забрала мою прошлую, человеческую жизнь. И сегодня имя Купавы звучит для тебя, потому что наши судьбы связала великая Пряха.

— Тогда мне тоже следует представиться, — слабо улыбнулась ведьма, чувствуя, как утреннее напряжение окончательно растворяется в тёплой воде. — Зови меня Мирой. «Вещая» мне, если честно, пока не очень понятно и звучит слишком пафосно.

— Леший сказал, что ты ещё борешься со своей сутью, — подметила Водная дева, понимая кивнув. Она бережно вела пальцами по её бордовым прядям, распутывая последние узелки.

— Что ещё этот паразит про меня успел рассказать? — недовольно фыркнула Мира и картинно скрестила руки на груди.

От её резких слов русалка тихо, заливисто рассмеялась, испуганно, но весело покосившись на закрытую дубовую дверь ванной комнаты. В её смехе послышался перезвон капель весеннего дождя.

— Только у ведьмы Велесова рода достаточно храбрости и безрассудства называть Хозяина леса паразитом, — заговорщицким шёпотом подметила она, наклонившись к самому уху девушки. — Будь осторожна, суседи чутки к словам, а у стен этого дома есть уши.

— Он что, типа местного начальника? — спросила Мира, усаживаясь поудобнее и с любопытством оборачиваясь к Купаве. Ей жизненно необходимо было понять иерархию этого безумного мира, в который её втянули. Купава на секунду отложила гребень на бортик и серьёзно посмотрела на девушку. Вода вокруг её тонких пальцев пошла мягкими кругами.

— Лесь — это само сердце Чёрного леса, его плоть и его карающая воля, — тихо, с благоговением в голосе начала Водная дева. — Смертные зовут его лешим, рисуя в сказках ветхим стариком с бородой из мха, но это лишь одна из тысяч его масок. На самом деле он — древний хранитель границ между миром живых, Явью, и миром духов, Навью. Он следит за тем, чтобы узор Макоши не рухнул.

Русалка вздохнула, прижав ладони к груди.

— Роль лешего — держать этот баланс. Он царь над каждым зверем, над каждым деревом и над всеми нами, водными духами. Лесь решает, кого из заплутавших людей наказать и запутать в чаще, а кого — вывести к свету и одарить лесным богатством. Этот дом, в которой мы находимся — его средоточие силы. Пространство здесь подчиняется его мыслям.

Мира задумчиво прикусила нижнюю губу, внимательно слушая тихую речь девушки. Образ парня в её голове стремительно менялся: из эксцентричного лесного хипстера и наглого похитителя тел он превращался в величественную, но пугающую фигуру — древнего лесного стража.

— Если он такой всемогущий, почему не может сам лечить раненых? — недовольно цокнула ведьма, но тут же осеклась, боясь ненароком обидеть Купаву своей резкой человеческой прямоотой. Девушка поправила намокшую ветوشь на груди и перевела дух: — Я имею в виду... Почему боги не наградили его самого такой силой за все старания? Зачем вообще было привлекать смертную ведьмовскую кровь к этой сложной иерархии Изнанки?

Водная дева едва заметно, понимающе улыбнулась.

— Ты боишься? — спросила она абсолютно невозмутимо. Её простые слова заставили Миру внутренне вздрогнуть. Девушка хотела было по привычке выдать язвительную шутку, но Купава продолжила доверительным, тихим шёпотом, наклоняясь ближе к её плечу. — Я боялась. Очень сильно. Когда умерла и впервые очнулась на холодном речном дне, оказалась в жутком замешательстве. Весь мой привычный мир рухнул. Мне было невероятно сложно

принять свою новую жизнь, смириться с потерей дома и признать, что пути назад нет. Лесь помог мне тогда. Он вытащил меня из отчаяния. А на твой вопрос Хозяин леса — дух дикий. Он рождён ломать, растить, прятать и карать. Магия природы — это стихия, она как буря или засуха. А сила исцеления требует человеческого милосердия, осознанного выбора и тепла живого сердца. Духи Нави не умеют сострадать так, как люди. Велес дал вашему роду этот дар, потому что только живая ведьма способна стать мягким проводником между его силой и нашими ранами. Вы — наше единственное спасение.

Мира молча переваривала услышанное, чувствуя, как тёплая вода приятно баюкает тело, но вопросы в голове продолжали роиться один за другим. Профессиональный интерес к фольклору смешался с чистым человеческим любопытством.

— Прости, если это прозвучит грубо, но как именно ты стала русалкой? — спросила девушка осторожно. — Давно это было? Из какого ты века?

Купава грустно улыбнулась, и её бледные пальцы ласково скользнули по мокрым бордовым прядям ведьмы.

— Для нас, обитателей изнанки, время течёт совсем иначе, — тихо прошептала она, и её взгляд устремился куда-то сквозь стены хижины. — В моём времени люди ещё не знали ваших грохочущих железных машин и высоких бетонных домов. Мы жили в ладу с этой землёй. Я была обычной деревенской девушкой, дочерью кузнеца. Меня сосватали за нелюбимого человека — старого, жестокого старосту из соседнего села. Отец настоял на свадьбе ради денег. Поэтому в ночь перед венчанием я не выдержала тоски и позора, убежала к реке, к нашему старому омуту под плакущей ивой, и просто шагнула в чёрную воду, надеясь обрести покой. Река приняла меня, смыла человеческое горе, а великая Пряха переплела мою оборванную нить, сделав частью водной изнанки. Так я получила имя и свои зелёные волосы. Я думала, что сбежала от человеческой жестокости навсегда. Но пять веков спустя люди построили над моей рекой свой железный мост, и их яд достиг меня даже на дне.

Мира слушала её тихую исповедь, затаив дыхание. Перед ней сидела девушка, чья личная трагедия веками дремала в глубинах Чёрного леса, пока человеческая цивилизация буквально не вскрыла этот нарыв. Скепсис ведьмы таял с каждой секундой, уступая место тяжёлому осознанию: этот мир был живым, страдающим и отчаянно просящим о помощи.

— Тогда можешь объяснить мне, что такое морок? — спросила вещая, переводя дыхание и пытаясь хоть как-то оправдаться за свой скептицизм. — Этот леший сыпет терминами, а я даже не понимаю, о чём конкретно он говорит. На его фоне я выгляжу откровенно глупо.

Купава мягко, заливисто хихикнула, и этот звук снова напомнил Мире пережат прозрачной речной гальки под водой. Гребень в её бледных пальцах плавно скользнул по бордовым космам ведьмы, укладывая их на плечи. Она на секунду отложила его на широкий бортик ванны, зачерпнула пригоршню тёплой воды и позволила ей тонкими струйками стечь обратно между пальцев.

— Мброк — это великая пелена, невидимая вуаль, которой Изнанка укрывается от глаз обычных людей. Это не просто магия или иллюзия, это соглашение между мирами. Человеческий разум видит только то, во что он искренне верит и к чему привык. Если обычный человек посмотрит на Лесья в городе, морок заставит его увидеть обычного парня. Если путник встретит меня у фонтана или на набережной, морок покажет ему бледную девушку, которая просто слишком долго сидит у воды. Люди пройдут мимо, их сознание само замажет «неправильные» детали.

Купава наклонилась чуть ближе, и вода вокруг неё пошла мягкими кругами.

— Но для вас, вещей, морок прозрачен, — её вкрадчивый шёпот коснулся уха девушки. — Твой род видит истинную суть существ. Но морок — это ещё и наша защита. Из-за цивилизации, бетона и железа морок в городах истончается, слепнет и рвётся, как старая ткань. Духи теряют свои маски, уязвимые и незащищенные перед ядом человеческого мира.

Ведьма замерла в воде, глядя на то, как пар поднимается к высокому потолку ванной комнаты. Слова русалки расставили всё по своим местам. Значит, морок — это просто коллективная слепота человечества, от которой она так отчаянно пыталась не отставать.

— Выходит, ведьмы нужны, чтобы компенсировать этот раздор миров? — пыталась сообразить девушка, сосредоточенно смотря куда-то в прозрачную глубь ванны. Пальцы в воде непроизвольно сжались. — Леший назвал их проводниками, но я до сих пор не могу до конца понять, что именно это значит. Что конкретно делают ведьмы?

Водная дева понимающе кивнула и положила ладони на плечи Миры. Её прикосновение было прохладным, но успокаивающим, словно компресс на воспалённую кожу.

— Род вещей — это живые клапаны между Явью и Навью, — тихо, нараспев заговорила Купава. — Вы делаете то, на что не способны ни люди, ни суседи. Обычный человек закрыт от Изнанки, его энергия заперта внутри тела. Духи, наоборот, сотканы из чистой магии природы, у нас нет плотной человеческой плоти, способной фильтровать яд. Когда сосед забредает в город, эта скверна начинает разъедать самую его суть. Мы не можем исцелить себя сами, потому что у нас нет связи с плотным миром живых. А Лесь... Лесь может вырастить дерево, может наслать бурю или запутать тропинки, но он — стихия. Буря не умеет зашивать рана. Она умеет только ломать.

Русалка наклонилась ближе, так что её длинные болотные волосы коснулись воды вокруг девушки.

— И вот здесь нужны проводники. Ведьма берёт дикую, необузданную магию Нави, пропускает её сквозь фильтр своего живого человеческого сердца, превращая в сострадание, и заземляет эту силу в плотном мире. Вчера ты интуитивно взяла силу изнанки и сплела из неё узор, который стянул мою разорванную плоть в Яви. Без твоего тела, без твоей крови эта магия просто пролетела бы сквозь меня, не зацепив рану. Ведьмы лечат духов, умирят разбушевавшиеся стихии, находят общий язык с теми, кто озлобился на людей, и латают дыры в мороке, чтобы Изнанка не прорывалась в города кровавыми кошмарами. Вы — вечные стражи у ворот. И цена этой силы — абсолютная трезвость ума.

Девушка шумно выдохнула, глядя на призрачные узоры, которые до сих пор смутно чудились ей на кончиках пальцев под водой. Значит, «проводник» — это не пафосный титул, а тяжёлая, грязная работа живого трансформатора, который обязан пропускать через себя тонны чужой боли и магии, чтобы миры просто не пожрали друг друга в один страшный день.

— Работка, конечно, так себе, — честно выдохнула Мира, уныло глядя на пар, поднимающийся от воды. — Куда здесь можно обратиться с жалобами на условия труда и расторжение контракта? У вас есть профсоюз?

Водная дева тихо, заливисто рассмеялась, слегка отпрянув от спины ведьмы.

— Если бы каждый мог высказывать высшим силам своё недовольство, то... — девочка вдруг резко осеклась на полуслове, издав короткий испуганный вскрик, и в панике прижала прохладные ладони к своим бледным щекам.

Она во все глаза смотрела на мокрые волосы Миры. Её лицо исказилось от самого настоящего, неподдельного шока. Ведьма крупно вздрогнула и порывисто обернулась в воде, пока Купава что-то испуганно лепетала, судорожно переводя дыхание.

— Прости меня, пожалуйста, Вещая! Я не понимаю, что это такое... Как я могла... — продолжала иступлённо извиняться Русалка. Её трясущиеся руки замерли в воздухе, боясь снова прикоснуться к бордовым космам. — Это моя вина? Я что-то сделала не так, когда расчёсывала тебя своим гребнем? Твоя Крада о боги, твоя Крада она тает на глазах! Она растворяется!

Ведьма испуганно перевела взгляд со сжимающей щёки девушки вниз, на свои волосы, а затем на водную гладь купальни. И замерла. Вокруг неё тонкими, причудливыми струйками по тёплой воде стремительно разрастались разводы смывающейся краски. Яркие, ядовито-розовые и багровые круги плавно кружили по прозрачной поверхности ванны. Они были почти

незаметны в полумраке комнаты, но на бледных пальцах водной девы тоже теперь остались отчётливые розовые капли и потёки. Мира, осознав комичность произошедшего, зажмурилась, а в следующую секунду громко, раскатисто рассмеялась на всю ванную комнату. Весь её ведьмачий пафос и тяжёлые мысли о судьбе разбились о суровую бытовую реальность. Она порывисто взяла Купаву за холодные ладони, мягко сжимая их, чтобы успокоить перепуганный дух природы.

— Сделай глубокий вдох, — улыбалась ведьма, пытаясь перевести дыхание от смеха. — Всё в полном порядке. Это просто краска для волос. Самая обычная, химическая городская тонировка. Она имеет свойство смываться через пару недель после нанесения, особенно в горячей воде.

Русалка растерянно и недоверчиво взглянула на Миру. Её бездонные глаза тревожно искали в лице девушки истину — правду ли говорит ведьма или просто пытается утешить её перед лицом угасающей силы? Концепция того, что цвет волос можно купить в магазине и смыть мылом, явно не укладывалась в её трёхсотлетний опыт изнанки.

— Честно? — тихо, с надеждой переспросила она, шмыгнув носом.

— Я бы не стала тебе врать, — искренне улыбнулась вещая.

Чтобы окончательно развеять страхи водной девы, она запустила руку в воду, собрала свои мокрые волосы в один тяжёлый хвост и демонстративно, для наглядности, сильно отжала его над ванной. Новая порция густых розовых капель с тихим плеском упала в прозрачную воду, мгновенно окрашивая её в цвет брусничного морса.

— Вот видишь? Правда, теперь нам придётся как-то слить всю эту воду, — иронично добавила девушка, оглядывая масштабы «катастрофы».

Купава осторожно коснулась подкрашенной воды пальцем, поднесла к лицу, принялась и, убедившись, что пахнет это не кровью и не горячей Крадой, а химической малиной, наконец облегчённо выдохнула. Атмосфера древней мистики в ванной комнате уступила место тёплому, понятному уюту. Искренность и детская непосредственность русалки, как ни странно, позволили Мире окончательно расслабиться, смывая остатки утреннего гнева. Но умиротворённая пятница продлилась ровно до того момента, как тяжёлая дубовая дверь в ванную бесцеремонно распахнулась без малейшего стука.

— Что здесь за крики? — безжалостно разорвал тишину глубокий, серьёзный голос.

Это был леший. Он уверенно вошёл в просторную комнату, как ни в чём не бывало разглядывая девушек в воде.

— Офигел совсем?! — вздрогнув от неожиданности и дикого смущения, возмутилась Мира. Она судорожно перехватила холщовое полотенце под водой, плотнее прижимая его к груди, и ожгла парня уничтожающим взглядом. — Быстро вышел отсюда! Тебя стучать не учили?!

— Лесь, смотри, — вместо того чтобы испугаться, доверительно обратилась к нему Купава. Она порывисто подняла руки, зачерпнув пригоршню окрашенной воды.

Водная дева с искренней тревогой демонстрировала ему розовые струи, которые остались в купальне от ведьмы. Леший, полностью игнорируя возмущённые вопли Миры, подошёл ближе к бортику, чтобы внимательно рассмотреть масштабы бедствия.

— Вещая сказала, это нормально, — продолжала лепетать Купава, заглядывая ему в лицо. — Меня ведь не накажут? Я ничего не испортила?

— Никто никого не накажет! — вмешалась девушка. Она сердито подалась вперёд, инстинктивно вклиниваясь между ними и закрывая собой русалку, словно защищая. Мира смотрела прямо в нечеловеческие, переливающиеся изумрудом глаза лешего. — Пошёл прочь, бесстыдник! Кому говорю?!

Она яростно, со всей силы указывала ему пальцем на открытую дверь, но взгляд парня лишь лениво, с каким-то исследовательским интересом скользнул по мокрым волосам ведьмы

— от самых корней, где уже проступал их природный цвет, до кончиков, с которых капала ядовито-розовая химия. Капли воды дорожками скатывались по её разгорячённой коже прямо к борту ванны.

— Эй! — Мира, потеряв остатки терпения, с размаху плеснула в него водой, щедро окатывая лешего с ног до головы брусничными брызгами. — Ты что, глухой? Сказала же — выйди!

— Как грубо, — вздохнул тот, даже не поморщившись от летящих в лицо брызг. Он лишь чуть отстранился от края исполинской ванны, лениво стряхивая капли с рукава своей потёртой кофты и лица. — Ты всё ещё находишься в моём доме, если вдруг забыла, ведьма. Поэтому не можешь так себя со мной вести.

— Это ты хамло! — не унималась девушка, продолжая сверлить его гневным взглядом. — Мы вообще-то тут ванну принимаем! Ты какого чёрта сюда запёрся без спроса?!

— Эй, ребят, что у вас там происходит? — осторожно и пугливо донёсся тихий голос Севы из коридора.

Брат, привлечённый громкими криками, испуганно заглянул внутрь ванной комнаты из-за косяка дверного проёма. Его забинтованные руки нервно подрагивали.

— Сивка, выведи этого извращенца отсюда сейчас же! — рявкнула Мира, переключаясь на брата и яростно указывая пальцем на замершего посреди комнаты Лесного царя. — Уведи его, иначе я за себя не ручаюсь!

— И что ты мне сделаешь? — заговорщически, с пугающе мягкой усмешкой спросил парень.

Лесь медленно наклонился вперёд, упираясь ладонями в высокий бортик ванны и смотря на покрасневшую, злую девушку сверху вниз. В его изумрудных глазах снова зажглись те самые опасные, первобытные искры, которые ясно давали понять: он её ни капли не боится, и этот бунт городской девчонки его только раздражает.

— Водой меня окатила для чего? — нагло улыбнулся он ей, слегка наклонив голову набок. Его изумрудные глаза хитро блеснули в полумраке комнаты. — Хочешь, чтобы я к вам присоединился?

От такого запредельного нахальства у ведьмы окончательно сорвало резьбу. Смущение мгновенно сгорело в удушливом пламени чистой ярости. Забыв о том, что она находится в призрачной заимке посреди глухого Чёрного леса наедине с древними духами, девушка сделала резкий, уверенный шаг к нему прямо в глубокой ванне. Одной рукой она яростно сжимала мокрое холщовое полотенце у груди, а пальцами второй руки агрессивно, с силой замахнулась у самого лица парня.

— Не зли меня, лесной чёрт, — опасно прошипела она сквозь зубы, буравя его бешеным взглядом. — Я предупредила.

На эту отчаянную человеческую угрозу леший лишь демонстративно, порывисто потянулся лицом вперёд к её грозящему пальцу, делая вид, что хочет укусить, и с глухим щелчком клацнул своими ровными белыми зубами. Он откровенно, всем своим существом наслаждался этой яростной, искрящейся хрупкостью Миры. Несмотря на всю двусмысленность и уязвимость ситуации, эта девчонка продолжала вести себя как матёрый, оцетинившийся воин, а не как перепуганная, смущённая дурочка. В её жилах определённо кипела гордая кровь ведьм Велесова рода.

Сева, побелев от ужаса при виде того, как его сестра едва не тычет пальцами в лицо Хозяину тайги, тут же пулей подлетел к лешему сзади. Он мёртвой хваткой вцепился в его свободную кофту и изо всех сил стал оттягивать парня назад, подальше от краёв купели.

— Лесь, тормози! Это она на вид только добрая! — заикаясь от паники, спешил он предупредить лесного духа, отчаянно умоляя того не задирать сестру дальше. — Ты не смотри на это смазливое личико! Она в тринадцать лет местному ковалю нос сломала кочергой за то, что тот хотел меня выпороть! Она бешеная, я тебе клянусь!

— Я весь прямо дрожу от страха... — ироничным, издевательским тоном отозвался парень.

Он плавно, без малейшего сопротивления позволил Севе оттащить себя на шаг назад. Лесь в последний раз бросил долгий, оценивающий взгляд на багряноволосую ведьму, а затем лениво развернулся и неторопливо вышел из ванной комнаты в коридор. Он ей ещё вчера, ночью в спальне, красноречиво и доступно объяснил, что на данный момент девушка со всей своей городской гордостью ему и близко не ровня. Её сила спала, а его — правила этой чащей веками. Это его тотальное, железобетонное спокойствие откровенно, до белого каления бесило Миру. Она возмущённо, с громким плеском села обратно в тёплую розовую воду, расплёскивая брызги по полу, а затем со вздохом повернулась к замершей у бортика водной деве.

— И как этот самовлюблённый оболдуй вообще может быть хозяином огромного леса? — сердито бубнила девушка себе под нос, сдувая мокрую прядь со лба и не сводя злого взгляда с закрывшейся дубовой двери. — Великий страж границ, ага, как же. Ведёт себя как невоспитанный, пубертатный пацан.

Купава на её ворчание лишь тихонько, прикрыв рот ладонью, прыснула со смеху, понимая, что между вещей и лешим только что разгорелась война, которую Чёрный лес не видел уже очень много лет.

Несмотря на то, что долгий и откровенный разговор с русалкой помог девушке во многом разобраться и наконец-то перевести дух, Мира всё ещё была категорически не согласна с ситуацией, в которой оказалась. Она быстро, порывисто шла по просторному коридору заимки, на ходу заглядывая в каждую открытую комнату. Ведьма целенаправленно искала лешего, чтобы раз и навсегда обсудить условия своего пребывания здесь и выставить свои жёсткие требования.

— Наконец-то! — шумно выдохнула она, когда завернула за очередной петляющий угол и обнаружила его в просторной, залитой солнцем гостиной.

Парень с полным комфортом сидел в глубоком мягком кресле, неторопливо держа в ладони чашку со свежесваренным чаем. Яркие лучи из огромного окна приятно грели его чернявые волосы и широкие плечи, пока Лесь что-то увлечённо и сосредоточенно читал в старинной книге с пожелтевшими страницами.

— Признавайся, прятался от меня в этих бесконечных лабиринтах? — возмущённо подошла к нему Мира, скрестив руки на груди.

— Если бы ты остановилась хоть на секунду и просто прислушалась, точно узнала бы, где меня искать, — ехидно поднял он на девушку свой изумрудный взгляд, даже не шелохнувшись. — Тебе катастрофически нужна практика в управлении своими силами. Сейчас ты больше напоминаешь слепого котёнка, чем вещь.

— Я как раз по этому поводу, — девушка сделала ещё шаг вперёд, смотря прямо ему в глаза и не позволяя сбить себя с толку своими издёвками. — Мне необходимо вернуться в город. Прямо сейчас.

— Исключено, — жёстко перебил Лесь, даже не дав ей договорить фразу до конца.

— Ты издеваешься надо мной?! — рявкнула та, и её бордовые пряди волос взметнулись от ярости. — У меня вообще-то есть собственная жизнь! Работа, учёба, сессия на носу! Ты не можешь просто взять и запереть меня в этой лесной глуши, это самое настоящее похищение человека! Уголовная статья, между прочим!

— Законы людей не действуют на моей территории, — безмятежно усмехнулся Леший, лениво отводя взгляд обратно к страницам книги.

Он явно давал понять, что этот человеческий лепет его ни капли не трогает. Но девушка не собиралась так просто отступить. В ней проснулась та самая упрямая, бойкая Мира, которая всю жизнь тащила на себе невзгоды семьи и не боялась давать сдачи. Она демонстративно,

резким движением ладони оттолкнула массивную книгу от парня, заставляя его закрыть её, и приблизилась к креслу почти вплотную. Оперевшись обеими руками на мягкий край кресла, девушка нависла над ним и заглянула парню прямо в лицо, заставляя его смотреть только на неё.

— Ты не можешь требовать от меня подчинения, абсолютно ничего не давая взамен, — чеканила она каждое слово сухо, весомо и жёстко. — Хочешь, чтобы я была твоей ведьмой? Чтобы я латала твоих раненых существ? Тогда будь добр уважать мои личные желания и границы. Я не собираюсь бросать свою жизнь в городе ради твоих лесных амбиций, и ты не заставишь меня снова играть по твоим правилам. Твой шантаж и угрозы не смогут действовать вечно. Если ты не изменишь своего отношения ко мне, всё это закончится трагично. Для нас обоих.

Её прямой, немигающий взгляд, стальной голос и абсолютная, непробиваемая упёртость заставили лешего впервые за утро полностью растерять свою ленивую спесь. На его лице мелькнуло удивление. Он медленно, аккуратно отставил чашку с чаем на деревянный кофейный столик с краю.

— Хочешь заключить со мной сделку, ведьма? — тихо усмехнулся Лесной царь, чуть наклонив голову набок и с неподдельным, хищным интересом всматриваясь в её лицо. В его изумрудных глазах заплескались опасные искры.

— Ты сказал, что Макошь убьёт меня и брата, если я откажусь выполнять волю богов, — припомнила она его слова, жёстко фиксируя позицию. — Но ведь нет абсолютно никакой разницы, где именно я буду исполнять этот ваш долг? Богам нужен результат, а не моё присутствие в этой глуши.

— Не всё так просто, — тихо улыбнулся Леший, и в его глазах снова скользнула вековая, ленивая мудрость. — Мир Яви и мир Нави чётко разделены между обитателями сторон. Суседи приходят в мой дом, потому что к ней ведут тайные, сокрытые от людских глаз тропы изнанки. Они физически не смогут прийти к тебе за помощью в шумный город. Если они сунутся туда в своём истинном, израненном виде, это до полусмерти напугает тамошних обитателей. Морок просто лопнет, и начнётся хаос.

— Тогда я сама буду приходить сюда по первому зову, — упрямо продолжала девушка, не желая сдавать позиции. — Буду приезжать на выходные, на каникулы...

— Тебе нужна практика, — жёстко перебил её Хозяин леса. — В этот раз, с Купавой, тебе просто повезло. Твои инстинкты сработали вовремя. Но раны у суседей бывают совершенно разными. Далеко не все из них можно вот так просто, за секунду, «заштопать» на одних лишь эмоциях. Тебе нужно учиться видеть плетение нитей, заучивать заговоры, понимать свойства трав. Набегами из города ты этому не научишься.

— Если ты не пойдёшь мне на уступки, я из принципа больше ничего делать не стану, — перешла Мира на тихий, угрожающий шёпот, ещё сильнее наклоняясь к его лицу. — Хочешь проверить мою упёртость? Давай. Будем сидеть и дружно смотреть, как узор твоей Макоши трещит по швам.

Лесь какое-то время просто молча смотрел на неё, взвешивая в голове все возможные варианты решения этой внезапной проблемы. Он прекрасно понимал её человеческие стремления, её амбиции и это отчаянное желание вцепиться в свою нормальность. Но, как хозяин Чёрного леса, нёс колоссальную ответственность и просто не мог допустить осечек. Либо эта строптивая ведьма станет его железной гарантией безопасности для изнанки, либо все местные обитатели окажутся обречены на медленное вымирание.

Взгляд парня медленно скользнул по волосам девушки. После недавней ванны они стали чуть тусклее, отчётливо отделяя смыывающиеся крашенные пряди от её натуральных корней. Яркие солнечные лучики, пробивающиеся сквозь окно гостиной, весело плясали на её космах, заставляя их причудливо переливаться всеми цветами радуги. Рука лешего плавно, без-

звучно потянулась вперёд. Его длинные прохладные пальцы легко, почти невесомо коснулись одного багряного локона, свисавшего вниз к его плечу. Мира инстинктивно замерла, перестав дышать. Она не спускала своего пристального, напряжённого взгляда с Леся, внимательно, словно впервые, осматривая его лицо вблизи. Если отбросить в сторону дикие обстоятельства их знакомства, пространственную магию дома и исцелённую водную деву, то по его внешности даже нельзя было подумать, что этот парень — могущественное мифическое существо. Правильные, чёткие черты лица, волевой подбородок и удивительно густые, тёмные ресницы делали образ перед ней невероятно человеческим.

— И что конкретно ты можешь мне предложить в обмен на свою драгоценную свободу? — вкрадчивый, рокошующий шёпот Лесного царя внезапно вырвал Миру из секундного оцепенения и роя лишних мыслей.

Парень плавно поднял на неё свой заинтересованный, хищный взгляд, продолжая перебирать её локон между пальцами.

— Как ведьма ты пока ещё совершенно не состоялась. Мне придётся взяться за твоё полноценное обучение, которое продлится непонятно сколько лун. И учитывая, что прямо сейчас ты живёшь на моей личной территории — сытая, мытая, и в абсолютной безопасности от любых внешних угроз... Подчиняться моей воле и учиться — это меньшее, что ты вообще можешь себе позволить в данной ситуации.

Он смотрел прямо ей в глаза, не мигая. И несмотря на то, что это Мира сейчас нависала над его креслом, удерживая за края, Лесь всем своим видом, каждой клеточкой своего существа давал ей понять, что чувствует себя абсолютным хозяином положения. Девушка стояла ошарашенная несколько секунд. Её призрачная броня, которую она с таким трудом восстанавливала после утренних потрясений, снова дала глубокую трещину. Она не понимала, почему этот невыносимый леший позволяет себе с ней такие вольности. Сначала та бесцеремонная выходка в ванной, теперь это интимное, вкрадчивое прикосновение к её волосам... Он либо специально, изощрённо издевается над ней, пытаясь вывести из равновесия, либо... *«Как он вообще умудряется оставаться настолько спокойным?»* — лихорадочно размышляла ведьма, застыв под его пронизательным изумрудным взглядом. — *Он что, совершенно не воспринимает меня как девушку? Для него я просто инструмент? Функция?»*

Эта внезапная мысль болезненно, как ожог, царапнула её сознание. Она резко, рваным движением отпрянула от его кресла, разрывая ментальный капкан, который он вокруг неё сплетал. *«Стоп! А почему меня это вообще должно волновать?»* — тут же злобно заспорила она сама с собой во внутреннем монологе. — *Какая мне разница, что он там обо мне думает?»* Её чуткая, глубокая натура, взращённая на эмпатии, отчаянно пыталась оправдать его поведение, разглядеть в этой жёсткости скрытую боль отчаявшегося, одинокого правителя. Но прагматичная городская сторона возмущённо вопила о несправедливости. С какой стати она вообще должна заботиться о его чувствах и понимать его мотивы? Её сюда притащили силой!

— Тебе что, совсем плевать, что будет с твоими подчинёнными? — спросила она осторожно, стараясь, чтобы голос не дрожал, и продолжая яростно сверлить парня взглядом. — Как ты вообще можешь пытаться ставить мне свои условия и требовать рабской покорности, если сам им помочь ничем не можешь?

— Если я не могу заставить тебя подчиняться законам Изнанки, возможно, такова судьба этого леса, — глубоко, со свистом вздохнув, Леший медленно поднялся со своего кресла во весь рост.

Его высокая, плотная фигура мгновенно заслонила собой весь тёплый солнечный свет, лившийся из окна, бросая на Миру длинную, холодную тень.

— Быть может, боги просто хотят, чтобы я запер тебя в этой заимке навсегда, — спокойно, без единой эмоции продолжил он, чеканя слова. — Запер в ожидании того дня, когда

твоя кровь окончательно превратится в яд и убьёт тебя изнутри, как сожрала твоего деда. Мне спешить некуда, ведьма. Я могу подождать.

Его жестокие, леденящие слова заставили девушку крупно вздрогнуть. В ушах набатом отозвались недавние слова Купавы о том, что духи изнанки дики, первобытны и просто не умеют сострадать так, как люди. Это жгло её изнутри. Лесь действительно не собирался проявлять к ней милосердие. Он был стихией, которой было абсолютно плевать на личные желания, амбиции и планы маленького человека. Его изумрудный взгляд вдруг блеснул в наступившей полутьме комнаты остро, хищно и неподвижно. *«Он так легко, так цинично готов списать живые жизни обитателей своего же леса на безликую волю богов?»* — по всей коже Миры пробежали крупные мурашки, но уже не от страха, а от бешеного, праведного возмущения. Её внутренний стержень, заставлявший годами тащить на себе семью и драться за брата, окончательно распрямился.

— Как же это удобно, — вдруг горько усмехнулась она, бесстрашно поднимая на Лесного царя свой холодный, презирающий взгляд. — Прикрывать волей богов своё собственное безразличие и тотальное бездействие... Но ты явно не с той связался. Я не стану безропотно плыть по течению и заглядывать тебе в рот просто потому, что так легче. Если ты не готов брать реальную ответственность за своих подчинённых, если ты готов бросить их умирать ради своей гордости, то и не смей больше называть себя хозяином этого леса. Ты просто трус.

Она резко развернулась и стремительно вышла из гостиной с грохотом, оставив этот тяжёлый разговор позади. Она шла по коридору, тяжело дыша, а слова, брошенные ею в лицо древнему духу, теперь тяжёлым эхом висели в воздухе заимки, отражаясь от бревенчатых стен. Лесь остался стоять посреди комнаты один. Неожиданно для самого себя парень криво, но искренне усмехнулся, глядя на пустой дверной проём. Конечно, он всем своим сердцем глубоко тревожился об обитателях Нави, что веками жили под его защитой. Лесной царь разрывался от боли за каждую увядающую ветку и отравленный омут, просто городская девушка этого не знала и не могла увидеть за его маской. Но её яростный, боевой настрой, эта внезапная вспышка благородного гнева, как ни странно, отозвались в груди лешего странным, давно забытым теплом. У этой девчонки были чёткие принципы и жёсткий взгляд на жизнь. Она была добра, яростна и справедлива.

Лесь медленно повернул голову к окну, за которым Чёрный лес глухо зашумел вершинами сосен. Задатки для хорошей, сильной вещи у Миры были просто отличные. Оставалось лишь заставить её признать это.

Девушка почти летела по лабиринтам коридоров, её кроссовки глухо и часто стучали по идеально гладкому деревянному покрытию. В голове судорожно, на грани паники крутились тяжёлые мысли. Леший и не думал входить в её положение. Этот древний дух был жёстко и бескомпромиссно настроен на её насильственном приобщении к Нави, к заимке и к страдающим обитателям леса. Но самое паршивое и болезненное крылось в другом — брат. Сева ведь с самого начала знал обо всём. Он притащил её сюда, разыграв карту беспомощного наркомана и шизофреника, прекрасно понимая, какая именно судьба ей тут уготована. Его ночная злость, яд и жестокие слова, которыми он обвинял её ещё в городской квартире, сейчас кружились в голове оглушительным набатом: *«Ты стала моим проклятием... Считаешь справедливым, что за твои ошибки и эгоизм расплачиваюсь я?!»*

«Он не станет помогать мне выбраться, — ледяной вспышкой пролетело в мыслях. *— Он оставит меня здесь, чтобы спасти собственную шкуру».* Мира бежала по бесконечным галереям, судорожно оглядываясь по сторонам. Она отчаянно искала выход, ту самую ветхую входную дверь, через которую они с Сивкой переступили порог Чёрного леса. Но её нигде не было. Коридоры петляли, выводили к уютным спальням, к огромной ванной комнате, но упирались лишь в новые глухие повороты. *«Если это проклятое пространство подчиняется*

исключительно мыслям Лешего, то обычного выхода отсюда просто не существует...» — в бессильном гневе ведьма с размаху ударила кулаком по ровной, безупречно выкрашенной стене.

Её взгляд упал на подрагивающий кулак. Кожа на костяшках покраснела и засадила. Будь это обычный ночной кошмар, Мира бы даже не задумалась. Она бы просто скользнула сквозь эти изумрудные стены, которые сейчас так противно, навязчиво напоминали Его насмешливые глаза. Девушка тяжело переводила дыхание, прижимая ладонь к вздымающейся груди. *«Проблема в том, что это, чёрт возьми, не сон...»* — яростно, пульсирующей болью в висках отдавалась очевидная мысль.

Однако внезапное воспоминание о тонкой магической нити, которой она на одних инстинктах исцелила Купаву, резко перекрыло подступающую тревогу. Вывать к помощи русалки было бессмысленно — не в её интересах было отпускать своего единственного лекаря, да и не могла она, при всём желании, пойти против воли Лесного царя. Это мистическое место ломало привычную человеческую логику, крушило все знания о мире. Но если заимка ломает правила физики, могла ли она, ведьма, сделать то же самое? Сделать шаг вопреки здравому смыслу? Девушка судорожно всматривалась в свои ладони. Её душа вышла из физического тела — магия была реальна. Осязаема. Но как заставить свой заостенелый, прагматичный разум поверить в это до конца?

И вдруг её взгляд зацепился за открытое окно в пустой комнате. Форточка была распахнута настежь. Прохладный воздух мягко колыхал лёгкие белые занавески, пока яркие солнечные лучи золотыми полосами освещали чистое помещение. Картина выглядела по-настоящему умиротворённой, почти домашней, если бы не давящее ощущение ментальной тюрьмы вокруг.

Мира даже не успела подумать, взвесить риски или включить логику — её натренированное выживанием тело двинулось само, опережая мысли. Она рванулась к этой форточке, совершенно не заботясь о последствиях, высоте и возможной опасности. Один порывистый шаг на подоконник, и вот девушка уже по пояс высунулась из окна на внешнюю сторону избушки. Несколько неловких, отчаянных движений — и ведьма с глухим стуком приземлилась спиной на сырую, прохладную траву. Солнечный свет после полумрака коридоров на секунду ослепил глаза, заставив сощуриться. Вокруг оглушительно, во все голоса зашумел настоящий, дикий Чёрный лес — запели птицы, затрещали ветки, зашелестели кроны старых сосен. Свобода. Ведьма судорожно, со свистом вдохнула полной грудью пахнувший озоном и хвоей воздух, порывисто вскочила на ноги, проигнорировав саднящую спину, и напролом бросилась в самую глубь леса. Она бежала вперёд, ломая сухие сучья, путаясь в папоротнике и ни разу не оборачиваясь назад, где среди деревьев осталась стоять проклятая избушка лешего.

Девушка бежала до тех пор, пока лёгкие не обожгло невыносимым, ядовитым огнём. Окончательно выбившись из сил, она остановилась, тяжело опираясь ладонями о шершавый, сочащийся липкой смолой ствол вековой сосны, и попыталась перевести дыхание. Вокруг простирался дикий, первобытный Чёрный лес. И он пугал своей абсолютной, монотонной одинаковостью. В какую бы сторону Мира ни бросала свой лихорадочный взгляд, везде её встречали одни и те же бесконечные шеренги угрюмых елей, исполинские замшелые папоротники и хаотичные завалы из прогнившего бурелома. Живая чаща словно безмолвно издевалась над ней: ни намёка на тропинку, ни единого просвета, который указывал бы дорогу обратно к вымирающей деревне или железнодорожной станции. Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь плотный потолок хвои, ложась на сырую землю блёклыми, обманчивыми пятнами, по которым было решительно невозможно определить стороны света.

Только сейчас, когда безумный адреналиновый всплеск от побега немного утих, ведьма в полной мере осознала всю катастрофичность своего положения. Холодный лесной воздух мгновенно остудил её разгорячённую кожу. Она выскочила из избушки через форточку в одних

лишь кроссовках, джинсах и лёгкой трикотажной майке — свою ветровку и сумку она в спешке оставила там, в гостевой спальне. У неё не было с собой абсолютно ничего: ни телефона, чтобы хотя бы посмотреть на мёртвый экран, ни документов, ни чёртова перцового баллончика.

— Идиотка... Какая же ты идиотка, Мира, — злобно, до хруста сжав челюсти, принялась она бубнить себе под нос, рассержено вытирая тыльной стороной ладони липкий пот со лба. — Взрослая девка, а повела себя как глупая истеричка. Прыгнула в окно без плана, без вещей. Браво, Яковлева, это триумф твоей хваленной расчётливости.

Осознание того, что она окончательно и бесповоротно заблудилась в чужом, враждебном лесу, тяжёлым обручем сдавило грудь. Девушка огляделась, судорожно выискивая хоть какой-то выход, и её взгляд зацепился за старую раскидистую ель, чьи толстые, узловатые нижние ветви свисали почти до самой земли. Не долго думая, поддавшись очередному порывистому импульсу, она упрямо схватилась руками за грубую, колючую кору и принялась карабкаться вверх. Это было физически тяжело: сухие сучки больно царапали предплечья, ладони мгновенно покрылись липкой смолой, а ткань джинсов с противным шуршанием шоркалась о ствол, когда Мира с трудом подтягивала своё тело выше и выше, цепляясь за прочные уступы. Она поднялась почти на высоту третьего этажа, рискуя в любую секунду сорваться вниз, и с замиранием сердца посмотрела вдаль. Но её отчаянная попытка разглядеть хоть что-нибудь с высоты с треском провалилась. Вокруг, до самого горизонта, простиралось бесконечное, холмистое зелёное море. Кроны соседних деревьев были слишком густыми, плотными и высокими, они надёжно, глухой стеной скрывали под собой всё: и заимку лешего, и железнодорожные пути, и саму цивилизацию.

Мира разочарованно выругалась и с огромным трудом, едва не соскальзывая, сползла обратно на землю. Когда её кроссовки наконец коснулись сырого мха, она обессиленно прислонилась спиной к стволу, тяжело дыша. Её сердце бешено колотилось в самые рёбра. Пытаясь унять дрожь в коленях, девушка поняла: она больше не может позволить себе так беспечно и хаотично бродить по этой чаще, подчиняясь одним лишь эмоциям. Да, всю свою сознательную жизнь она была сказочно везучей. Но сейчас, в глубине Чёрного леса, никто и ничто не могло гарантировать ей, что из-за ближайшего куста на неё не выскочит какой-нибудь дикий зверь — голодный волк или потревоженный медведь. И самое жуткое, о чём девушка сейчас размышляла с нарастающим внутренним холодком. Макошь. Великая Пряха, которая из-за её упрямого отказа исполнять ведьмачий долг рода уже начала медленно, безжалостно затягивать свой мёртвый узел вокруг их семьи.

«Если богиня Судьбы действительно разгневана на меня за эгоизм, — подумала ведьма, и по её коже пробежали крупные, осязаемые мурашки, — то мой личный лимит удачи вполне мог исчерпаться прямо в эту секунду». В этот самый момент за её спиной, в густых зарослях дикой малины, отчётливо и пугающе громко хрустнула тяжёлая сухая ветка, заставив девушку сильно вздрогнуть. Сердце испуганной птицей заколотилось в горле. Мира осторожно поднялась с места, не имея ни малейшего желания узнавать, кто или что находилось с ней так рядом. Она осторожно скользнула в сторону, стараясь ступать как можно тише, и принялась петлять между глубокими оврагами и раскидистыми корнями.

Замерев вскоре у поваленного грозой ствола и напряжённо прислушиваясь, девушка наконец остановилась. Вокруг стояла тяжёлая, давящая лесная тишина. Мира попыталась перевести дух, порывисто взмахивая краем тонкой майки, чтобы хоть немного остудить покрасневшее лицо. Её тело буквально горело от дикого стресса, паники и физической усталости, а одежда насквозь пропиталась липким потом.

— М-да, так меня по запаху даже слепой ёжик выследит, — усмехнулась ведьма с горькой иронией, устало прислонившись к дереву.

Она прекрасно понимала, что после такого безумного кросса буквально разносит свой человеческий запах по всей чаще, превращаясь в идеальный, желанный обед для любого мест-

ного зверья. Девушка решила в корне сменить тактику. Вместо слепого, панического бегства она пошла прямо, размеренным шагом, внимательно прислушиваясь теперь не только к шорохам вокруг, но и к своему собственному чутью. Невыносимое, липкое ощущение, что за ней неотступно следят чьи-то чужие, немигающие глаза, не отпускало её ни на секунду. Если Лесь действительно был хозяином леса, видит ли он её страдания прямо сейчас? Мысль о том, что этот Лесной царь сейчас где-то насмешливо, лениво наблюдает за её жалкими попытками спастись, заставила девушку выдать трехэтажную порцию ругательств. *«Издевается надо мной, скотина!»* — злобно думала она, продираясь сквозь заросли уже практически без сил.

Мира потеряла счёт времени. Она не знала, сколько часов уже шла напролом, но ноги безжалостно, свинцово гудели, а каждый шаг давался с огромным трудом. Главная проблема диких лесов заключалась в том, что ты никогда не знаешь, правильно ли ты вообще идёшь. Внутренний компас молчал, и складывалось стойкое, пугающее ощущение, что она с каждым километром уходит вглубь леса всё дальше и дальше от цивилизации.

— Чёрт! — глухо ругалась она, в очередной раз распахивая колючие кусты руками. Это определённо точно был самый худший, самый провальный день в её жизни.

В какой-то момент ведьма с нарастающим ужасом заметила, что редкие солнечные лучи больше не слепят глаза сквозь кроны, а тени от вековых елей вытянулись, сливаясь в сплошную серую массу. Близился закат. За всё это время, не считая нескольких пугливых белок, лесных птиц и одного серого зайца, который её саму до жути напугал, внезапно промелькнув через кусты прямо под ногами, больше никакого крупного зверья девушка так и не встретила. Однако это ни капли не успокаивало. Напротив, паника подступала к горлу с новой силой. Близилась глухая, лесная ночь, а она всё ещё была одна в Чёрном лесу. Без спичек, без тёплой куртки, без оружия. И о чём она сейчас точно не хотела думать — так это о лесных насекомых, которые с наступлением темноты полезут из всех щелей.

— Не обращай внимания, Мира. Не думай об этом, иначе твой хваленый щит везучести окончательно перестанет работать, — вслух успокаивала она себя, пытаясь удержать остатки самообладания.

Понимая, что оставаться на земле в кромешной темноте — это чистое самоубийство, девушке вновь пришлось искать спасение на высоте. Кое-как, с трудом переставляя неслушающиеся ноги, она забралась на крепкое, ветвистое дерево с широкими, надёжными сучьями. Кора безжалостно царапала кожу, но выбирать не приходилось. Сейчас она сидела на толстой ветке, высоко над землёй, недовольно и тоскливо рассматривая свои некогда приличные городские джинсы. На коленях и на внутренней стороне ног ткань полностью прошоркалась и заби-лась древесной пылью, а сквозь дыры виднелись свежие ссадины. Лес постепенно погружался во тьму.

Когда солнце окончательно скрылось за горизонтом, а бушевавшая в жилах кровь наконец успокоилась, девушку мгновенно настиг жестокий озноб. Без защиты её кожа моментально покрылась гусиной коркой из-за подступающего, леденящего ночного воздуха. Мира сидела на жёсткой ветке, крепко обхватив колени руками и судорожно всматриваясь в кромешную темноту, старалась не дрожать. Тени вокруг сгущались с пугающей скоростью, превращая знакомые очертания деревьев в уродливые, изломанные фигуры. Ночной морок вступал в свои полные права, заставляя ведьму то и дело вздрагивать от волн подступающей, удушливой паники. Теперь каждый силуэт, каждый корявый сук в темноте начинал казаться ей враждебным, живым существом, затаившим дыхание перед броском.

— Только не сейчас... Пожалуйста, только не сейчас, — едва слышно выдавила девушка, в отчаянии зарываясь лицом в колени.

Она крепко зажмурилась, но темнота под закрытыми веками не принесла облегчения. Кровь с силой прилила к ушам, противно и тонко пища в барабанных перепонках от дикого

перенапряжения. Так бывало с ней иногда — редкие, но меткие приступы иррационального, животного страха, когда она вдруг ни с того ни с сего начинала до дрожи бояться темноты вокруг себя. В раннем детстве эта паника была по-настоящему чудовищной. Маленькая Мира часто плакала ночами навзрыд просто от того, что ей в очередной раз померещилось какое-то шевеление в углу комнаты. С возрастом она силой воли приучила себя быть храброй. Она годами вбивала себе в голову прагматичную мысль: в темноте нет абсолютно ничего страшного, это всего лишь отсутствие света, списывая картинки на разыгравшееся воображение. Однако теперь тяжёлые слова брата продолжали свинцовым грузом давить на её разум. Защитная стена из скепсиса рухнула. Если все те чёрные тени, которые она видела в течение жизни, на самом деле были настоящими... могут ли они, почувствовав её слабость, прийти за ней прямо сюда, в это безлюдное сердце Чёрного леса?

Прекрасно понимая всё своё отчаянное, уязвимое положение, девушка до крови прикусила губу, изо всех сил стараясь концентрироваться на осязаемых физических ощущениях — на саднящих коленях, холодной древесной коре под спиной — а не на липком ментальном страхе. Но подсознание сыграло с ней злую шутку. Перед глазами в темноте внезапно вспыхнули изрезанные, покрытые грязными бинтами руки Севы. Эта картинка тихой, ноющей болью отозвалась в груди ведьмы, наводя на навязчивые, липкие мысли, что именно так брат и справлялся со всеми своими дикими страхами столько лет. Мира оказалась в ментальной ловушке. Она не могла заставить себя открыть глаза, безумно боясь увидеть истинное лицо ночного леса, но и продолжать смотреть на изнанку собственной души, разорванной чувством вины, она больше не имела сил. Девушка буквально застряла на этой тонкой, невидимой границе — запертая между Явью и Навью.

— Мира... — донеслось до её ушей собственное имя со стороны, родившись из самого сердца ночной глуши.

Девушка резко вздрогнула. Тяжёлые, липкие мысли, терзающие её разум секунду назад, в один миг исчезли. Она сосредоточилась на звенящей тишине вокруг и отчаянно вслушиваясь в темноту.

— Мира, — вновь повторилось откуда-то из тумана, отчего ведьма в панике с силой закрыла уши ладонями, зажмуриваясь до цветных пятен.

Её пробивала крупная дрожь. Внутренний голос испуганно кричал: *«Неужели тени всё же выследили меня? Неужели они пришли за мной, чтобы забрать долг крови?»*

— Ты спишь там, обезьянка? — вдруг послышался знакомый, лениво-весёлый голос, начисто ломающий всю жуткую атмосферу. — Реально собираешься провести здесь всю ночь на жёрдочке? Слезай давай, не майся дурью.

Девушка осторожно, преодолевая сковывающую панику, открыла глаза и посмотрела вниз, сквозь густые еловые лапы. В глубоких ночных сумерках у подножия ствола действительно стоял высокий силуэт, но лица в этой темноте она разглядеть не могла. Новая крупная дрожь пробежала по телу. Мозг отказывался соображать: она не понимала, карающая ли это тень, галлюцинация или ещё какой-нибудь опасный лесной дух. Она смотрела на силуэт сверху вниз, теперь уже намертво, до боли в пальцах вжавшись спиной в шершавую кору дерева.

— Так и будешь молчать? Не ответишь мне? — спросил парень совершенно спокойно.

— Просто... — отозвалась она робко, и её всегда уверенный, стальной голос сорвался на беспомощный шёпот. Наворачивающиеся на глаза слёзы предательски смазывали и без того зыбкие контуры леса вокруг. Она вновь крепко зажмурилась, утыкаясь лбом в колени. — Просто оставьте меня в покое... Все вы. Пожалуйста...

На мгновение звенящая, абсолютная тишина пронзила лесной воздух, а в следующую секунду вековое дерево под ней странно, противоестественно зашевелилось. Девушка вскрикнула и мёртвой хваткой вцепилась в толстый сук от неожиданности. Но ветка, словно живая гигантская ладонь, плавно и мягко опустилась вниз, к самой земле. Мира оказалась на про-

хладной сырой траве гораздо раньше, чем успела понять, что вообще произошло. Пространство вокруг неё снова послушно изогнулось по чужой воле. И вдруг её макушки коснулась большая, удивительно тёплая рука. Она судорожно подняла заплаканный взгляд. Прямо перед ней, на расстоянии полувздоха, было лицо Хозяина леса. В темноте его изумрудные глаза светились ровным, глубоким и мягким светом, напрочь лишённым прежней издёвки. Он внимательно, серьёзно смотрел ей прямо в глаза.

Пальцы вещей инстинктивно, судорожно вцепились в сырую землю, её всю колотило крупной, непрекращающейся дрожью. От пережитого страха, от скопившейся злости, от пронизывающего ночного холода. Она выглядела абсолютно беззащитной.

— Иди-ка сюда, — тихо, плавно потянулся к ней Леший, без лишних слов заключая её в свои широкие, надёжные объятия.

Он ничего больше не говорил. Не читал нотаций, не напоминал про её гордость и побег через форточку. Он просто молча сидел вместе с ней на сыром мху, укрыв её своей плотной, пахнущей корой и озоном накидкой из переплетённых узоров, и мягко, убаюкивающе поглаживал ладонью по спине, успокаивая. К огромному удивлению Миры, ей стало тепло достаточно быстро. Холод отступил мгновенно, словно её с головой окутало мягким, нагретым солнцем сухим мхом, а липкий ночной страх бесследно растворился в его объятиях. Это точно была не опасная тень. Это был Лесь. Сейчас этот парень полностью, без остатка занимал все мысли ведьмы, оттого она упрямо не хотела открывать глаза. Девушка просто до боли в груди не хотела признавать очевидный, бьющий по её эго факт: в итоге, вопреки всему её скепсису, рядом с этим паразитом ей оказалось гораздо лучше, безопаснее и теплее, чем одной в её выдуманном, правильном мире логики.

Леший аккуратно поднял её на руки и нёс всю дорогу обратно до заимки. Нельзя было точно сказать, сколько именно времени им понадобилось, чтобы вернуться сквозь ночную тайгу. В этих сильных руках и тёплой накидке само время будто замерло, растянувшись в бесконечность. Было так тихо и спокойно, что, казалось, вот-вот — и девушка просто уснёт у него на руках. Все её защитные барьеры, выстраиваемые годами в шумном мегаполисе, окончательно рухнули под натиском лесного уюта. Сейчас она была полностью во власти Хозяина леса, и это отчётливо, до единого вздоха ощущали оба. Лесь шёл размеренным, плавным шагом, баюкая её в своих руках, и не сводил с Миры заворожённого, пристального взгляда. Его поражала эта разительная, невероятная разница между колючей, яростной боевой ведьмой, которая ещё грозила выколоть ему глаза, и этой хрупкой, беззащитной девочкой, которая сейчас, свернувшись калачиком, доверчиво прижималась к его широкой груди.

Впереди среди расступившихся вековых елей наконец появилась та самая небольшая, заросшая травой поляна. Мира приоткрыла глаза и сквозь пелену усталости увидела силуэт покосившейся заимки — той самой избушки, из которой она так отчаянно и глупо старалась сбежать. Они подошли к ней вплотную, но Лесному царю даже не пришлось тянуться к дверной ручке. Пространство вокруг них послушно изогнулось: брёвна и стены избушки на мгновение смазались, разошлись в стороны, беззвучно впуская их обоих в свои потаённые чертоги. А в следующее мгновение девушка вновь оказалась в своей гостевой спальне. Лесь перенёс её сюда напрямую, минуя бесконечные петляющие коридоры и встревоженные, полные вопросов взгляды Севы или Купавы. Но даже в этой изоляции Мира буквально ощущала кожей то липкое, густое волнение, которое она оставила в этих стенах после своего порывистого побега через форточку. Заимка помнила её страх.

Леший аккуратно, стараясь не причинить боли, опустил её на мягкую кровать, а сам присел прямо напротив. В полумраке спальни его изумрудные глаза продолжали ровно светиться.

— Ну что, ведьма, довольна своим маленьким бунтом? — голос его был удивительно мягким, вкрадчивым и тихим, лишённым прежней суровой бескомпромиссности.

Девушка подняла на него свой привычный, недовольный взгляд из-под растрёпанной каскадной чёлки, но ничего не ответила. Знакомые, безупречно чистые стены комнаты и это до боли ехидное, но такое понятное лицо Леся постепенно, капля за каплей возвращали ей утраченное в чаще ощущение абсолютной безопасности. Парень тем временем плавным, неторопливым движением взял её за руку и бережно потянул на себя, внимательно осматривая покрытые смолой ссадины на предплечьях. А затем его вторая рука спокойно, уверенно легла на колено девушки, чуть отодвигая ногу в сторону, чтобы оценить остальные раны.

— Эй! — мгновенно зашипела Мира от неожиданности и смущения, резко отпрянув назад. — Прекрати сейчас же так себя вести! Ты не можешь касаться меня каждый раз, когда тебе вздумается! Понял?

— И как же мне тогда осмотреть твои раны? — искренне усмехнулся парень, ничуть не смутившись её бурной реакции. — Сама себя исцелить ты не сможешь, сила рода на хозяина крови не оборачивается. Мне нужно приготовить правильные мази, заварить травы. Поэтому перестань упрямиться и снимай штаны.

— Ещё чего! — в полный голос завопила девушка, взвившись и вскакивая с кровати на ноги, несмотря на гудящие от усталости мышцы. Её лицо мгновенно вспыхнуло пунцовым цветом. — Ты вернул меня в избушку? Вернул! Доволен? А теперь выметался из моей комнаты! Я сама о себе позабочусь!

Леший медленно, во весь рост встал с пола. Он не сводил своего неподвижного, изучающего взгляда с пылающего от возмущения лица ведьмы, словно забавляясь этой новой вспышкой её стального характера.

— Всё продолжаешь строптивиться и выпускать когти... — негромко вздохнул он, качнув головой, но в его интонации больше не было злости. — Ладно, будь по-твоему. Заставлять не буду.

Парень плавно развернулся и спокойно, бесшумно вышел из спальни, плотно прикрыв за собой массивную дубовую дверь и оставив девушку наедине со своими бушующими мыслями. Лицо Миры горело так, словно она полыхала огнём.

— «Штаны снимай»... — в ярости возмущалась она вслух, нервно расхаживая по комнате и пиная воздух. — Вот же бесстыдник лесной! Нахал допотопный!

По какой-то странной, совершенно необъяснимой причине вещь сейчас абсолютно не волновал тот факт, что её ноги были серьёзно ранены, покрыты глубокими ссадинами после карабканья по деревьям, а парень всего лишь хотел помочь. Его вечные подколы, невыносимое ехидство и эта абсолютная, подавляющая уверенность в собственном превосходстве просто на корню затмевали любой, даже самый искренний намёк на сострадание с его стороны. Мира заметалась по комнате в поисках своей сумки, чтобы у зеркала привести себя в порядок после этой безумной ночи.

Утром ведьма на неслушающихся, ноющих ногах пришла в ванную комнату. Каждый шаг отдавался тупой, пульсирующей болью. Ей еле-еле удалось стянуть с себя прошорканные, жёсткие от засохшей грязи джинсы, и увиденная картина заставила её поморщиться. Ноги были страшно, до мяса расцарапаны с внутренних сторон и спереди колючими еловыми ветками. Девушка налила прохладную воду в деревянный ушат, смочила чистую ветошь и, стиснув зубы, стала аккуратно протирать раны, смывая засохшие пятна крови и налипшую лесную смолу.

— Мира! — вдруг с хлопком распахнулась дверь, заставив ту сильно вздрогнуть и инстинктивно прикрыться холстом.

Это была Купава. Русалка буквально влетела в комнату, её длинные болотные волосы растрепались, а бледное лицо выражало крайнюю степень испуга. Она подбежала к ведьме, встревоженная и растерянная.

— Что случилось? Как ты? — запричитала она, оглядывая её ссадины.

— Приличия и личные границы для местных духов — это что, пустой звук? — недовольно буркнула та себе под нос, но сразу же обратила внимание на небольшую тёмную глиняную баночку в руке девочки. — Что это у тебя?

— Лесь сказал, что ты была в лесу и сильно поранилась, — поспешно объясняла она, протягивая ёмкость, от которой пахло целебным сбором, хвоей и мёдом. — Вот он и отправил меня к тебе... Почему ты убежала? Там ведь очень опасно!

— Я заставила тебя так сильно поволноваться? Прости, пожалуйста... — виновато отозвалась ведьма, низко опуская голову и с силой выжимая мокрую тряпку обратно в ушат. — Просто мы с Лешим немного повздорили...

Мира перевела взгляд на встревоженную, преданно заглядывающую ей в лицо русалку и постаралась вернуть себе привычную маску спокойствия.

— В общем, не бери в голову, Купава... — мягко улыбнулась она девочке.

— Как же не брать? — расстроено вздохнула та и присела рядом на корточки, внимательно разглядывая покрытые кровавыми полосами ноги ведьмы. — На тебя в чаще напал какой-то дикий зверь?

— Скорее это я коварно напала на старое дерево, — усмехнулась ведьма, вспоминая свой эпичный и абсолютно бесполезный подъём на ель. — Ничего страшного. Скоро всё пройдёт.

Водная дева, не слушая её отговорки, тут же аккуратно открыла баночку. Из неё по комнате разлился густой, дурманивший травяной аромат.

— Ты должна беречь себя, Вещая, — Купава мягко, почти невесомо коснулась промытых ссадин своими прохладными пальцами, осторожно накладывая плотную мазь на разорванную кожу. Боль от её прикосновения мгновенно утихла, сменившись приятным, покалывающим холодком. — Если ты заболеешь или погибнешь, что тогда останется делать нам, суседам? Кто нас защитит от человеческого яда? В этом Чёрном лесу вы с братом — самое ценное, самое дорогое, что у нас вообще есть... Если тебе что-то нужно, если тебе плохо или тяжело — просто попроси нас. Мы сделаем всё.

Эти простые, наполненные безграничным благоговением слова заставили девушку сильно вздрогнуть. Внутри неё словно оборвалась какая-то струна. Мира замерла, не сводя потрясённого взгляда с русалки у своих ног, которая с такой искренней, трепетной нежностью обрабатывала ей ссадины. В городе девушка привыкла, что она вечно всем должна: должна быть сильной, должна пахать в ресторане, должна писать конспекты, должна тащить на себе проблемы Севы и мамы. Никто и никогда в её взрослой жизни не заботился о ней самой, не называл её «самым ценным» и не просил просто довериться. А здесь это мифическое существо, пострадавшее от людей, готово было молиться на неё просто за то, что ведьма существует. Её броня из эгоизма и ярости окончательно растаяла, оставляя после себя щемящее чувство ответственности, от которой больше не хотелось бежать.

Для суседей ведьмы были сродни богам, а толковая, пробуждённая вещая — ценнее собственной жизни. От осознания этого простого, но оглушительного факта у девушки в горле встал тяжёлый, горячий ком. Мира сразу вспомнила покойного деда. В памяти вспыхнуло его вечно хмурое, испитое лицо и крики бабушки на веранде. Теперь, сквозь призму откровений Купавы, всё это деревенское прошлое предстало перед ней в ином, пугающем свете. Наверняка и этот невыносимый старик, и все лесные обитатели годами страдали из-за того, что мужчина упорно не принимал свою судьбу, глушил вещий зов Нави водкой и наотрез отказался передавать внукам хоть какие-то знания. Сейчас, когда деда не стало, обитатели леса остались по сути беспомощны, брошены один на один со смертоносным человеческим миром.

Грудь девушки тисками сдавило от подступающего, липкого стыда и грызущего чувства вины. Неужели она и впрямь должна добровольно отказаться от всего, чего с таким трудом достигла в городе, перечеркнуть свои амбиции и посвятить остаток дней этой скрытой от людей глуши? Ответа на этот вопрос у её прагматичного разума по-прежнему не было. Мира больше

не проронила ни единого слова, полностью погружённая в свои глубокие тревоги, страхи и сомнения. Водная дева, чувствуя её молчаливое напряжение, вела себя удивительно чутко. Она осторожно помогла ведьме надеть чистую свободную рубаху из плотного льна, доходящую почти до колен, и бережно закатала её широкие рукава выше локтей, чтобы густая целебная мазь могла полностью впитаться в расцарапанную кожу.

Закончив с перевязкой, девушки вдвоём отправились по петляющим коридорам заимки на кухню. Стоило им переступить порог, как Мира обнаружила за столом брата, а прямо на деревянной столешнице шустро барахтался давешний лохматый домовый, увлечённо перебирая какие-то сухие травинки своими длинными, тонкими пальцами.

— Эй! Ты как? Живая? — завидев сестру, Сева мгновенно вскочил со своего стула. На его бледном лице отразилось такое неподдельное, острое беспокойство, что Мире стало неловко. Брат пугливо покосился на её открытые руки, густо измазанные зеленоватой пастой.

— И не такое в жизни проходили, — слабо усмехнулась девушка, стараясь вернуть голосу привычную бодрость.

Она спокойно прошла мимо него вглубь кухни к массивному шкафу, чтобы налить себе стакан чистой воды и окончательно прийти в себя. В заимке действительно не было никакого электричества, розеток или проводов, как резонно подумалось ведьме, когда она только-только попала в это странное место. Однако, вопреки всякой логике, продукты в кладовой оставались идеально свежими, прохладная вода из-под крана текла хрустально чистой и вкусной, а ровный тёплый свет в комнатах давали удивительные, гладкие камни-самоцветы, которые просто накрывали плотными деревянными крышками за ненадобностью, погружая комнаты во тьму. Здесь всегда, в любую погоду было удивительно тепло, сухо и чисто. И недавно произошедшие ночные события, а также тихие слова Купавы натолкнули ведьму на очевидную мысль: всё это хрупкое благополучие существовало исключительно благодаря заботе суседей. Раз эта заимка — владение Хозяина леса, а он — их полноправный суровый правитель, то и пространство здесь дышало его невидимой силой.

— Доброе утро, — вдруг негромко, с бархатным рокотом послышалось со стороны дверного проёма.

Все присутствующие на кухне синхронно обернулись на звук. На пороге стоял Лесь. «*Помяни чёрта, он и появится...*» — мысленно, с глухим раздражением возмутилась Мира про себя, когда они встретились глазами. Её щёки против воли опалило лёгким румянцем от воспоминаний о вчерашних событиях ночи. Широкая льняная рубаха сейчас едва прикрывала её исцарапанные колени, открывая взору длинные ноги, и этот факт, разумеется, не остался без пристального внимания лешего. Его изумрудный взгляд медленно скользнул по её фигуре, задерживаясь на локтях и бёдрах. Лесной царь едва заметно, понимающе улыбнулся одними уголками губ: ведьма всё-таки переступила через свою непомерную гордость и воспользовалась лечебной мазью, которую он так заботливо передал ей через русалку.

Девушка резко, с глухим стуком отставила стеклянный стакан на деревянную столешницу. Оттолкнувшись от края гарнитура, она порывисто, не давая себе времени передумать, направилась прямо к нему.

— Нужно поговорить, — бескомпромиссно, ледяным тоном произнесла она, поравнявшись с парнем.

Мира жёстко взяла Хозяина леса за запястье и, приложив неожиданную для её хрупкого тела силу, резко развернула его в сторону коридора, увлекая за собой. Купава и Сева успели только настороженно, в полном ступоре переглянуться, когда эти двое стремительно исчезли за углом кухни. Настрой ведьмы на этот раз был весьма серьёзным, лишённым прежней хаотичной паники.

— Они же не подерутся там? — взволнованно спросила Водная дева, зябко кутаясь в холщовую рубаху. — Вещая сказала, они вчера сильно поссорились...

— Надеюсь... — осторожно и глухо выдавил парень, нервно потирая забинтованные пальцы.

Он прекрасно понимал чувства сестры: она определённо была зла на весь мир, на него, на Изнанку. Наверное, именно поэтому она и сбежала сломя голову в дикую чащу. Но брат до сих пор не был в курсе того, что конкретно произошло между ней и Лесем ночью в лесу, и это неведение его дико тревожило. Со стороны он видел только, как сначала девушка кричала на лешего, обвиняя во всех грехах, затем сбежала через форточку, а теперь, через сутки, снова ушла с ним поговорить наедине. Парень был в абсолютном, глухом неведении, что сейчас творится у сестры на уме.

Мира тем временем завела Хозяина леса в первую попавшуюся пустую гостевую комнату и с силой захлопнула за ними дверь.

— Если ты снова собралась обвинять меня... — начал было тот своим привычным, лениво-весёлым тоном, закинув руки в карманы штанов, но девушка резко перебила его на полуслове.

— Пожалуйста... — она сделала тяжёлую, осязаемую паузу, усмиряя гордость и смотря лешему прямо в глаза, неподвижно и честно. — Отпусти меня.

Парень стоял не шелохнувшись пару секунд. Его изумрудные глаза на мгновение расширились от удивления. Он уже успел повидать много её ярких, порывистых эмоций — от ядовитого сарказма до яростных угроз. Но такой вежливой, собранной, тихой и по-настоящему искренней он видел её впервые.

— Надо же... — криво усмехнулся он, чуть наклонив голову набок. — Так ты, оказываешься, знаешь волшебное слово?

— Мне правда нужно вернуться в город, — Мира упрямо проигнорировала его очередные едкие подначивания, удерживая фокус. — Тебе не жалко меня, но хотя бы над матерью моей смилуйся. Если я просто перестану выходить на связь, подруга зайдёт тревогу. Начнутся поиски, полиция, маму инфаркт разобьёт. Я не могу просто так бесследно пропасть со всех радаров. Дай мне время хотя бы подготовиться, закрыть долги по учёбе, предупредить родных.

Лесь внимательно, не перебивая, слушал её быструю, надрывную речь, о чём-то глубоко размышляя. Его лицо вновь подёрнулось маской вековой, лесной проницательности.

— И ты думаешь, я поверю тебе на слово? — мягко, почти беззвучно усмехнулся он, делая полшага вперёд. — Своим вчерашним побегом ты слишком красноречиво обозначила всё, что думаешь о Нави... и о нас.

— Отправишь за мной брата, хоть адовых гончих, если они у тебя есть, — не унималась девушка, делая встречный шаг. — Сам приходи за моей головой, если считаешь, что я сбежала. Но не запирай меня здесь насильно, Лесь. Не делай из меня своего врага.

— Снова угрозы, Вещая?

— Это не угроза... — сделала ведьма ещё один короткий шаг, оказываясь к нему так близко, что чувствовала исходящий от его одежды запах грозового озона и сосновой смолы. — Я прошу тебя. Прошу по-человечески, как великого хозяина этого леса. Смилуйся над моим родом.

Её взгляд сейчас был совершенно не таким, как вчера на кухне или во время их первой стычки. Из него исчезла колючая, защитная спесь. И на долю секунды перед глазами лешего против его воли отчётливо вспыхнули её ночные, заплаканные, испуганные глаза, когда она сидела на ветке ели, вжавшись спиной в кору и мелко дрожа от первобытного страха. Он понял, что эта девочка готова сломаться, но не сдаться. И этот упрямый, чистый человеческий дух требовал совсем иных условий сделки.

Лесной царь смотрел на неё долго, не мигая, словно пытался просветить своим изумрудным взором её душу насквозь. Он отчётливо чувствовал её абсолютную искренность, её глу-

бокую, пульсирующую тревогу, как и то, что она сейчас решительно настроена пойти на эту сделку. Связь девушки с матерью была невероятно сильна — они ведь, по сути, остались совсем одни друг у друга в этом огромном, холодном мире. Парень медленно скрестил руки на груди, глубоко вздохнув и погружаясь в размышления.

— Ладно... — вдруг негромко выдохнул он, и его плечи расслабились. — Но при одном условии.

Мира мгновенно замерла, неосознанно подавшись корпусом вперёд. Неужели у неё действительно получилось уговорить этого упрямца?

— Мы проведём древний обряд зарок, — их взгляды встретились, неподвижно и жёстко. — И тогда ты не сможешь от меня спрятаться, Вещая, даже на краю света. Я найду тебя, где бы ты ни была. Согласна?

— Ч-что ещё за обряд такой? — осторожно поинтересовалась девушка, почувствовав, как по спине снова пробежал мимолётный холодок. Предостерегающие слова Купавы о чуткости соседей всё ещё эхом отзывались в голове.

— Ничего сложного, — лениво усмехнулся Леший, делая полшага навстречу. — Кровь к крови. Ты даёшь мне свою, а взамен — берёшь мою. И беги после этого в город хоть сразу же. Держать больше не стану.

— Не врёшь? — её взгляд мгновенно заискрился, а на лице впервые за все эти адские сутки проступила живая, искренняя радость. Для Миры это была просто фантастическая, ошеломительная новость. Возможность спасти Севу, не бросая свою с таким трудом выгрызенную городскую жизнь, казалась идеальным выходом из тупика.

— Не вру, — мягко, почти ласково улыбнулся он, с каким-то странным заворожённым интересом глядя на то, как она мгновенно повеселела и расцвела. — Ритуал создаст связь между нами. И если ты понадобишься здесь, в заимке, бросаешь всё, незамедлительно приходишь по моему зову и выполняешь свою работу проводника. Без лишних вопросов, истерик и уговоров. В остальное же время — делай всё, что тебе вздумается. Работай, учись...

— Ну и почему ты сразу мне этого не предложил? — возмутилась девушка, но на этот раз без капли злости, не переставая облегчённо улыбаться. — Это же просто идеально! Столько нервов мне потрепал.

— Даже если тебе придётся сбегать с учёбы или работы? — со знакомой ехидной усмешкой поинтересовался Леший, приподняв бровь. — Хорошенько подумай об этом, Вещая. Заключив этот зарок, ты не сможешь от него сбежать или отмахнуться, как от дурного сна. Обратного пути для твоей крови уже не будет.

Его слишком довольное, сытое и насмешливое лицо в секунду напрягло девушку. Улыбка сползла с её губ. Мозг, привыкший искать скрытые смыслы в текстах, мгновенно забил тревогу. Если у него изначально было такое простое решение проблемы, почему он так изощрённо издевался над ней все эти дни, доводя до белого каления? Здесь определённо крылся какой-то жуткий подвох.

— О какой... именно связи ты сейчас говоришь? — искренне насторожилась она, мысленно прокручивая в голове каждое его слово, интонацию и этот изучающий изумрудный взгляд. — Какие конкретно у этой твоей «связи» будут последствия?

— Обоюдоострые, — улыбнулся парень, плавно склонив голову набок. На его губах заиграла хищная, заговорщическая усмешка. Он видел, что она наконец-то начала задавать правильные, взрослые вопросы. — Мы сможем напрямую чувствовать друг друга. На любом расстоянии. И это в твоём обучении магии подсобит, раз моя кровь будет циркулировать внутри тебя.

Мира замерла, чувствуя, как под льняной рубахой по коже вновь разбегаются крупные, колющие мурашки. Подвох во всей этой затее был крайне неприятным. «*Чувствовать его на*

расстоянии?.. — лихорадочно размышляла она, пытаясь удержать ускользающую логику. — *Это как...?»*

— Ну так что? — бесцеремонно перебил её тяжёлые мысли Лесной царь, сделав ленивый шаг в сторону. — Согласна на мои условия или нет? Думай быстрее, Вещая. Сегодня пошёл уже четвёртый день, как ты находишься в заимке. Твоя подруга когда должна была забить тревогу?

Его ехидная, сытая улыбка и эти будничные слова заставили ведьму буквально вздрогнуть от шока. *«Как четвёртый?!»* — судорожно, в панике перебирала она в голове обрывки воспоминаний. — *«Сегодня уже понедельник?!»* Эта внезапная паническая атака в секунду перебила все её прошлые сомнения. В памяти вспыхнул испуганный крик Алины: *«Я твоё фото в розыск отдам!»* Ей жизненно необходимо было срочно связаться с подругой, успокоить маму и любой ценой вернуться в город. На кону стояла её нормальная жизнь.

— Согласна я! — порывисто выпалила она, сжимая кулаки. — Проводи свой этот чёртов обряд, и я сразу же уйду!

— Как скажешь, — тихо, со знакомым шуршанием камыша усмехнулся парень.

Он сделал уверенный шаг к ней навстречу, сокращая расстояние между ними до минимума. Пространство комнаты словно разом сгустилось, пахло озоном и сырой хвоей.

— Не двигайся, — его вкрадчивый, рокошующий шёпот заставил девушку судорожно сглотнуть.

Мира замерла как вкопанная, не сводя с него огромных, расширенных от напряжения глаз. Лесь уверенно взял её за правую руку, бережно, но крепко сжав прохладную ладонь своими длинными пальцами, и поднял руку на уровень своего лица. Появившись буквально из ниоткуда, в его руке возникла длинная острая и тёмная игла старой ели. Парень резким, точным движением проткнул этой иглой подушечку её указательного пальца. Девушка болезненно вздрогнула, но руки не отняла. На бледной коже выступила крупная, яркая капля багряной крови. А в следующую секунду Лесь тем же остриём без тени сомнения полоснул по собственному пальцу. Ведьма внимательно, затаив дыхание, следила за каждым его движением. Из его раны выступила густая, тягучая живица — кровь Чёрного леса. А затем тяжёлая, тёплая ладонь лешего плавно переместилась выше и мягко коснулась её щеки, фиксируя голову. Его изумрудный, полыхающий дикой магией взгляд теперь был намертво прикован к её губам. Плавным, неторопливым движением он провёл своим окровавленным пальцем по её губам, пачкая их своей сущностью.

— Глотай, — послышался его тихий, абсолютно бескомпромиссный, не терпящий возражений голос.

Парень смотрел прямо ей в душу, в самую глубину зрачков, и из-за этого парализующего, гипнотического взгляда Мира физически не могла даже пошевелиться или отвести голову. Он аккуратно, надавив на подбородок, приоткрыл ей рот, внимательно проследив, чтобы лесная кровь беспрепятственно проникла в её тело. На вкус живица оказалась странной — терпкой, горячей, с привкусом дикого мёда и ментолового холода, который мгновенно осел в лёгких. А затем Лесь быстрым движением поднёс раненую руку самой девушки к своему лицу и, прикрыв глаза, слизнул выступающую каплю её ведьмачьей крови с пальца. Он медленно открыл глаза и поднял на неё свой внимательный, потяжелевший взгляд. Эта дикая, первобытная картина запустила новую, сокрушительную волну крупных мурашек по всему телу Мира — от затылка до самых пят. Он стоял непозволительно близко, его дыхание обжигало кожу, а эта звенящая, интимная двусмысленность в мёртвой тишине комнаты свинцовым грузом давила на грудь.

— Теперь мы повязаны, Вещая, — прервал звенящий гул в ушах его вкрадчивый, бархатный голос. — Запомни это чувство.

Его слова заставили девушку сильно вздрогнуть. Внутри неё всё ещё бушевал огонь чужой, дикой магии, смешавшейся с её собственной кровью. Однако волевым усилием, она резко взяла себя в руки и отпрянула назад, решительно высвобождаясь из его горячих рук. Ей

срочно нужно было восстановить свои личные границы, пока эта интимная тишина комнаты окончательно не раздавила её.

— Не очень-то гигиенично, знаешь ли... — недовольно проворчала она, демонстративно рассматривая свой проткнутый палец и изо всей силы прижимая кровоточащую ранку. Сердце колотилось в самые рёбра, но она упрямо держала лицо. — Теперь я могу наконец идти, так?

Её острый, подозрительный взгляд вновь обратился к лешему. Девушка всё ещё мучительно терзалась сомнениями, что этот лесной дух сдержит своё слово и действительно выпустит её из пространственной ловушки заимки.

— Так, — спокойно кивнул он ей, и на его губах снова заиграла привычная, ленивая усмешка. Парень плавно отступил в сторону, освобождая ей путь. — Только на этот раз воспользуйся дверью, а не форточкой.

Массивный дубовый затвор гостевой спальни мягко, беззвучно открылся сам собой, открывая вид на просторный коридор. Его саркастическое, едкое наставление мгновенно привело Миру в чувство, начисто выметая из головы остатки смущения и страха, и она тут же пулей бросилась по коридору к брату.

Сева всё ещё сидел на кухне. Он замер на стуле, словно окаменев, пока на столе по-прежнему копошился лохматый домовой, а рядом тихо качала ногами на стуле Купава. Напряжённая атмосфера в комнате была тяжёлой и липкой, пока ведьма не разбила её в пух и прах, вихрем залетев внутрь. Её бордовые, слегка потускневшие волосы растрепались, а льняная рубаша забавно развевалась на бегу.

— Сивка, у тебя есть какие-нибудь запасные штаны?! — с ходу бросилась она к опешившему парню, едва ли не нависая над ним. — Шевелись, пока этот паразит не передумал!

— В чём дело? — с явной тревогой и испугом спросил он, порывисто вскакивая со стула и косясь на её исцарапанные руки, измазанные зелёной пастой. — Зачем тебе штаны? Что произошло?

— Я возвращаюсь в город! Прямо сейчас! — её громкие, чёткие слова тяжёлым грузом упали в пространство кухни, заставив абсолютно всех присутствующих судорожно подскочить от удивления. Домовой от неожиданности с пискom юркнул под стол, спрятавшись за ножками.

— Он... он тебя отпустил? Да ладно... Как?! — не верил собственным ушам брат, переводя растерянный взгляд с сестры на дверной проём, где вот-вот должен был появиться леший. Он ведь как никто другой знал, насколько жёстко Хозяин леса умеет держать своё слово.

— Это правда? — подошла Купава. Вид у несчастной русалки был искренне расстроенным и печальным. Из её бледных глаз, казалось, вот-вот брызнут слёзы. — Ты действительно уходишь от нас, Вещая?

— Я вернусь, обещаю, — Мира тепло и успокаивающе улыбнулась девочке, давая понять, что не бросает её.

А затем она снова резко развернулась к брату и мёртвой хваткой схватила Севу за воротник.

— Быстрее гони свои штаны! Хочешь, чтобы мою мать инфаркт ударил из-за моей пропажи?! — она с силой, не слушая его возражений, вытолкнула растерянного парня в тёмный коридор по направлению к его комнате, торопя каждую секунду.

Выхватив из рук Севы запасные, безразмерные спортивные штаны и порывисто, путаясь в широких штанинах, натянув их на свои расцарапанные ноги, Мира пулей побежала в свою комнату за остальными вещами. Брат, тяжело дыша и спотыкаясь, неотступно преследовал её по коридору, не веря собственным глазам.

— Я просто поверить во всё это не могу! — засыпал он её вопросами, смотря в стену, пока та переодевалась. — Почему Лесь отпустил тебя? Что ты с ним сделала?

— Я просто умею быть чертовски убедительной, Сивка, — ехидно, со знакомым городским апломбом отозвалась сестра. Она самодовольно встряхнула бордовыми волосами, как только зашнуровала кроссовки.

— Ну правда! — парень порывисто схватил её за плечи, силой разворачивая к себе лицом. Его забинтованные пальцы дрожали. — Ты ему пообещала что-то? Он потребовал плату? Расскажи мне, я же должен знать!

Но девушка его почти не слушала. Паника из-за потерянных четырёх дней гнала её вперёд сильнее любого лесного царя. Она ловко вывернулась из его хватки, перехватила сумку и решительно направилась обратно по коридору к выходу.

— Просто проводи меня! — шипя, толкала она парня в спину, заставляя его шевелить ногами.

Когда они наконец переступили порог и вышли из душной, пугающей заимки на свежий воздух, Мира впервые смогла по-настоящему облегчённо вздохнуть. Деревянные стены за их спинами бесшумно сомкнулись, и домик под мороком снова сжался до размеров крошечной избушки.

— Да расскажи ты! — продолжал недовольно шипеть брат, пока они быстро спускались по узкой лесной тропинке в сторону деревни.

— Раз уж на то пошло, ты ведь тоже можешь спокойно выходить отсюда, — заметила она, подозрительно косясь на идущего рядом Севу. — Ты-то сам что ему пообещал?

— Выполнять обязанности проводника и латать его соседей, что ещё я мог ему пообещать?! — съязвил в ответ парень, раздражённо пиная скользкий камень под ногами. — Давай, не переводи стрелки, выкладывай! Как ты его уломала?

— Мы просто заключили сделку, — отстранённо и сухо объясняла ведьма. Она изо всех сил старалась не вспоминать интимные детали их недавнего ритуала — вкрадчивый шёпот, проколотый палец и то, как Лесь слизывал каплю её крови. — Он отпустил меня в город с условием, что обязательно вернусь.

— Сделку? — Сева от шока даже остановился на тропе и недовольно обернулся к ней. — Какую ещё, к чёрту, сделку, Мира? Ты в своём уме?!

Но девушка, не обращая внимания на его ступор, снова с силой толкнула его в спину, заставляя идти вперёд. Они стремительно шли по узкой, петляющей тропе, и она не собиралась останавливаться ни на секунду, пока под ногами не появится спасительный асфальт.

— Ты вообще понимаешь, что это сделка с древним духом изнанки?! — продолжал испуганно ворчать брат, едва поспевая за её быстрым шагом. — Что бы ты там ему ни наобещала, ты физически не сможешь нарушить условия контракта! Изнанка тебя уничтожит. Ты хорошо подумала своей башкой прежде, чем соглашаться на его условия?

Мира промолчала. Но стоило им наконец выйти из тёмной чащи Чёрного леса и пересечь невидимую черту морока, как экран её телефона внезапно дико мигнул, ожил и заискрился цифровыми полосами. Связь мгновенно восстановилась. С ужасом и замиранием сердца ведьма обнаружила на экране уведомления о тридцати семи пропущенных вызовах и куче гневных сообщений от Алины. Девушка, не теряя ни секунды, дрожащими пальцами тут же набрала номер подруги.

— Алё! Аля, это я! Я жива! Слышишь, жива! — истошно закричала девушка в трубку, перебивая первые же встревоженные вопли на том конце провода и отчаянно пытаясь успокоить подругу. — У меня просто сел телефон, а в этой глуши вообще не было электричества, представляешь? Да, я застряла! Но всё нормально, я уже иду на станцию, еду обратно в город! Ты же... ты же не звонила ещё моей маме? И в полицию заявление не относил, правда?! Ну прости-и-и меня, пожалуйста! Я правда не специально, так получилось!

Сева замер рядом, скрестив руки на груди, и с глубоким, нарастающим подозрением всматривался в лицо сестры. Пока она так непринуждённо болтала по телефону, отчаянно цеп-

ляясь за осколки своей «нормальной» реальности, парень окончательно терялся в догадках. В его голове роились тяжёлые мысли о том, что именно скрывается за этой внезапной сделкой, на которую коварный леший так легко вынудил его сестру. Ведьмак нутром чувствовал подвох, но не знал, как подступиться к правде. Когда она наконец закончила эмоциональный разговор с подругой и со вздохом убрала мобильный, брат решительно шагнул вперёд и развернул девушку к себе за плечи, заставляя смотреть только на него.

— Будь на связи, Мира! — смотря прямо ей в глаза, жёстко начал он непривычным, почти командирским тоном. В его измождённом лице и отросших прядях вдруг проступила та самая вещая, ведьмовская порода. — Слышишь меня? Если хоть что-то пойдёт не так, если что-то случится... или твоё состояние изменится... Сразу же сообщи мне! Пусть ты и сильная, но если тени в городе начнут свою охоту — не молчи, не вздумай строить из себя героиню. Сразу возвращайся в заимку. Здесь, на территории Лешего, они тебя не тронут.

Парень искренне, до боли в груди переживал за сестру. Пусть долгие пять лет глухой разлуки и развели их по разным планетам, породив тонны недопонимания и взаимных обид, но сейчас, в эту самую минуту, они были как никогда близки. Общая, пугающая и великая тайна их рода вновь сплотила некогда потерянных «сиамских близнецов». Теперь между ними больше не было никаких объективных причин не доверять друг другу. Они снова были одной крови.

— Чтобы, когда я вернусь, ты уже умел стены двигать! — хлопнула она весело брата по плечу, лихо ломая его трагический настрой и возвращая их отношениям привычную, тёплую атмосферу детского соперничества.

Девушка коротко, крепко обняла его на прощание, в последний раз вдохнув родной запах, и быстро запрыгнула на подножку подошедшей к полустанку электрички. Двери со скрежетом захлопнулись.

Привычный, ритмичный шум колёс поезда постепенно возвращал её к обычной, понятной и безопасной жизни, пока густой Чёрный лес за окном медленно удалялся и редел, уступая место автомобильным трассам, дачным посёлкам и глянцевым контурам далёкого мегаполиса. Мира откинулась на жёсткое сиденье электрички, и взгляд её сам собой упал на ладони, зацепившись за едва заметную, крохотную ранку на указательном пальце правой руки. Фантомная, покалывающая боль от острой еловой иглы всё ещё отчётливо пульсировала на самом кончике, упрямо напоминая о том, что ни заимка, ни русалка, ни этот проклятый леший не были сном. А значит... значит, и ночные кошмары тоже были реальны.

Ведьмачье чутьё, дремавшее в ней годами, теперь глухо ворочалось под кожей, подсказывая: если её силы станут ярче, морок истончится, и обитатели изнанки это обязательно заметят. Смутные, удушливые воспоминания из далёкого детства, когда она маленькой девочкой в ужасе забивалась в угол комнаты, прячась от шорохов, накрыли её с головой. Девушка судорожно сглотнула, чувствуя, как во рту пересохло. Неужели ей снова придётся пережить тот запредельный ужас? Всё это время, пока она отчаянно закрывалась от Нави и забивала голову конспектами, стараясь жить обычной человеческой жизнью, Кошмар изредка наведывался к ней. Он приходил, когда чувствовал, что её ментальная броня от усталости или стресса начинает рассыпаться.

«Он снова придёт за мной?» — Мира ошутимо вздрогнула, вспомнив их последнюю ночную встречу. Они знали друг друга с этим существом уже очень давно. Настолько давно, что ведьма сейчас даже не могла точно вспомнить, в каком возрасте всё это началось. Просто со временем, взрослея, она научилась защищаться: вместо того чтобы бессильно плакать и звать маму, девушка стала искусно сбегать от него. Она научилась прыгать в другие измерения сновидений или вообще выталкивать себя из сна, мгновенно просыпаясь в холодном поту.

Размышляя об этом под мерный стук вагонных колёс, вещая пыталась понять: кем был этот её извечный преследователь? И почему с таким упорством преследует её все эти годы?

«Может, он посланник Макоши? — вспоминала она слова лешего, устало прикрыв глаза. — Кто там, он говорил, у неё в вечных подручных ходит? Доля и Недоля?..» В мыслях против её воли вновь отчётливо возник образ Хозяина леса. Этот дикий ритуал, его горячее дыхание и немигающий изумрудный взгляд сейчас просто не выходили у неё из головы. «Ты хорошо подумала прежде, чем соглашаться на его условия?» — испуганные слова брата набатом стучали в её голове, перекрывая гул поезда.

— А какие, собственно, были условия? — негромко, едва шевеля губами, размышляла девушка, скрупулёзно восстанавливая в памяти каждую секунду их разговора. — Что я беспрекословно вернусь, если он позовёт... Хорошо. А как именно он меня позовёт? Как я узнаю?

Вопросы об их новой, таинственной связи множились с каждым километром, приближающим её к городу, но ответов Изнанка пока не давала.

Когда Мира наконец вышла из душного вагона на перрон городского вокзала, Алина, караулившая её у турникетов, пулей бросилась к ней на шею. На её глазах буквально блеснули слёзы испуга и облегчения.

— Мерзавка! — кричала она в сердцах, изо всей силы колотя подругу кулачками, а затем снова крепко прижимая к себе. — Ты вообще представляешь, как я испугалась?! Что это за бред с отсутствием электричества в двадцать первом веке?! Я чуть разрыв сердца не получила!

— Да нет, правда... — мягко пыталась успокоить её ведьма, поглаживая подругу по спине и чувствуя, как привычный, понятный мир мегаполиса принимает её обратно. — Там действительно такая глухомань... Сеть вообще не ловит, глушилка полная. Я сама в шоке.

— Это ещё что за шаровары на тебе? — отпрянув и окинув девушку недоуменным взглядом с ног до головы, подозрительно спросила та.

Безразмерные, застиранные спортивные штаны Севы, собранные на талии узлом, висели на её фигуре мешком.

— Экстренная необходимость, — неловко усмехнулась та, а затем поспешно перевела тему, подхватив подругу под руку и увлекая к выходу в метро. — Давай, рассказывай лучше, пока меня не было, в универе или в ресторане ничего критичного не произошло? Управляющий не бушевал?

— Да как будто меня могло волновать что-то ещё, кроме твоих поисков! — продолжала ворчать блондинка, пока они спускались на эскалаторе. — Я места себе не находила.

Однако настоящие проблемы начались, когда они наконец приехали домой. Стоило им переступить порог съёмной однушки, как Мира отправилась в комнату, чтобы наконец-то переодеться в свои нормальные вещи. Она стянула широкие штаны брата и майку, но в этот момент Лина без стука заглянула, чтобы спросить что-то, но замерла на пороге. Взгляд подруги наткнулся на её ноги и руки.

— Это что ещё за хрень?! — искренне возмутилась и испугалась она, указывая пальцем на её тело.

Все её бедра с внутренней стороны и предплечья были покрыты сетью багровых, едва затянувшихся царапин и ссадин, которые Купава только утром мазала пахучей мазью лешего.

— Да с дерева я упала, — попыталась непринуждённо усмехнуться ведьма, натягивая чистые домашние шорты.

— С какого, к чёрту, дерева?! — не унималась Алина. В её глазах вспыхнул нешуточный страх. Она стремительно подошла к ней вплотную, крепко вцепившись пальцами в её плечи, и заглянула в лицо. — Признавайся. Твой этот странный брат... он что-то сделал с тобой? Он тебя бил? Он вообще брат тебе, ты же мне не соврала?

— Да никому я не врала, успокойся, — искренне рассмеялась Мира, хотя внутри у неё всё сжалось от необходимости так нагло лгать единственному близкому человеку в городе. — Самую настоящую правду тебе говорю. На ель залезла. Огромную такую, старую ель...

— Нашиша?! — подруга смотрела на неё абсолютно ошарашенно, как на умалишённую. — Ты в своем ума, Яковлева?

— Просто... Молодость решила вспомнить, — отстранённо отвела она взгляд в сторону окна, за которым шумел проспект. — Мы в детстве с Сивкой постоянно так делали, соревновались, кто выше заберётся. Ностальгия в голову ударила, вот и не рассчитала силы.

Отговорка была откровенно слабой, шитой белыми нитками, но подруга, уставшая от дикого стресса, наконец сдалась. Она понимала, что не сможет сейчас вытянуть из упрямой девушки ни одного толкового, логичного слова, поэтому просто со вздохом приняла всё на веру. Разумеется, Мира не собиралась посвящать её в пугающие, безумные тайны своей семьи. Ей нужно было защитить Алину от Нави.

Стоило ведьме коснуться подушки головой, как усталость мгновенно взяла своё, и она провалилась в глубокий, вязкий сон. Однако привычной темноты или хаотичных городских видений не последовало. Пространство перед глазами соткалось за считанные секунды, и девушка вновь увидела до боли знакомую картину: дряхлая, поросшая зелёным мхом заимка посреди глухой поляны Чёрного леса. Солнечный свет мягко и ласково обволакивал бревенчатые стены, создавая удивительно уютную, мирную картинку, залитую золотом.

— Не-е-е, — недовольно шмыгнула носом ведьма, дёрнув плечами, и резко развернулась спиной к избушке. — Я ещё точно не успела по тебе соскучиться.

Она привычно вскинула руки, собираясь по привычке просто переписать сюжет сновидения и переместиться куда-нибудь в другое, более интересное место. Но стоило ей сделать ментальный рывок, как в этот же самый момент её кто-то сзади с силой и железной хваткой дёрнул за воротник домашней футболки. Девушка, не шутя испугавшись от такой осязаемости происходящего, резко обернулась, едва не потеряв равновесие. Перед ней во весь рост стоял Лесь. Его изумрудные глаза в лучах полуденного солнца отливали жидким стеклом.

— И куда это ты собралась, Вещая? — спросил он, насмешливо усмехнувшись и не выпуская ткань её одежды из пальцев.

— Боже, он и во сне меня теперь донимать будет?! — совершенно не следя за тем, что именно говорит вслух, раздражённо брякнула Мира. Её праведный гнев мгновенно перевесил секундный страх. — Отвянь, лохматый! Брысь из моей головы!

— Вот, значит, какого ты обо мне мнения? — ехидно усмехнулся парень, а затем, сократив расстояние, лёгким, но ощутимым щелчком пальцев поставил ей короткий щелбан прямо по лбу.

Кожа мгновенно засадила, заставив ту потереть ушибленное место. Физическая боль во сне была пугающе реальной.

— Это не обычный сон, дурында, — спокойно пояснил Лесь, положив руки в карманы широких холщовых штанов. — Вернее, это Окол Нави. Самое настоящее Пограничье. Пространство, сотканное Велесовой печатью. И я здесь — самый что ни на есть настоящий. Пока ты там, в Яви, разбираешься со своими бумажками и делами, мы будем каждую ночь тренировать твой дар здесь. До тех пор, пока ты окончательно не вернёшься в заимку, как обещала.

— Чего?! — буквально рывкнула ведьма, до конца не веря своим ушам и тому, как изощрённо её перехитрили. — Бреешь!

— Нисколько, — ласково и сыто улыбнулся лесной дух, откровенно наслаждаясь её бурной реакцией. — Я уже говорил, что тебе нужна практика. А как ты, интересно, собралась её заполучить, находясь постоянно в своём бетонном городе? Ты думаешь, я в здравом уме допущу тебя до тяжелораненых суседей, когда ты даже плетение элементарной жизненной силы контролировать наяву не умеешь? Ты просто убьёшь кого-нибудь своей нестабильной крადой.

— Этого не было в условиях нашей сделки! — до белого каления возмущалась Мира, сжимая кулаки. — Ты обещал, что в остальное время я могу делать всё, что захочу! Ты что,

предлагаешь мне батрачить и днём, и ночью без продыху?! Когда, по-твоему, я вообще должна нормально отдыхать?!

— Либо учись здесь, пока твоё тело спит, либо пакуй чемоданы и возвращайся в Чёрный лес насовсем, — безмятежно и спокойно ответил Леший, с неподдельным интересом наблюдая за её злым, полыхающим лицом. — Решай, Вещая. Время пошло.

Девушка тяжело и прерывисто дышала, остро понимая, что этот лесной паразит снова мастерски, без единого лишнего усилия загнал её в безупречный логический тупик. Аргументов против его правил у неё просто не оставалось.

— Ну ладно! — запальчиво брякнула она, в сердцах всплеснув руками. — Чему там у тебя вообще учиться? Выкладывай уже свои задания!

Мысль о немедленном, принудительном возвращении в Чёрный лес совершенно ей не нравилась. Но если рассуждать здраво, в мире снов Мире всегда было гораздо привычнее колдовать. С самого детства, проваливаясь в осознанные сновидения, она умела летать, прятаться от теней и интуитивно управлять пространством. Здесь, на изнанке, её зажатый городскими рамками разум наконец-то расслаблялся, и чувствовала она себя в Пограничье гораздо спокойнее, чем наяву.

— Что ещё за Окол такой? — спросила она уже непринуждённо, пытаясь вернуть диалог в русло привычной университетской филологической лекции и унять внутреннюю дрожь.

— Околица, — спокойно, без тени прежней издёвки начал объяснять Леший, делая медленный шаг и подходя к ней почти вплотную. — Дословно это означает границу, черту, забор или перекрёсток путей. То, что вы, смертные, привыкли беспечно называть обычным сном, по сути своей является малой смертью. В этот миг душа временно покидает плотное человеческое тело. Окол Нави — это преддверие, пограничный покой потустороннего мира. Сюда не могут зайти обычные мертвецы, но здесь морок людей и морок духов пересекаются, позволяя нам говорить лицом к лицу.

— И как же выглядит это ваше Нави на самом деле? — размышляла ведьма с неподдельным, искренним любопытством, заглядывая в его изумрудные глаза. — У неё есть какое-то конкретное географическое место? Очертания? Духи там, внутри, выглядят как осязаемые образы, как Купава или домовой, или они просто кружат безликой дикой энергией?

Лесь тихо, с мягким рокотом вздохнул, и его взгляд на секунду устремился куда-то поверх её головы, сквозь золотистый свет залитой солнцем поляны.

— Навь — это зеркало, Мира, — вкрадчиво, обволакивающим шёпотом произнёс он, и воздух вокруг них снова стал плотным, пахнущим озоном и столетней сосновой корой. — У неё нет постоянных стен. Она принимает ту форму, которую способно выдержать твоё сознание. Для обычного человека Навь — это беспросветная тьма и удушливый кошмар. Для Купавы — это хрустальные прохладные чертоги на дне реки. Для меня — бесконечная, первозданная тайга, где не ступала нога человека. Суседи сотканы из чистой магии природы, они — эхо этой земли. Под мороком в Яви они принимают понятные людям обличья, но в самой Нави они могут быть и шёпотом ветра, и вихрем листьев, и огромными плотными существами. Но сейчас тебе рано думать о глубинах Нави, Вещая. Тебе нужно научиться управлять тем огнём, что горит в твоём собственном Околе.

— Это я умею, — дерзко отозвалась девушка, заставляя лешего удивлённо развернуться к ней лицом.

Прямо в её раскрытой ладони, весело потрескивая, горел маленький, аккуратный багровый костёр. Его языки пламени не обжигали кожу, а послушно ластились к пальцам, окрашивая призрачную траву Пограничья в тёплые тона.

— Какой именно огонь тебе нужен? — Мира хищно усмехнулась, запуская огонёк щелчком пальцев прямо в воздух.

Маленькое пламя послушно прочертило идеальный искрящийся круг над её головой. А в следующую секунду, не теряя ни мгновения, ведьма с тихим хлопком переместилась в другое измерение, тихо хихикая от собственного триумфа. Годы тренировок в осознанных сновидениях и постоянные побег от Кошмара не прошли даром — в мире грёз она ориентировалась как рыба в воде.

— Салага, — самодовольно усмехнулась она, выныривая посреди безмятежного, залитого солнцем речного берега.

Но слово застряло у неё в горле, а улыбка мгновенно сползла с лица. Ведьма осеклась на полуслове, когда Лесь с абсолютным, издевательским спокойствием материализовался прямо перед ней, словно никуда и не исчезал. Он стоял на тёплом песке, закинув руки в карманы, и его чернявые волосы легонько колыхал речной бриз. *«Вот же чёрт...»* — яростно выругалась она уже про себя, глядя, как тот медленно, неторопливо подходит к ней почти вплотную.

— Неплохо, — искренне усмехнулся парень, качнув головой. В его изумрудных глазах промелькнуло мимолётное уважение к её прыти. — Даже можно сказать, что я впечатлён. Пространственная магия снов даётся тебе на удивление легко. Но, кажется, ты забыла моё самое главное предостережение...

Он сделал многозначительную паузу, заглядывая ей глубоко в глаза и лишая возможности сделать очередной ментальный прыжок.

— Я найду тебя, где бы ты ни была, — его голос на миг стал пугающе вкрадчивым, обволакивающим, заставляя девушку недовольно и обиженно поджать губы.

Контур Велесова зарока, заключённый в заимке на крови и соке, работал безупречно. Её крада была прочно вплетена в его лесной узор. Мира с глухой злостью осознала: ей действительно больше не скрыться от этого невыносимого Лесного царя. Ни в Яви, ни в Нави, ни в самом потаённом уголке собственного уставшего разума. Лесь плавным движением руки рассёк воздух, и ландшафт вокруг них снова начал стремительно меняться. Речной берег стал осыпаться сухими листьями, а под ногами ведьмы проступили корни старого клёна. Окол Нави требовал продолжения их первого урока, и Хозяин леса не собирался делать скидок на её строптивый характер.

— Похоже, ты достаточно тренировалась, раз с такой лёгкостью выкидываешь подобные фокусы, — задумчиво размышлял Леший, неторопливо прохаживаясь рядом. — Твои прыжки между слоями сновидений отточены до автоматизма. Однако в Яви ты ведёшь себя трусливо и отстранённо. Ты ведь даже найти меня не могла в заимке, хотя я был всего в паре комнат от тебя. Почему?

— Потому что существует чёткая грань между сном и реальностью, — сухо, с нажимом ответила девушка, упрямо скрестив руки на груди и всем видом демонстрируя готовность защищать свои убеждения. — Обычные люди не могут колдовать в реальной жизни. А во сне — да, наше подсознание ничем не ограничено. Это просто психология.

— К тебе это не относится, Вещая, — мягко, но с пугающей бескомпромиссностью перебил её парень. — Обычные люди действительно заперты в своих коконах. Они не могут физически чувствовать и уж тем более осознанно управлять энергией изнанки, пока находятся в плотном земном теле. Для них оно является условной, безопасной границей, определяющей, куда им можно идти, что им позволено видеть, а чего делать категорически нельзя. Морок бережёт их хрупкий разум. Ты же — исключение из всех правил природы. И была им с самого своего рождения. Вот только ты силой заставила свой собственный мозг поверить в то, что ты точно такая же серая и слепая, как и все остальные вокруг. Ты сама возвела эту стену.

Он сделал короткую паузу, медленно, с ног до головы осматривая девушку пронизательным изумрудным взглядом.

— Будем это исправлять, — ровно резюмировал он.

Его спокойный, почти добродушный вид, размеренный тон учителя и эта странная, тихая забота сейчас совершенно не укладывались в голове ведьмы с тем, как жёстко и безжалостно он угрожал ей в заимке ещё пару дней назад, забирая её тело в заложники. Мира недовольно фыркнула, поймав себя на этой предательской, неуместной мысли, и поспешно замуровала зарождающееся тепло поглубже в подсознание. *«Он — древний лесной дух, — упрямо, как мантру, принялась она мысленно повторять про себя, крепче сжимая кулаки. — Властительный, безжалостный, хитрый и бесконечно чужой...»* Она осознанно, изо всех сил выставляла между ними жёсткую психологическую дистанцию, чтобы помнить об этом каждую секунду их вынужденного контакта. Девушка понимала: у этого существа есть свои глобальные причины, вековые амбиции и дикие лесные желания, которые навряд ли совпадут с её человеческими планами хотя бы раз в жизни. Его нельзя было недооценивать, как нельзя было и слепо верить его вкрадчивым речам. Зарок крови связывал их, но союзниками они пока не были.

— Это всё из-за Кошмара, — тихо, отстранённо начала она, глядя на то, как узорные тени от ветвей деревьев лениво скользят по траве. — Он выглядит как плотная дымка с красными глазами. Сколько себя помню, он постоянно навевался в мои сны. Каждая ночь превращалась в пытку. Я была вынуждена бежать от него без оглядки, наощупь искать любые потайные лазейки во снах, чтобы просто спрятаться и выжить. Так я и училась перемещаться между слоями, оттачивала свои фокусы из чистой необходимости.

Леший слушал её, буквально затаив дыхание. На его обычно ехидном и расслабленном лице не осталось и следа привычной спеси. Теперь пазл в его голове окончательно сложился. Он наконец понял, почему эта сильная, колючая и не знающая страха наяву девушка так дико, до умопомрачения испугалась ночью в Чёрном лесу, когда осталась одна. Беспомощный, хрупкий образ дрожащей Миры, забившейся на ветке ели, вновь яркой и болезненной вспышкой всплыл в его памяти.

— Я понятия не имею, кто он такой и почему с таким упрямством преследует меня все эти годы, — ведьма подняла на Леся серьёзный, немигающий взгляд. — У тебя есть соображения на этот счёт?

— А ты сама не пробовала его об этом спросить? — задумчиво и совершенно серьёзно предложил парень.

Девушка от неожиданности и абсурдности этого совета ошарашенно, нервно приснула со смеху.

— По... Поговорить?! — выдохнула она, разочарованно качая головой. — Знаешь, когда на тебя в узком коридоре на полной скорости мчится разъярённая бензопила с явным намерением расчленить, последнее, о чём ты думаешь в этот момент — это о конструктивном диалоге с ней.

Её привычная, едкая язвительность и обострившаяся осторожность говорили сами за себя — ведьма до смерти боялась этой сущности и не собиралась подпускать её близко.

— Может, он просто какой-то дух из твоего далёкого детства? — спокойно спросил Леший, полностью проигнорировав её бурную защитную реакцию. — Дикие духи изнанки очень сильно привязываются к тем редким обитателям Яви, которые способны их видеть и чувствовать. Для них вы как маяки в темноте. Если ты случайно или намеренно обидела его в прошлом, нарушила его территорию или забрала что-то, он вполне может годами хотеть отомстить тебе.

Слова парня заставили Миру глубоко, мучительно задуматься. В голове навязчивым, леденящим эхом вновь пронёсся яростный, могильный крик монстра из её недавнего кошмара: *«Ты забыла меня, ведьма?»* В этом чудовищном голосе действительно сквозила не просто слепая жажда убийства, а какая-то застарелая, личная и глубокая обида отступничества.

— И как мне теперь это выяснить? — спросила она осторожно, неосознанно делая полшага ближе к Лесному царю, словно ища у него защиты от собственных мыслей. — Он... он может убить меня, пока я нахожусь здесь, в Пограничье?

— Всё зависит исключительно от того, что это за дух и какова его истинная природа, — ответил Лесь, тщательно подбирая слова, чтобы не напугать её ещё сильнее, но и не обнадеживая ложной безопасностью. — Если он преследует тебя только тогда, когда ты спишь, и ни разу не проявился в Яви, вполне возможно, что он не такой сильный и не может напрямую влиять на плотный физический мир живых. Но здесь, в Пограничье, если ты потеряешь контроль над своей крадой и поддашься панике, он может сильно покалечить твою душу. А раны на душе в Яви превращаются в болезни разума.

Мира похолодела. Значит, её извечный враг всё-таки имел над ней власть. И пока она пыталась построить свою идеальную городскую жизнь, Кошмар терпеливо выжидал момента, когда она совершит ошибку или расслабится.

Утром и в университете девушка вела себя весьма отстранённо. Она механически перелистывала страницы тетради, но все её мысли были намертво заняты ночным разговором с Лесем и её извечным врагом. Осознание того, что теперь не будет ей покоя ни во сне, ни наяву, давило на сознание свинцовым грузом. Мост Окола Нави, который она закрепила зарокотом крови, сделал её Пограничье общим пространством, и невидимые фильтры морока больше не защищали её разум так надёжно, как раньше.

— Ты в порядке? — тихо спросила Алина шёпотом и осторожно толкнула её локтем в бок, заметив, что подруга уже несколько минут просто сидит неподвижно, перестав писать за монотонно бубнящим лектором.

— Да, просто голова какая-то ватная, — виновато, одними уголками губ улыбнулась она, потирая переносицу. — Плохо спала сегодня. Кошмары дурацкие снились.

— Тебе ещё на смену в ресторан сегодня, ты же помнишь? — с явной тревогой в голосе затарахтела девушка. — Справишься вообще? Точно не заболела после своей поездки в эту глушь? Выглядишь бледной.

— Нормально всё, не парься, — отмахнулась Мира, заставляя себя выпрямить спину и вернуть лицу сосредоточенное выражение.

Она изо всех сил старалась держать себя в руках, не позволяя панике прорваться наружу. *«Нельзя дать Кошмару завладеть ещё и моими дневными мыслями, — решительно кивнула она сама себе, делая глубокий вдох. — Я сильнее него».* Учитывая тот факт, что теперь она была вынуждена проводить каждую свою ночь вместе с Лесем, обучаясь ведьмачьему ремеслу, днём девушка обязана была быть максимально собранной, эффективной и трезвой. Раз уж она так яростно уверяла Хозяина леса, что со всем справится сама и не бросит город, отступить теперь было нельзя. Эта выстраданная свобода далась ей слишком нелегко — она до сих пор фантомно отдавалась ноющей болью в исцарапанных руках и коленях, напоминая о цене её упрямства.

Сразу после окончания пар пути подруг разошлись: ведьма стремительно отправилась на свою подработку в ресторан, а уставшая Алина поехала отсыпаться домой. В заведении всё шло своим привычным, накатанным чередом. Администратор на входе, как обычно, что-то недовольно и нудно бубнил себе под нос, проверяя графики; повара в белых колпаках громко, со звоном перекрикивались на раздаче кухни, а сытые гости мерно шумели в глубине зала под негромкую музыку. К счастью для Миры, сегодня в ресторане было относительно спокойно — не было безумных банкетов или капризных вип-клиентов. Эта монотонная, тяжёлая физическая работа на удивление здорово помогала ей сосредоточиться на конкретных, осязаемых целях: принести заказ, убрать столик, посчитать сдачу. Рутинная Яви служила отличным громо-

отводом, надёжно отгоняя прочь любые мистические, тревожные мысли о Макоши, лешем и затаившейся в углах Нави. Пока смена плавно близилась к вечеру, девушка даже начала верить, что ей удастся удержать этот шаткий баланс между двумя мирами.

Когда смена наконец подошла к концу и в зале ресторана погасили основной свет, Мира устало стянула форменный фартук и направилась к служебному выходу. На пороге её окликнул Макс, официант со второй смены.

— Эй, Яковлева, у тебя всё в порядке? — спросил парень, быстро нагоняя её в пустынном переулке у чёрного входа. — Мне показалось, ты какая-то чересчур тихая сегодня... На себя не похожа.

— Просто устала немного, — выдавила она привычную, профессионально-вежливую улыбку, кутаясь в свою ветровку.

— Тяжёлые выходные выдались? — он по-дружески пошёл рядом, закинув рюкзак на одно плечо. — Лина сказала, ты приболела, с кровати встать не могла.

— Редко, но, блин, бывает, — виновато отмахнулась она, изо всех сил поддерживая иллюзию нормальности этого обыденного разговора. Ей до сих пор было дико стыдно врать коллегам. — Крупно повезло, что она согласилась меня подменить. Менеджер мне сегодня из-за этих смен и так все мозги проел.

— Отсыпается небось теперь? — усмехнулся парень, перепрыгивая через лужу.

— Конечно, она это заслужила на сто процентов. Теперь моя очередь — я за неё все оставшиеся отработки возьму, буду пахать без выходных.

— Только вы обе смотрите не свалитесь тут от истощения, — мягко и заботливо отозвался напарник. — Иначе наш ресторан точно взлетит на воздух от истошных криков Страшилы.

Мира искренне, звонко рассмеялась, на секунду забывая обо всех лесных кошмарах. «Страшилой» они в своём узком кругу официантов ласково называли параноидальную начальницу, которая штрафовала за каждую пылинку на стойке. Макс неторопливо проводил девушку до самого подъезда её дома. Это было чертовски мило с его стороны, хоть, объективно говоря, и не обязательно. Сам парень жил всего в паре кварталов отсюда, но упрямо заверял, что делает этот крюк исключительно для того, чтобы ему самому было спокойнее на душе. Хоть девчонки и снимали жильё относительно недалеко от ресторана, всё же ночные, залитые неонам улицы города никогда не были абсолютно безопасными для одиноких девушек.

Когда они тепло распрощались у запертой двери и ведьма наконец зашла в тускло освещённый подъезд, неожиданный, бархатный голос настиг её из абсолютной тишины, заставив крупно, судорожно вздрогнуть всем телом.

— *Надо же, какой галантный,* — ехидно и пугающе отчётливо отозвался Леший над самым её ухом.

Девушка от неожиданности аж отскочила к стене подъезда, испуганно осматриваясь по сторонам и едва не выронив сумку. Вокруг не было ни души — только облупившаяся краска на стенах и грязный кафель. Она искренне, до последнего надеялась, что ей просто показалось от дикой усталости.

— *Часто вы с ним так по ночам гуляете?* — вкрадчиво поинтересовался невидимый собеседник.

— Какого хрена?! — яростно зашипела Мира сквозь зубы, пугливо прижимая ладонь к уху и окончательно понимая, что этот рокошущий голос звучит прямо внутри её собственного сознания. — Издеваешься надо мной?! Ты что вообще делаешь?!

Она уже знала этот голос слишком хорошо, чтобы спутать его с чужим.

— *Мне просто было любопытно понаблюдать за твоей человеческой жизнью,* — совершенно спокойно и обыденно объяснил Лесь. — *Но ты меня за весь вечер даже не заметила. Я глубоко оскорблён.*

— И... и давно ты за мной шпионишь?! — продолжала она отчаянно шептать в пустоту, с опаской поглядывая на тёмные лестничные пролёты верхних этажей.

— *Ну, какое-то время,* — отстранённо и лениво ответил парень, но ведьма отчётливо услышала в его интонации торжествующую, сытую издёвку.

— Как ты это вообще делаешь, чёрт?! — не унималась она, чувствуя, как паника сменяется злостью. — Ты что, типа невидимый дух? Рядом со мной тут облачком летаешь?

— *Зачем мне летать? Я смотрю на этот мир твоими собственными глазами,* — тихо усмехнулся Лесной царь, и в её голове фантомно вспыхнул его изумрудный взгляд. — *Велесов зарок, Мира. Наша кровь едина. Ты тоже со временем научишься смотреть на чащу моими глазами...*

— Это же наглое читерство! — искренне возмутилась она, топая ногой по полу. — Слышишь? Нельзя просто так брать и подсматривать за чужой личной жизнью! Это незаконно!

Она вдруг осеклась на полуслове, и её лицо мгновенно, до самых ушей покраснелось от страшной, пикантной догадки.

— А если бы я... если бы я сейчас мыться пошла?! Или переодеваться?! Ты вообще в своём уме, паразит?! Это уже ни в какие ворота не лезет! Извращенец лесной! И ведь даже не предупредил меня, скотина!

На её яростный, громкий крик, эхом разнёсшийся по подъезду, со скрипом неожиданно выглянула бдительная соседка со второго этажа. Увидев замершую на площадке девушку, женщина подозрительно прищурилась. Мира мгновенно виновато улыбнулась, быстро заткнула пальцем левое ухо и сделала вид, что увлечённо общается по сотовому, громко заговорив в пустоту: «Да-да, мам, я уже зашла в подъезд, всё нормально, отключаюсь!». Как только дверь соседки захлопнулась, ухо ведьмы обжёг чистый, горячий смех лешего.

— Веселишься там? — яростно шипела она сквозь зубы, преодолевая ступени лестничного марша и изо всех сил стараясь не сорваться на крик. — Короче так: чтобы больше даже не вздумал без спроса подглядывать, понятно? Иначе я вернусь и точно тебе твои изумрудные глазёнки выколю. Всё, отключайся давай!

— *Сама отключайся,* — лениво и сыто усмехнулся он прямо в её черепной коробке. — *Считай, это мотивацией поскорее научиться управлять хотя бы собственной энергетической оболочкой. Если бы ты была сегодня чуть более внимательна к себе, а не заикливалась на ресторанных тарелках, то почувствовала бы моё присутствие в своём контуре. Ты сейчас как глупый ребёнок, который потерялся в огромном парке аттракционов и не понимает, куда нажимать.*

— И нужно обязательно при этом поиздеваться? — раздражённо шикнула девушка, наконец поднимаясь на свой этаж и судорожно нащупывая в сумке ключи от квартиры. — Изверг допотопный!

Она злобно, с силой провернула ключ в замке, распахивая дверь съёмной однушки. Больше Лесь ничего не ответил, его присутствие угасло, но навязчивое, липкое чувство, что теперь абсолютно все её личные, интимные границы безжалостно нарушены, не оставляло ни на секунду. Дикая, параноидальная неловкость преследовала Миру на каждом шагу. Было некомфортно даже просто сходить в туалет — казалось, что Хозяин леса до сих пор может сидеть в первом ряду её зрительного зала. Девушка совершенно не понимала, смотрит ли за ней леший прямо сейчас или действительно отключился. «*Вот увидишь,* — гневно, до хруста пластика щётки чистила она зубы в ванной, свирепо глядя на своё отражение в зеркале. — *Когда я научусь контролировать этот чёртов зарок, ты горько пожалеешь, что дразнил меня все эти дни. Моя месть будет изощрённой и жестокой.*»

Едва её измотанная голова коснулась прохладной подушки, как сознание привычно рухнуло вниз. Но стоило ведьме открыть глаза во сне, как перед ней на залитой солнцем поляне

вновь соткался Лесь с неизменной ехидной улыбкой на губах. Девушка, не раздумывая ни единой доли секунды, поддавшись накопленной за вечер злости, принялась яростно бросаться в него всем, что только попадалось под руку. В ход пошли старые глиняные крынки, лежавшие у крыльца заимки, сухие поленья и тяжёлые шишки. Парень, громко, раскатисто хохоча, ловко уворачивался от её снарядов, делая изящные шаги в стороны. Его до глубины души забавляли её искреннее человеческое возмущение и девичье смущение. Она была живой, буйной и настоящей. Но правила игры резко изменились. На пике гнева крада в жилах Миры вспыхнула, и в ход пошли уже сами лесные растения. Прямо под ногами лесного вековые корни старого клёна вдруг яростно заплясали, взметнулись вверх живыми змеями и намертво сковали его лодыжки, прижимая Хозяина тайги к земле. Лесь мгновенно перестал смеяться. Парень замер, запутавшись в собственной стихии, и медленно перевёл на тяжело дышащую ведьму ошеломлённый, но невероятно воодушевлённый, торжествующий взгляд. Полностью перестав сопротивляться, он внимательно, до мельчайших чёрточек рассматривал раскрасневшееся, тяжело дышащее лицо девушки. Хватка корней на его лодыжках была крепкой, но тот даже не пытался её разорвать.

— А вот это уже интересно, — мягко, примирительно улыбнулся он ей, и в его изумрудных глазах впервые за всё время их знакомства появилось неподдельное уважение. — И давно ты умеешь управлять силами природы?

— Иногда получается, — подошла она ближе, запыхавшись от резкого выброса энергии и мгновенно переходя на серьёзный, деловой тон. Девушка скрестила руки на груди, глядя на него сверху вниз. — А что?

— Что ещё ты умеешь, Вещая? — с искренним, почти мальчишеским любопытством спросил он, проигнорировав её колкость. — Из того, что я уже успел увидеть за эти дни, у тебя открывается достаточно много отраслей влияния. Ты плетёшь нити жизни, управляешь стихиями... Неужели вся эта мощь действительно намертво блокируется твоим прагматичным разумом, стоит тебе только вернуться в своё физическое тело в Яви?

— Я прямо-таки не понимаю по твоей интонации, — ехидно отозвалась ведьма, хотя внутри у неё всё сладко затрепетало от его похвалы. — Ты сейчас разочарован или всё-таки глубоко впечатлён? Уже жалеешь о том, что так нагло издевался надо мной?

Парень тихо усмехнулся, покачав головой.

— Честно? Я думал, что мне придётся нянчиться с тобой и учить всему с самых глухих азов, как маленькую. Но я и впрямь глубоко впечатлён. Ты оказалась гораздо более талантливой и сильной, чем я смел надеяться.

По его изменившемуся тону, ставшему бархатным и мягким, и по открытому взгляду Мире показалось, что он искренне сейчас говорит. На его лице не было ни капли привычной едкой маскировки. Это было настолько непривычно и ново, что девушке даже на секунду стало дико неловко. Она уже привыкла воспринимать абсолютно все его слова в саркастической, враждебной окраске, ожидая подвоха, но сейчас он просто мягко, тепло улыбался ей, озаряя Окол Нави каким-то внутренним светом.

— Я же тебя честно предупреждала, Лесной царь, что со мной шутки плохи, — поспешно взяв себя в руки и возвращая лицу привычную маску стервы, вновь начала она ехидно. — А ты мне не верил... Ну что, признавайся, уже боишься моего могущества?

Лесь лишь тихо, беззлобно посмеялся над её напускной суровостью. Он плавно провёл ладонью по воздуху, и вековые корни клёна, послушные его беззвучному приказу, мгновенно разжались и отступили обратно в глубокую землю. Он легко высвободил ноги и сделал шаг к ней. Неожиданно для него самого эта строптивая городская девушка в его глазах стала гораздо более интересной, сложной и глубокой, чем просто вынужденная преемница старого пьяницы-деда. Она была настоящим вызовом для него, и эта игра начинала обретать совер-

шенно новые, будоражащие кровь краски. В этот момент солнечный свет Пограничья вдруг мягко дрогнул, и Лесь, посмотрев на небо, тихо произнёс:

— На сегодня уроков достаточно, Вещая. Твоему человеческому телу пора просыпаться. Попробуй повторить этот фокус наяву, когда будешь идти по скверу, вот тогда и поговорим о моих чувствах, — вкрадчивый голос лешего растаял вместе с золотистым туманом Окола, уступая место реальности.

Девушка проснулась с лёгким, тягучим недопониманием в голове. Солнечный свет упрямо пробивался сквозь жалюзи съёмной однушки, а Мира всё ещё лежала неподвижно, глядя в потолок. Неожиданно тёплое, уважительное отношение лешего к ней, мягко говоря, сбивало с толку. *«Он правда искренне удивился моей силе?»* — растерянно размышляла она, пока механически натягивала штаны и собирала сумку. — *«Или это просто его очередной изощрённый способ поиздеваться надо мной, усыпить бдительность и заставить подчиняться?»* Алина шустро копошилась рядом у зеркала, где-то на самой периферии её зрения о чём-то с огромным интересом рассказывая — то ли про препода, то ли про грядущий зачёт. Но подруга её почти не слышала, полностью замкнувшись в собственных мыслях.

Когда они наконец вышли из дома и привычным маршрутом пошли в универ, ведьма внимательно, с каким-то затаённым страхом оглядывала раскидистые тополя сквера вокруг. Но сомнения и логика Яви всё же безжалостно терзали её: *«Как, чёрт возьми, я могу повторить наяву то, что сделала во сне?»* В реальности законы физики были незыблемы, а деревья казались глухими и мёртвыми. Что-то неприятное, липкое копошилось в её груди — страх облажаться и доказать Хозяину леса, что наяву она действительно всего лишь слабая смертная «дурында». Однако перед глазами вновь и вновь предательски вспыхивал тот самый тёплый, открытый взгляд, отчего Мира резко, сердито дёрнула головой. Она упорно не хотела заикливаться на странном поведении парня и уж тем более принимать его искренность на свой счёт. Но неожиданно, когда они почти поравнялись с перекрёстком, взгляд её зацепился за витрину небольшого цветочного магазина. На выставленных полках стояло несколько горшочных растений, и девушка поддалась порывистому, глухому импульсу. Она резко свернула с тротуара и направилась прямо к ним.

— С чего вдруг такой внезапный интерес? — искренне удивилась Лина, недоумённо подходя ближе и заглядывая подруге через плечо. — У тебя даже кактус в прошлом году сдох, ты уверена, что хочешь завести живое растение?

Ведьма лишь раздражённо поморщилась на подколку подруги, но настойчиво выудила из кошелька карту и цветок всё-таки купила. Он был совсем небольшой, невзрачный и плотно закрытый — зелёный бутон домашней азалии, который даже не думал расцветать. Мира упрямо взяла горшок с собой на пары, сама до конца не веря, что действительно решилась на этот глупый эксперимент. Во время монотонных лекций по древнерусской фонетике она изредка поглядывала на цветок на краю парты с затаённым, лихорадочным интересом, каждый раз ловя себя на унижительной мысли, что она, как маленькая девочка, ждёт настоящего чуда. В итоге, когда изматывающие пары наконец закончились, вещая, окончательно разочаровавшись и разозлившись на себя, без церемоний сбаврила горшок удивлённой подруге.

— Забери себе, у меня он точно загнётся, — буркнула она и, круто развернувшись, вновь в одиночестве отправилась на вечернюю смену в ресторан, отчаянно пытаясь утопить свои мистические неудачи в привычной рабочей суете.

Вечер прошёл относительно спокойно, зал не ломился от наплыва капризных гостей, однако липкое, зудящее чувство неуютности всё никак не отпускало Миру. В голове упрямо не успокаивались мысли о том, что она — пусть и тайно от самой себя — попыталась довериться Лесю, сделать этот нелепый шаг навстречу изнанке, но у неё ничего не вышло. Девушка

всё никак не могла поверить, что обычное комнатное растение вдруг возьмёт и по мановению мысли поддастся её воле. Это же попросту нереально. Законы Яви стояли прочной стеной, охраняя её прежние убеждения.

— Всё было невероятно вкусно, спасибо вам, — вежливо отозвался постоянный клиент, неторопливо отсчитывая купюры по чеку.

— Я обязательно передам похвалу нашим поварам, — улыбнулась она в ответ профессиональной, безупречной улыбкой.

Это был аккуратный, представительный мужчина средних лет в дорогом деловом костюме, который довольно часто заглядывал сюда на ужин в одиночестве. Он всегда отличался подчёркнутым благородством, никогда не грубил персоналу и стабильно оставлял девушке щедрые чаевые. Этот раз не стал исключением — на кожаной папке счетовода осталась лежать крупная банкнота.

— Вы сегодня чем-то сильно озадачены, Мира? — спросил он вдруг, мягко подпирая подбородок сцепленными в замок пальцами.

— С чего вы это взяли? — удивилась та совершенно искренне, на секунду замерев с папкой в руках. Ей казалось, что её маска идеального официанта ни разу за вечер не дала сбой.

— Воздух вокруг вас... — как-то странно, мягко, но при этом отстранённо начал мужчина, глядя не совсем на неё, а словно на полупрозрачный контур её фигуры. — Он сегодня будто вибрирует. Гудит, если можно так выразиться. Как перед грозой.

— Вы очень чуткий, — попыталась ведьма уйти с опасной темы вежливо, но с привычным для неё защитным юмором. — Случаем, сами не колдун?

— К сожалению, нет, — негромко усмехнулся тот, покачав головой. — А что? Есть что-то конкретное, что вы бы хотели спросить у настоящего колдуна?

— Скоро сессия, сложные экзамены, — убедительно кивнула она, поправляя лямку фартука. — Поэтому голова сейчас только ими одними и забита круглосуточно.

— Уверен, у вас всё получится, — тепло улыбнулся мужчина, забирая своё пальто со спинки стула. — Вы пугающе выносливая девушка, раз так легко совмещаете учёбу и работу. Знаете, глядя на вас и вашу неиссякаемую энергию, мне и самому порой кажется, что я могу горы свернуть. Хорошего вам вечера.

Мира вежливо попрощалась и удалилась, зайдя через маятниковые двери напрямик на шумную кухню. Однако странное, гнетущее чувство неправильности происходящего так и не отпускало её ни на секунду. Этот клиент всегда был исключительно вежлив, периодически заводил с ней короткие светские беседы, расспрашивал о делах или ненавязчиво советовал красивые места в области для посещения, но эта его внезапная, дикая фраза про гудящий воздух вокруг неё... *«Может, он просто прочёл усталость и напряжение на моём лице?»* — судорожно размышляла девушка, пытаясь найти логическое объяснение его странному вопросу. — *Он ведь не может быть...*» Она подошла к раздаче и какое-то время заворожённо смотрела на мужчину через круглое стекло-иллюминатор двери, ведущей обратно в зал. Тот уже застёгивал пальто у выхода, но паранойя вновь закружилась странным, тонким шумом в её ушах, мешая дышать.

Когда смена закончилась, ведьма привычным, заученным до автоматизма маршрутом отправилась домой. Однако гнетущее чувство неуютности до сих пор не отпускало её ни на секунду. Какой-то липкий, первобытный страх окутывал её плечи, создавая стойкое впечатление, что кто-то невидимый идёт прямо по её пятам. Тени от уличных фонарей казались слишком длинными и подвижными. Мира поспешно перехватила поудобнее в кармане куртки свой перцовый баллончик на крайний случай. *«Неужели снова?»* — с ужасом переживала она, чувствуя, как сердце бьётся в самые рёбра. — *Очередной приступ паники?»* Она зашагала побыст-

рее, почти переходя на бег и периодически оглядываясь назад через плечо, но на пустынном ночном проспекте упорно никого не было. Пустота.

— Лесь, ты тут? — спросила она едва дыша, сама от себя не ожидая, что в минуту слабости добровольно позовёт этого нахала. Девушка сжимала кожаную сумку рукой так сильно, что ногти больно впились в ладонь. Она внимательно, до рези в глазах вглядывалась в чёрную пустоту подворотен, одновременно с этим безумно боясь, что действительно сможет разглядеть там чьи-то очертания.

— *В чём дело?* — внезапно пронзил её сознание глубокий, знакомый голос Лешего, мгновенно убирая звенящий писк паранойи.

— Там... там кто-то есть? Сзади, — выдохнула та.

— *Там никого нет,* — спокойно и уверенно отозвался парень. Через их общую связь он транслировал железобетонный покой.

— Ты уверен? — девушку буквально трясло от подступающего страха, и Лесной царь это отчётливо, физически чувствовал.

— *Это просто обычная тень, Мира, там нет духов Нави,* — мягко успокаивал он её, унимая панику. — *Лучше расскажи мне, как прошёл твой день?*

Его неожиданный, почти будничный вопрос заставил ведьму внутренне вздрогнуть. От него веяло таким простым, домашним тёплом, что весь ужас ночной улицы мгновенно испарился. Она осторожно покосилась на пугавший ещё секунду назад тёмный угол здания, а затем медленно повернулась и пошла к своему подъезду шагом.

— Обычный день, — старалась она тщательно контролировать свой голос, чтобы не выкачать остатков смущения. — Ничего особенного. Пары, работа, капризные клиенты.

— *Ты практиковалась, как я тебя просил?*

— Это глупо, — неожиданно для самой себя раздражённо выпалила она, вспоминая свой дневной позор с горшком на парте. — В реальности всё работает иначе. Дерево не сделает шаг навстречу и не согнётся, если я просто захочу.

— *Сделает,* — его голос сейчас звучал в её голове непривычно мягко, глубоко и напрочь лишившись прежней едкой язвительности. Мира отчётливо, каждой клеточкой своего существа ощутила, что на той стороне, в своей заимке, парень сейчас искренне улыбается. — *Сделает, Вещая, если ты не будешь приказывать, а вежливо попросишь. Как равного. Попробуй сказать «пожалуйста», может, это заставит его суровое сердце растаять?*

Его вкрадчивый, рокошующий голос сейчас шелестел над самым её ухом. «*Это он сейчас о дереве говорит или намекает на себя?*» — мимолётно, с лёгким уколом смущения размышляла девушка, аккуратно открывая дверь квартиры ключом.

— У дерева разве есть сердце? — негромко спросила она, стараясь изо всех сил не отвлекаться на посторонние, глупые мысли.

— *У него есть долгая память и чувства, почему же ты думаешь, что у него нет сердца?* — тихо усмехнулся парень на той стороне.

Мира разулась, прошла в комнату и устало прислонилась лбом к прохладному оконному стеклу. Она задумчиво оглядывала тёмные кроны тополей во дворе, раскинувшиеся под окнами, но теперь смотрела на них с каким-то новым, детским любопытством.

— Я уже и не помню, когда смотрела на них в таком ключе... — делилась она своими сомнениями, и её голос в сознании лешего звучал тихо и мягко. — Мне всегда казалось, что городская природа должна люто ненавидеть людей. За то, что те безжалостно закатали всё в асфальт, построили вокруг уродливые бетонные коробки и отравили воздух газом. Думаешь, хоть одно из этих покалеченных деревьев захочет меня слушать? Я ведь тоже человек.

— *Ты когда-нибудь наблюдала за животными в парке?* — вдруг после короткой паузы спросил Хозяин леса. — *Например, за маленькой собачкой, которая играет на газоне с сухой веткой? Ты ведь точно, на сто процентов знаешь, что в мире существуют злые, жестокие*

собаки, способные за секунду откусить тебе пальцы. Но ты всё равно невольно умиляешься, когда видишь, как эта милая собачка искренне радуется жизни. И если она сама, виляя хвостом, доверчиво подойдёт к тебе, разве ты её не погладишь?

— Ты меня сейчас что, собакой обозвал? — недовольно, но без прежней злости цокнула она языком.

— *Я лишь пытаюсь объяснить, что природа не умеет слепо злиться на всех и вся вокруг себя,* — постарался сдержать он искренний смех, и его живица в её венах отозвалась мягким теплом. — *Она всегда охотно тянется к людям с открытой душой. К тем, кто прикасается к ней не из жадности, не ради выгоды, а просто ради чистого ощущения целостности. Если человек приходит с искренней благодарностью — почему бы миру изнанки не ответить ему взаимностью?*

Эти простые, но глубокие слова заставили ведьму замолчать и задуматься. В памяти яркими вспышками начали всплывать забытые картины из детства. То самое пронзительное, хрустальное чувство абсолютной наполненности, которое она ощущала, когда маленькой бегала наперегонки с тёплым ветром по бескрайним лугам... То чистое, незамутнённое счастье, когда босиком танцевала под проливным летним дождём, запрокинув голову к небу и не боясь простудиться. Тогда природа действительно говорила с ней, принимала её как свою. Мира закрыла глаза, упираясь лбом в стекло, и впервые за пять лет позволила мягко коснуться изнанки своего разума.

Она замерла, вслушиваясь в мерный, убаюкивающий шум колышущихся за открытой форточкой тополей. Кожей впитывала прохладную, влажную свежесть ночного городского воздуха. Сделав глубокий, медленный вдох и полностью очистив уставшее сознание от дневной суеты, она отчаянно пыталась услышать или уловить то, что обычно безвозвратно ускользает от зажатого в рамки человеческого разума. В следующую секунду мягкое, обволакивающее тепло лениво поползло по её телу. Оно невольно напоминало то самое осязаемое чувство безопасности, которое окутывало её тогда, в ночной чаще леса в объятиях лешего. Ведьма медленно открыла глаза. Её взгляд сразу же зацепился за тот самый горшочный цветок, который она купила днём и в сердцах сбагрила подруге. Плотный, закрытый бутон словно потянулся навстречу её внутренней энергии, беззвучно позвав, и Мира, поддавшись импульсу, мягко коснулась пальцем его зелёного края. В тот же миг глянцевого листья растения робко, едва заметно дрогнули. На глазах девушки цветок начал медленно, лепесток за лепестком, раскрываться, наливаясь нежным цветом.

Ведьма заворожённо смотрела на это маленькое чудо и не могла отвести взгляда. Все её убеждения разбились вдребезги. Она прямо сейчас, наяву, видела, как природа ответила на её искренний, очищенный от гордыни призыв.

— Чего ты там застыла в темноте? — внезапно прервал её гипноз громкий голос, заставив ту сильно вздрогнуть и резко, испуганно отвернуться от подоконника.

Лина стояла в дверном проёме комнаты, увлечённо вытирая мокрые волосы пушистым полотенцем после душа. Она перевела свой недоуменный взгляд с замершей подруги на подоконник и вдруг восторженно вскрикнула, буквально подлетая к окну:

— Ого! Мир, смотри! Он раскрылся! Ничего себе!

Та сделала несколько неловких, хаотичных шагов назад вглубь комнаты, судорожно теряясь в догадках и холодея от мысли: видела ли что-то из этого магического процесса соседка? Не лопнул ли морок прямо у неё на глазах?

— Какая красота, правда? — повернулась к ней блондинка с искренней, восхищённой улыбкой, разглядывая бутон. — А ты говорила — загнётся. Похоже, ты ему нравишься, Яковлева. У тебя лёгкая рука.

Цветок сейчас в руках подруги выглядел абсолютно нормально, как самое обычное комнатное растение из магазина. Но по всему телу Миры продолжали бегать крупные, обжигаю-

щие мурашки. *«Неужели... неужели у меня правда получилось?»* — до конца не могла поверить она, глядя на свою ладонь, пульсирующую теплом.

В этот самый момент за много километров от мегаполиса, в глубине Чёрного леса, леший сидел в своём глубоком кресле у камина заимки. Он прикрыв глаза, чувствовал через Велесов зарок сильное волнение девушки, радость и этот невесомый ментальный всплеск чистой замороженной ведьмачьей силы в Яви. Губы Хозяина тайги тронула мягкая, искренняя улыбка.

— Случилось что-то хорошее, Лесь? — спросила с любопытством Купава.

Русалка, уже полностью окрепшая, сидела на полу гостиной и весело играла с лохматым домовым, катая по паркету сухие шишки. Заметив эту редкую, тёплую перемену в лице своего сурового правителя, она удивлённо замерла.

— Да нет... Просто оказалось, что делать подарки — довольно приятно, — отстранённо, тихим рокотом ответил он, переводя взгляд на огонь в камине. Он не собирался обманывать Миру, просто всем сердцем хотел, чтобы его строптивая вещь наконец-то отбросила страхи и по-настоящему поверила в саму себя и в свои безграничные силы.

Проснувшись утром от трели будильника, девушка не сразу открыла глаза, бережно прислушиваясь к ощущениям. В этот раз леший к ней не приходил во сне — а в её ментальном контуре царила звенящая, непривычная тишина. Мира проспала всю ночь безмятежно, как младенец, полностью восстановив силы после изнурительной ресторанной смены. Она лениво потянулась, и её взгляд первым делом скользнул к подоконнику. Нежно-розовый бутон азалии был полностью открыт, мягко и осязаемо напоминая о том волшебном, чистом чувстве единения, что наполнило её вчерашним вечером. *«Выходит, это всё действительно реально...?»* — заворожённо размышляла она, садясь на кровать и подтягивая колени к груди.

Перед глазами ведьмы калейдоскопом промелькнули живые образы скрытой заимки, бледной улыбающейся Купавы, лохматого паука-домового. Всё, что произошло с ней за эту короткую, сумасшедшую неделю, теперь казалось не проклятием, а настоящим, ошеломительным волшебством: её первый выход из тела, вкрадчивый голос Лесья прямо в голове, а теперь и этот распустившийся цветок. Невероятное, пьянящее чувство лёгкости и всемогущества внезапно накрыло девушку с головой. Неужели она правда способна влиять на плотную земную реальность так же, как на зыбкое пространство своих сновидений?

— Случилось что-то? — заметив эту редкую перемену в подруге, с любопытством спросила Алина.

Ведьма с совершенно новым, детским восторгом оглядывала раскидистые кроны деревьев, проходя по залитому солнцем парку. Ей казалось, что она физически чувствует, как под толстой корой тополей пульсируют живые токи земли. Но соседка бесцеремонно прервала её глубокие размышления о магии Яви и Нави.

— Да просто настроение сегодня хорошее, — непринуждённо, с лёгким смешком отозвалась та, поправляя лямку сумки.

— С чего бы это вдруг? — тоскливо вздохнула девушка, прикладывая пластиковый пропуск к турникету на входе в главный корпус. — Ты что, забыла, что у нас сегодня Старославянский? Я прям уже чувствую, как у меня от этих юсов и редуцированных гласных уже зубы сводит.

— Ни один древний язык не должен мешать нормальному человеку радоваться жизни, — весело заметила Мира, когда они уже шумно поднимались по широкой мраморной лестнице к нужной аудитории.

Но в какой-то момент Лина, шедшая на полшага впереди, неестественно замедлилась, а затем и вовсе встала как вкопанная. Плотная толпа студентов в узком коридоре сильно мешала обзору. Это была по счёту уже третья пара, время близилось к полудню, поэтому сонной утрен-

ней атмосферой здесь и не пахло — коридор гудел как растревоженный улей. Однако, когда Мира из-за плеча подруги подняла глаза, её сердце буквально пропустило тяжёлый удар, а воздух застрял в лёгких.

Оперевшись спиной на крашеную стену, прямо посреди бурлящего коридора гуманитарного факультета стоял Леся. И не просто стоял... морок человеческого облика сидел на нём безупречно. Вместо потёртой лесной кофты на нём сейчас была стильная чёрная куртка и свободные тёмные джинсы, но его необыкновенная, породистая внешность, высокий рост и идеальная осанка производили среди студентов эффект разорвавшейся бомбы. Мимо проходящие первокурсницы неприкрыто сворачивали шеи, оборачиваясь ему вслед.

— Божечки-кошечки... — замурыкала блондинка восхищённым, благоговейным шёпотом, судорожно прижимая ладонь к груди. — Это что ещё за ангел снизошёл до нашего грешного факультета?

«Вот же чёрт!» — мысленно, до скрежета зубов выругалась Мира, чувствуя, как внутри плещется гнев. А в следующую секунду парень лениво, с явным превосходством поднял свой потяжелевший изумрудный взгляд в сторону, безошибочно выцепляя её бордовую макушку в толпе. Его руки были небрежно заложены в карманы джинсов, а эта чистая, царская ухмылка на красивых губах просто кричала об абсолютной самоуверенности и превосходстве. Он плавно оторвался от стены и зашагал прямо к ним наперерез, заставляя студентов инстинктивно расступаться.

— Сюрприз, — произнёс он, остановившись в шаге от ведьмы. Его голос звучал издевательски мягко, и он ехидно, заговорщически дёрнул тёмными бровями. Парень откровенно, каждой клеточкой своего существа наслаждался произведённым эффектом и её пылающим от злости лицом.

— Вы... вы что, знакомы?! — неестественно воодушевлённо, едва ли не ультразвуком защебетала Алина, мёртвой хваткой вцепившись в предплечье опешившей подруги. Из её глаз летели самые настоящие искры девичьего любопытства.

— Очень хорошо знакомы, — ослепительно улыбнулся ей Леший, совершенно игнорируя направленный на него острый, уничтожающий взгляд. В его глазах цвета майского мха плясали опасные черти.

— Я — Алина, но для близких друзей можно просто Лина, — вовсю кокетливо улыбалась девушка, откровенно и бесповоротно замороженная его нечеловеческим обликом.

— Очень красивое, звучное имя, — бархатным рокотом отозвался парень, только подливая масла в огонь её фанатского восторга. — Не стоит его сокращать. Ему идёт полная форма.

— Ты чё здесь забыл?! — не выдержала ведьма этого слащавого зрелища, грубо перебивая его любезности и делая шаг вперёд, чтобы заслонить собой подругу. Её крада внутри закипала от возмущения.

— И когда это вы, интересно, успели познакомиться? — продолжала лучезарно улыбаться Алина, но при этом с такой силой сдвинула ладонью руку подруги, что у той едва кости не хрустнули. — Мира, блин, с твоей стороны было чудовищно грубо скрывать от меня такого парня. Почему ты не познакомила нас раньше?

Ухмылка на красивом лице Леся от этих слов стала ещё шире, а в глубине его изумрудных глаз заплясали искры откровенного веселья.

— Да-а, просто повода подходящего не было, — поспешно выпалила девушка первое, что вообще пришло в её панически соображающую голову. Нужно было во что бы то ни стало сохранить безумные подробности их взаимоотношений в строжайшей тайне.

— Это как так? — не унималась подруга, подозрительно прищуриваясь и переводя взгляд с одного на другого. — Он что, космонавт? Или военный?

— Почти, — вкрадчиво усмехнулся парень и, сделав долгую заговорщическую паузу, взглянул Алине прямо в глаза. — Леший.

— Ле... лесник! — испуганно перебила и поправила его Мира, ошутимо вздрогнув всем телом. Сердце чуть из груди не выпрыгнуло. Нужно было срочно как-то объяснить подруге его слова так, чтобы та вообще ничего не заподозрила. Она вцепилась Лине в плечи, заглядывая прямо в глаза: — Он работает и живёт в глубокой глуши. Там даже сотового нет, не говоря уже о соцсетях и интернете... Понимаешь?

— А-а-а, твой земляк, что ли? — наконец сообразила блондинка, а затем вновь перевела на раздумывающуюся подругу хитрый и подозрительный взгляд. — Ну теперь-то мне понятно, чего ты там так сильно подзадержалась... На «природу», значит, потянуло.

— Д-да нет же! Всё совсем не так! — моментально вспыхнула та от дикого смущения, чувствуя, как стыд приливает к щекам.

Внешность парня и его безупречный морок сейчас явно играли против неё. Филологическая часть их факультета была преимущественно занята девичьей составляющей, поэтому в тесном коридоре перед аудиторией сейчас было буквально не протолпиться. Абсолютно все взгляды студенток были устремлены на неизвестного высокого красавца.

К огромному счастью, надрывный звонок на пару эхом разнёсся под потолком. *«Ну наконец-то! Господи, спасибо!»* — взмолилась ведьма про себя, изо всех сил толкая подругу плечом в сторону нужного кабинета.

— Скорее, звонок уже был, давай внутрь! — кряхтела она, пытаясь утащить Алину с линии огня, а затем бросила на Лесного царя испепеляющий, злобный взгляд, яростно шипя сквозь зубы: — Чтобы ноги твоей через секунду здесь не было! Исчезни!

— Ой, да ладно тебе, он может пойти на лекцию вместе с нами! — воодушевлённо выпалила подруга, ловко и грациозно уворачиваясь от стальной хватки.

И не успела Мира даже среагировать, как пробивная и абсолютно бесстрашная соседка уже юркнула в открытую дверь и громко окликнула пожилого преподавателя, заверяя профессора, что «молодой человек» просто тихонько посидит на задней парте и никому не будет мешать. Профессор, увлечённый раскладыванием методичек, лишь рассеянно махнул рукой, разрешая войти.

— Это было даже слишком просто, — тихо, со знакомым шуршанием камыша усмехнулся Лесь, вальяжно проходя мимо замершей девушки прямо в кабинет.

Ведьма от такого запредельного нахальства и бессилия почти физически зарычала, сжимая кулаки.

— Тут будешь сидеть! — злобно подтолкнула она его плечом к парте в самом конце кабинета. — И чтобы никого вокруг не отвлекал, понял?!

Она шипела на него сквозь зубы, еле сдерживаясь, чтобы не сорваться на крик прямо при преподавателе. Проследив, что Лесь вальяжно опустился на стул, девушка стремительно прошла вперёд, утягивая за собой Алину ближе к доске. Между ней и лешим теперь было несколько парт и рядов студентов, однако это расстояние вообще не спасало. Ведьма буквально кожей, каждым волоском на затылке чувствовала на себе его тяжёлый, немигающий взгляд. Каждая клеточка её тела кричала о том, что Хозяин леса держит её на прицеле.

— Предательница! — тут же заговорщически зашипела блондинка, стоило им сесть, совершенно не обращая внимания на монотонный бубнёж лектора у кафедры. Она мимолётно, с придыханием взглянула через плечо на Лесья, а затем снова навалилась на парту, впившись глазами в подругу. — Быстро расскажи мне о нём всё! У него есть девушка? Или ты этот эксклюзив для себя от мира прятала?!

— Нужен он мне сто лет! — рычала та возмущённо, делая вид, что усердно ищет ручку в сумке. — Он невыносимый бесстыдник, нахал и эгоист! Поверь мне на слово, Лина, характер у него просто отвратительный.

— А ещё он чертовски сексуальный красавчик! Так что пока я слышу одни только плюсы, — хитро не отступала подруга, подмигивая. — Значит, если он не занят, я могу забрать его себе? Организуешь нам свидание?

Девушка мгновенно вспыхнула от прилившей к щекам волны возмущения: *«Этого ещё не хватало!»* Лина ведь в силу своей человеческой слепоты даже близко не догадывалась, что этот «красавчик» — жестокий, древний лесной дух, способный ломать пространство и выталкивать души из тел. Оставить подругу наедине со стихией Нави было бы чистым безумием.

— Зачем тебе сдался этот деревенский оболдуй? — отчаянно пыталась отговорить она подругу от этой опасной идеи, тщательно подбирая аргументы. — Ты вообще думаешь, что говоришь? Хочешь переехать жить в глухую тайгу, где даже нормального водопровода и сотовой связи нет? Ты, помнится, себе богатого городского принца искала, а не нищего провинциала из чащи.

— Ой, да ладно тебе. Он просто не сможет устоять перед моими женскими чарами, — ехидно отозвалась блондинка, самодовольно поправляя локоны. — Закручу ему голову, и он сам мигом захочет в город перебраться, найдёт тут работу. Ради меня.

— Вот уж сильно сомневаюсь... — отозвалась девушка гораздо тише, чувствуя, как внутри всё сжимается от глухого раздражения.

Мира вновь перевела свой недовольный, колючий взгляд назад, через головы студентов. Лесь сидел на последней парте в абсолютно расслабленной позе, лениво подперев голову рукой, и неотрывно смотрел прямо на неё. На его губах блуждала та самая невыносимая царская ухмылка. В этот же миг колкое, горячее чувство обожгло кожу изнутри, а в сознании ведьмы отчётливо, с тихим шелестом прозвучал его мысленный голос:

— *Забавно. Если честно, я даже не помню, когда последний раз ходил на свидание. Чем сейчас люди занимаются на них?*

— *Прекращай сейчас же заигрывать с моей подругой!* — так же мысленно, изо всех сил сжимая зубы и делая вид, что усердно переписывает старославянские буквы с доски, шипела она на него в ответ. — *Ты, динозавр древний, ей даже в прадеды не годишься, тебе самому-то не стыдно? Этот язык уже умер, а его носитель, видишь ли, на свиданку захотел!*

— *Во-первых, я не заигрывал, а просто был вежливым и поддерживал беседу,* — тихо усмехнулся парень, и в её сознании фантомно отразился его довольный изумрудный взгляд. — *А во-вторых, духам Нави тоже не чужды простые страсти. Вы, люди, вечно приписываете нам одну лишь холодную жестокость.*

— *Посмотрите-ка на него, страстный какой нашёлся!* — мысленно возмущалась девушка, чувствуя, как крада внутри неё закипает от этого телепатического нахальства. — *У тебя, Лесной царь, что, мало местных девиц, готовых тебе в ножки кланяться? Или тебя на человечину потянуло? Подругу мою даже пальцем не трогай, понял, буратино?*

— *Буратино? Это ещё кто такой?* — с искренним, забавным недоумением спросил Лесь, на секунду перестав улыбаться. Новые городские термины Миры явно ставили древнего духа в тупик.

— *Тот, кому очень опасно играть с огнём,* — зыркнула она на него через плечо, сверкнув глазами. — *Всё! Разговор окончен!*

Парень на последней парте весело, беззвучно усмехнулся: *«И впрямь...»* — мысленно согласился он про себя, откидываясь на спинку стула. Строптивый характер багряноволосой ведьмы забавлял его всё сильнее. В этот момент пожилой профессор за кафедрой вдруг резко перестал бубнить, поправил очки на носу и строго обвёл взглядом притихшую аудиторию.

— Так, — громко произнёс он, постукивая мелом по деревянной трибуне. — Кто у нас пойдёт к доске и попробует разобрать редуцированные гласные в этом фрагменте летописи? Яковлева! Вот вы как раз, я смотрю, очень внимательно записываете за мной. Прошу вас, покажите свои знания старославянского.

Мира оцепенела, обжигаясь новой, издевательской волной тепла от лешего. Её идеальная городская маскировка трещала по швам под двойным надзором — строгого профессора и ехидного Лесного царя.

Когда пара со спасительным звонком наконец закончилась, студенты с грохотом отодвигаемых стульев и весёлым гулом повалили из класса в коридор. Вещая шла в первых рядах, изнутри её буквально трясло от глухого раздражения: из-за путаницы в мыслях ей пришлось знатно позориться у доски перед всем курсом.

— Ну ничего, в следующий раз точно повезёт, — беззлобно, но ехидно подколола её Алина, закидывая сумку на плечо.

— Не будь к себе так строга, — ровно отозвался Лесь, вальяжно выходя следом за ними в коридор и удерживая руки в карманах. — Нельзя точно знать, как именно звучал и строился язык, который веками переписывался и кардинально изменялся людьми по обычной наслышке. На самом деле, даже у твоего преподавателя на доске сегодня были ошибки.

— С чего ты это взял? — удивлённо и с явным восхищением спросила блондинка, мгновенно разворачиваясь к нему всем корпусом. — Разве ты знаешь старославянский?

— Немного, — снисходительно усмехнулся парень, морок которого в стенах вуза по-прежнему заставлял девчонок оборачиваться. — В некоторых отдалённых местах до сих пор вовсю используют исконные слова и говоры древних народов. Да и у меня самого дома осталось несколько оригинальных книжек от далёких предков.

— Звучит безумно интересно... Покажешь как-нибудь? — Алина кокетливо заложила выбившийся локон за ухо, и Мира сразу же поняла по хищным, азартным искрам в её глазах, что подруга вообще не собирается отступать от своей амбициозной затеи. Это был уже самый настоящий, откровенный флирт.

Ведьма недовольно, со стоном закатила глаза к потолку.

— *И почему ты тогда, такой всезнающий, не подсказал мне у доски?* — мысленно, со злостью обратилась она к лешему через их зарок крови.

На что парень, даже не разомкнув губ, тут же насмешливо ответил прямо в её голове:

— *Это было бы нечестно, Мира. Да и напрямую вмешиваться в ваши глупые людские порядки и оценки я не имею никакого права.*

Со стороны эта беззвучная телепатическая перепалка выглядела просто как долгие, напряжённые переглядки между ними. Не желая больше участвовать в этом фарсе, ведьма круто развернулась и решительно направилась по лестнице в другую аудиторию, где должна была пройти следующая лекция.

Когда они перешли на другой этаж и влились в очередную толпу студентов, к девушкам внезапно подбежал симпатичный парень с факультета иностранных языков. Он взволнованно что-то спрашивал у них, активно показывая какие-то графики на экране своего планшета. Мира вежливо остановилась, включившись в обсуждение студенческого проекта, но весь этот момент пристальный взгляд Лесь был намертво прикован исключительно к её лицу. Ему было крайне интересно наблюдать за этой строптивой багряноволосяй ведьмой со стороны — именно в той естественной среде, где она чувствовала себя максимально комфортно, безопасно и уверенно. Девушка мило, открыто улыбалась собеседнику, а её аккуратное лицо буквально светилось непривычным для лешего спокойствием. Тонкая, лёгкая блузка на ней очень выгодно подчёркивала сейчас её чистую женскую хрупкость и изящество. Лесь стоял чуть поодаль, и в его древнем сознании ворохнулась странная мысль: сейчас, среди этих стен и книг, она была совершенно, абсолютно не той бойкой девчонкой, которая убежала от него в лес. Она была настоящей городской вещью, чья сила только-только начинала расправлять крылья в Яви.

Внезапно иностранец с планшетом сделал шаг ближе к Мире, касаясь её плеча своим из-за давки. В эту же секунду ведьма ощутила странный, колющий ледяной холод со стороны. Она

перевела взгляд вбок — Лесь, казалось, был чем-то глубоко недоволен. Атмосфера вокруг его высокой фигуры будто ощутимо загудела, наливаясь тяжестью. Девушка внутренне вздрогнула и осторожно оглянулась по сторонам. Не заметил ли ещё кто-нибудь из проходящих мимо студентов этого пугающего изменения? Их взгляды встретились, и по телу её волной прошли холодные мурашки. Его морок сейчас сбоят, или это она одна видит, как вокруг искажается пространство?

— Кто это был? — спросил Хозяин леса осторожно и вкрадчиво, когда они наконец разошлись с тем парнем в коридоре.

— А, это знакомый по студенческому совету, — весело отозвалась Лина, поправляя сумку. — Скоро студвесна, так что все сейчас крехтят над своими номерами, репетируют круглыми сутками. Хочешь прийти посмотреть? Я могу достать тебе билет.

— *Это такой концерт, студенты нашего вуза выступают на большой сцене с разными творческими постановками,* — мысленно подсказала ему Мира через зарок крови, чтобы парень не вздумал задавать глупых, допотопных вопросов.

— Вы тоже в этом участвуете? — спросил тот с живым любопытством.

— Ну, из-за наших постоянных подработок мы, конечно, не можем себе позволить сильно развлекаться, но в этот раз будем танцевать в одном общем номере, — увлечённо рассказывала подруга, сияя от внимания.

— Тогда я определённо хочу на это посмотреть, — мягко улыбнулся Лесь, на что ведьма рядом лишь недовольно, со свистом фыркнула.

— Супер! Тогда я достану тебе бесплатный проход, — продолжала радостно щебетать блондинка. — Но... у тебя правда нет сотового телефона? Мне дико сложно поверить в это. На дворе ведь уже двадцать первый век, как без связи-то?

— Правда нет, — спокойно кивнул парень, даже не моргнув. — Если что-то вдруг захочешь мне передать или спросить, можешь просто сделать это через Миру. Она теперь будет очень часто кататься в деревню по делам наследства.

От этих беспардонных слов ведьма гневно и удивлённо вспыхнула изнутри: *«Ах ты наглец лесной!»* Он прямо сейчас переложил вообще всю ответственность за контакты с собой на её плечи. Но девушка тут же мысленно осеклась, остужая гнев: *«С другой стороны, если Лесь отказывается общаться с Линой напрямую, значит, он не сможет и скрыть от меня какие-либо взаимодействия с ней»*. Она подозрительно покосилась на парня, который сейчас ехидно, торжествующе улыбнулся ей одними уголками губ.

— Это же ведь так неудобно... — кокетливо надула губы подруга, явно недовольная тем, что Лесь не хочет слепо идти у неё на поводу. — Почему бы тебе просто не купить какой-нибудь самый недорогой кнопочный аппарат? Бог с ним, с интернетом, но простые звонки значительно облегчили бы тебе жизнь.

Алина искренне злилась, чувствуя, что этот парень её просто технично динамит. Но Мира-то точно знала истинную причину: любая сложная человеческая электроника в Чёрном лесу из-за дикой магии изнанки мгновенно превращается в бесполезный кусок пластика. Она вдруг внимательно осмотрелась по сторонам, и в её голове закружились совсем другие, тревожные мысли. *«Ему разве здесь не больно?»* — внезапно задумалась она, глядя на лешего. — *Кунава ведь говорила, что в городе полно электричества, железа и яда, которые выжигают их морок и суть. Зачем ему вообще нужно было приходить сюда, рискуя собой?»*

— *Что-то случилось в заимке?* — спросила она его мысленно, и в её телепатическом голосе впервые отчётливо прозвучало сильное волнение. — *Зачем ты на самом деле пришёл сюда, в университет? Что-то с соседями произошло?*

Голос её в его голове буквально дрожал. Она была так сильно зла на него последние часы, что совсем позабыла о главном условии их зарок — спасении раненых духов.

— *Нет, в лесу всё спокойно,* — едва заметно, одними губами улыбнулся он ей и продолжил мысленно прямо в её сознании. — *Я правда... просто хотел повидаться с тобой на твоей территории.*

— *Мы ведь и так каждую ночь видимся в Околе Нави,* — недовольно, со стоном цокнула она языком, поспешно отводя глаза в сторону, чтобы подруга не заметила их затянувшегося немого контакта. — *Захотелось поиздеваться надо мной и на яву, да? Добить мою нервную систему окончательно?*

Она продолжала мысленно ворчать и сыпать обвинениями, но Лесной царь больше ничего не отвечал. Он лишь шёл рядом, лениво заложив руки в карманы куртки, и морок города бережно укутывал их троих, пока за окнами коридора шумел огромный, ничего не подозревающий мегаполис.

— И что это за наследство такое загадочное? — с явным подозрением спросила девушка подругу, замедляя шаг у тяжёлых дверей следующей аудитории. — Вы с братом так и не решили все юридические вопросы? Что там вообще в вашей глуши можно делить? Покосившийся забор и огород?

— Там всё слишком сложно, Лина, — отстранённо отозвалась ведьма, демонстративно проверяя замки на своей сумке и всеми силами стараясь не вдаваться в опасные детали. — Куча бумажной волокиты, старые дедовские долги и куча прочих нюансов. Сама толком ещё не разобралась.

— Мира сказала, тебя зовут Лесь, — непринуждённо и легко перевела тему подруга, полностью переключая своё воодушевлённое внимание на идущего рядом парня. — Это какое-то редкое сокращение?

— Только для близких друзей, — кивнул он ей с мягкой, вкрадчивой утвердительностью в голосе. В его изумрудных глазах на секунду отразился свет потолочных ламп. — Раз уж мы познакомились, ты теперь тоже можешь меня так звать.

— О, здорово! Тогда ты надолго в город приехал, Лесь? — ещё сильнее воодушевилась та, кокетливо поправляя лямку рюкзака. — Знаешь, если тебе негде остановиться, у нас в квартире есть свободная раскладушка на кухне. Можешь ночевать у нас, сколько твоей душе угодно.

Мира от такого запредельно щедрого предложения подруги буквально опешила на месте, едва не выронив из рук тетрадь. Её мозг на секунду закоротило от паники.

— *Даже не вздумай соглашаться!* — яростно прошипела она в сознании парня через зарок крови, сверля его затылок уничтожающим взглядом. — *Прекращай этот цирк!*

— Я с огромным удовольствием приму твоё приглашение, Лина, — абсолютно игнорируя ментальное недовольство и крики ведьмы, бархатным рокотом согласился парень.

Вещая замерла посреди коридора как вкопанная, буквально прожигая его спину бешеным взглядом. Она решительно не понимала, какую именно опасную игру этот древний демон затеял на её собственной, мирной городской территории. Зачем ему спать на тесной человеческой кухне, если его заимка подчиняется законам пространства?

— Просто отлично! — радостно щебетала Алина, совершенно не замечая искр, летающих между её спутниками. — Почему бы нам тогда сегодня вечером по такому поводу не устроить небольшой сабантуй и не выпить? Лесь, поможешь мне после пар дотащить продукты и накрыть на стол, пока Мира будет на смене?

— Вообще-то, я очень хотел посмотреть на ресторан, о котором мне так много и увлечённо рассказывал Сева, — парень плавно перевёл свой потяжелевший взгляд на ведьму, отчётливо почувствовав через Велесов зарок, что она уже находится буквально на грани физического взрыва от злости.

Та сжала челюсти. Меньше всего на свете она сейчас хотела, чтобы её наивная, ничего не подозревающая подруга осталась один на один в закрытой квартире с этим могущественным хранителем тайги. Из этого точно не вышло бы ничего хорошего.

— Тогда несите еду из ресторана после смены, а я по дороге домой возьму какие-нибудь напитки, — на ходу перестроила планы Лина. Она отозвалась немного отстранённо, но Мира отчётливо увидела, что подруга слегка расстроилась из-за сорвавшегося уединения. Блондинка повернулась к парню: — Лесь, а что ты вообще пьёшь из алкоголя? Предпочитаешь что-то конкретное?

Этот будничный вопрос застал ведьму врасплох. Внутри неё всё похолодело. А пьёт ли вообще Хозяин леса человеческий алкоголь? Он хотя бы знает, что это такое и как оно действует на организм? Её покойный дед был горьким, беспросветным пьяницей, и из-за этого оставалось абсолютно непонятно, как сам Лесной царь относится к этой людской отраве. Вдруг алкоголь выжигает морок или лишает его контроля над Навью?

— Ты пьёшь? — вместо ответа спокойно спросил парень, поворачивая голову к замершей девушке и с интересом изучая её реакцию.

— Ну... так, чисто символически, по праздникам, — отстранённо и сухо отозвалась она, стараясь казаться безразличной.

— Ой, да ладно тебе скромничать, ещё как пьёт! — весело рассмеялась Алина, безжалостно сдавая подругу с потрохами. — У неё просто ядерный желудок. На посвящении первокурсников она перепила половину старшаков и даже утром на лекцию пришла без единого признака похмелья. Настоящая ведьма.

Девушка от этих слов недовольно и громко цокнула языком. Это было явно не самое приятное и элегантное её описание перед древним духом. Особенно сейчас когда она выглядела как гордая городская леди.

— Тогда выбери что-нибудь на свой вкус, Лина, — Хозяин леса плавно повернулся к кокетничающей подруге, и на его губах снова заиграла едва заметная, царская ухмылка. — Я просто буду пить то же, что и вы. Доверюсь твоему выбору.

В этот момент над их головами снова оглушительно зазвенел звонок, заставляя студентов поспешно заходить в аудитории. Мира сделала глубокий вдох, понимая: этот вечер в компании Лешего, подруги и алкоголя обещает стать самым безумным и опасным испытанием за последнее время.

— Ты уверен в том, что делаешь? — спросила она мысленно парня. — *Пил вообще хоть раз в жизни?*

— А сама-то? — усмехнулся тот в её голове. — *У тебя разве нет с алкоголем плохих, грязных ассоциаций?*

— Ну да, вы — деревенские, наверное, с бутылками в обнимку спите, — ехидно, со злостью отмахнулась девушка, невольно вспоминая нелюбимые, серые картины из своего детства.

— *Вообще-то я даже не помню, когда в последний раз пробовал алкоголь из мира людей,* — отозвался Лесь на удивление мягко. — *Суседи приносят мне в подарок собственные настойки на лесных ягодах и корнях. Я и тебя угощу, когда вернёшься в заимку, раз уж тебе это не чуждо.*

Когда очередная изнуряющая пара наконец закончилась, ребята наспех распрощались с Алиной у выхода из корпуса. Подруга, подмигнув Мире, упорхнула в супермаркет за обещанными напитками, а ведьма вместе с лешим отправились напрямик в ресторан.

— И чего тебе неймётся? — всю дорогу отстранённо бубнила девушка, кутаясь в ветровку. — Похоже, у великого Хозяина Чёрного леса неприлично много свободного времени, раз ты тут бездельничаешь...

— Просто мне было любопытно посмотреть на вашу обычную человеческую жизнь, — спокойно разглядывал парень всё вокруг себя: мчащиеся машины, неоновые вывески и спешащих мимо людей.

— А моими глазами тебе, значит, плохо видно было? — усмехнулась та. — Зачем нужно было самому сюда приходить? Столько ненужного шума теперь из-за тебя на факультете. Ты где вообще эти шмотки взял? Стянул с кого-то?

Леший тихо, раскатиисто усмехнулся.

— Это просто морок, Мира. Я управляю им так, как сам захочу.

— Обманываешь, короче, ничего не подозревающих невинных людей...

— Просто грамотно пользуюсь доступными мне благами, — мягко, обворожительно улыбнулся ей парень.

В ресторане девушка больше всего на свете хотела полностью отвлечься от давящего присутствия этого невыносимого эгоиста, но ей упорно не давали этого сделать. Коллеги-официантки на перебой, затаив дыхание, пытались выяснить у неё о её спутнике хоть какую-нибудь пикантную деталь. Пока Лесь мирно и вальяжно ждал окончания её смены в служебной зоне для персонала, девчонки то и дело бегали наводить марафет и кокетливо пытались болтать с ним, угощая какие-нибудь закусками. Заказав со скидкой персонала несколько порций готовой еды для их грядущей «вечеринки», Мира наконец закончила смену. На часах было около десяти вечера, когда они вместе направились обратно к её дому. Леший сам, без лишних слов взял тяжёлые пакеты, поэтому усталая ведьма даже не стала противиться.

— Только я тебя очень прошу, — вздохнула она по пути, — пожалуйста, следи за своим длинным языком. Не говори при Лине ничего двусмысленного и уж тем более грубого. Она вообще ничего не знает о моей настоящей жизни в деревне. Сивка и так достаточно её встретил в прошлый раз.

— Тебе самой в первую очередь стоит внимательно следить за тем, что и как ты говоришь, — удивительно спокойно, весомо отозвался тот, но эти слова девушке дико не понравились. — У тебя очень сильная, необузданная энергия, Вещая. Эмоции, которые ты не контролируешь, выплёскиваются наружу, превращаясь в невидимые удары или острые стрелы. И ещё... Перестань называть своего младшего брата «сивкой». Каждый раз, когда ты произносишь это детское прозвище, ты сама, своей ведьмачьей волей накладываешь на него ментальное клеймо. Клеймо слабого, ведомого существа, которое он сейчас просто не в состоянии с себя смыть.

Слова парня заставили Миру резко, как вкопанную, остановиться посреди ночного тротуара. Она с искренним недоумением, смешанным с подступающим страхом, смотрела прямо на него.

— В смысле?! — с явной смесью нарастающего недовольства и глухой, липкой тревоги переспросила она, чувствуя, как внутри всё болезненно сжалось. — Хочешь сказать, это я своими руками сделала его таким? Я?! Да я всю жизнь только и делала, что вытаскивала его из всех возможных передряг!

— Ты сама хоть знаешь истинное значение слова «сивка»? — Лесь тоже остановился, плавно повернулся к ней всем корпусом и спокойно спросил, глядя на неё сверху вниз своими светящимися изумрудами.

Пакеты с ресторанной едой в его сильных руках даже не шелохнулись, а морок ночных городских огней мягко очерчивал его высокую, плотную фигуру. Ведьма на секунду опешила. Профессиональный щелчок филологического образования сработал мгновенно, заставив её мозг лихорадочно перебирать словарные статьи и лекции по этимологии и славянскому фольклору.

— Ну... Сивка-Бурка, сказочная каурка, — неуверенно, стараясь вернуть голосу прежнюю твёрдость, начала перечислять она, скрестив руки на груди, чтобы унять внезапно проступившую дрожь.

— Сивый — это серый, седой или старый. Сивками обычно называли рабочих коней, которые безропотно везут на себе любой, даже самый неподъёмный груз, пока не упадут замертво, — безжалостно, тихим и глубоким рокотом заключил Лесной царь. — Лошадь, которая пашет до полного изнеможения, покорная чужой воле. Сивками кличут тех, у кого нет права на собственное эго, на свой голос.

Парень сделал один неторопливый шаг вперёд, наклоняясь ближе к её лицу. В ночном воздухе проспекта между ними отчётливо пахло грозovým озоном и терпкой хвойной живицей.

— Для обычного человека это просто глупая детская кличка, забавное семейное прозвище, — вкрадчиво, обволакивающим шёпотом продолжил Лесь, и что-то внутри девушки послушно отозвалось на него пульсирующим теплом. — Но ты, Мира, никогда не была обычным человеком. Ты — Вещая, в чьих венах бурлит древний огонь. Слово ведьмы — это не пустой звук, пущенный по ветру. Это осязаемая магия, печать, которая ложится на реальность и перекраивает её. Называя младшего брата «сивкой» каждый раз, когда он оступался, ты сама, своей мощной родовой силой вбивала в его энергетический контур эту программу. Ты требовала от него быть покорным, вывозить все семейные беды, терпеть и молчать. И его слабое, изрешечённое Навью сознание просто подчинилось узору твоих слов. Он стал ведомым. Стал рабочим конём, на которого Макошь в итоге и переложила весь двойной долг вашего рода, потому что ты сбежала в город.

Девушка стояла неподвижно, не в силах отвести потрясённого, округлившегося от ужаса взгляда от его лица. По её коже волнами побежали крупные, леденящие мурашки. В памяти страшным калейдоскопом пронеслись сотни сцен из прошлого: как она отчитывала Севу в детстве, как раздражённо бросала ему в лицо: *«Ну что ты стоишь, Сивка, делай что говорят!»*. Ей казалось, что она защищает его, направляет, руководит им, как просила бабушка, пока дед медленно сходил с ума. А на деле... на деле её ведьмачий дар на подсознательном уровне просто заковал брата в невидимые цепи подчинения. Она латала чужие миры, но ломала своего самого близкого человека, даже не подозревая об этом.

Взгляд ведьмы застыл, уставившись куда-то в серую пустоту разбитого городского асфальта под ногами. Она явно была не готова к такой оглушительной новости. Весь её мир, построенный на уверенности, что она — спасительница и защитница семьи, только что рухнул, погребая под обломками её городскую гордость. Леший, посчитав разговор оконченным, медленно повернулся, собираясь пойти дальше к подъезду, но девушка резко остановила его. Её пальцы судорожно, мёртвой хваткой сомкнулись на его локте.

— Это... это можно как-то исправить? — едва слышным, надрывным шёпотом спросила она.

Мира медленно подняла на него свой встревоженный, потемневший от боли взгляд, в котором больше не было ни капли прежнего сарказма или яда. Сейчас она смотрела на него не как на врага-паразита, а как на единственного проводника, способного указать путь к спасению её брата. Она была готова умолять. Парень замер, чувствуя через зарок крови, как её сердце в груди бешено, испуганно колотится, а по венам хлещет волна искреннего, горького раскаяния. Он медленно опустил взгляд на её руку на своём локте, а затем снова посмотрел ей прямо в глаза. Его изумрудный взор стал удивительно глубоким.

— Печать, наложенную словом, можно смыть только другим словом, — тихо, без прежней издёвки ответил Лесь. — Истинным. Возвращающим суть. Ты назвала его сивкой — ведомым рабочим скотом, и лишила воли. Но его истинное имя — Всеволод. Твой род назвал его

Владеющим всем. Понимаешь? Он рождён быть всевластным хозяином своего дара, а не его жертвой.

Парень плавно накрыл её ладонь своей тёплой рукой.

— Каждый раз, когда ты мысленно или вслух зовёшь его, возвращай ему это имя. Вкладывай в него силу. Называй его Всеволодом. Заставь его душу вспомнить, что он — владыка своей силы, а не сломанный мальчик. Перестань тащить его груз за него и начни уважать в нём мужчину вещего рода. Со временем узор Макоши перестроится, а старое клеймо сойдёт с его плеч. Но на это нужно время. И твоя абсолютная трезвость ума.

Мира судорожно вздохнула, и ей показалось, что удушливый обруч, сжимавший грудь, слегка ослаб. Она медленно разжала пальцы, отпуская его локоть.

— Спасибо... — выдохнула она, и внутри её что-то мягко, одобряюще запульсировало ровным, убаюкивающим теплом.

— Не за что, Вещая, — Лесь едва заметно улыбнулся и поудобнее перехватил пакеты с едой. — А теперь идём. Твоя подруга, кажется, уже вовсю гремит бокалами на вашей кухне. Пора возвращаться в Явь и делать вид, что мы обычные люди.

Они вместе зашли в тёмный подъезд, оставляя ночной шум проспекта за спиной. Девушка шла по ступеням, мысленно, как драгоценную клятву, повторяя про себя только одно имя: «Всеволод». И с каждым этим мысленным шагом морок города вокруг неё становился чуть более прозрачным, а её крада наливалась осознанной, чистой силой.

Слова Лесного царя всё никак не выходили из головы, ворочаясь в мыслях тяжёлым, острым осколком. Парень чувствовал, что она глубоко подавлена его внезапным откровением. Но как истинный хозяин леса, привыкший к суровым законам изнанки, посчитал это единственно верным исходом. Гораздо лучше было один раз причинить ей сильную ментальную боль правдой, нежели позволить и дальше оставаться в слепом неведении, неосознанно калеча собственного младшего брата ведьмачьим клеймом. И Мира, глухо сжав зубы, внутренне была полностью согласна с его решением, однако всё равно никак не переставала чувствовать себя виноватой перед Севой. Каждое воспоминание о брате теперь отзывалось глухой болью в груди.

— Опять скандал? — голос Алины мгновенно выбил её из этих мрачных раздумий. Подруга как раз вовсю шуршала на тесной кухоньке, распаковывая принесённые Лесем пакеты и ловко перекладывая готовую ресторанную еду в чистые тарелки. Она обернулась и внимательно окинула девушку оценивающим взглядом. — Ты какая-то совсем поникшая... Устала? Страшила опять докопалась до чего-то?

— Да нет, смена в принципе спокойная была, — выдавила та блёклую, но вполне убедительную улыбку, стараясь поддержать иллюзию нормальности.

Мира меньше всего на свете хотела портить этот вечер своей личной драмой. Она молча прошла в комнату, быстро скинула куртку и переделалась в удобную домашнюю одежду. А когда вернулась обратно на кухню, Лина уже о чём-то непринуждённо и кокетливо болтала с их необычным гостем. Они сидели друг напротив друга за небольшим столом, на котором уже аккуратно ровными рядами стояли принесённые закуски и разнообразные разноцветные напитки. Лесь чувствовал себя на этой узкой человеческой кухне удивительно вальяжно, лениво подперев подбородок рукой и мороком сглаживая любую неловкость.

— Давай бегом сюда! — весело отозвалась подруга, заведя ту в проём и похлопав ладонью по соседнему стулу. — Садись, у нас тут первый тост на повестке дня!

Девушка покорно опустилась на жёсткий стул, делая глубокий вдох и заставляя себя окончательно взять эмоции в железный кулак.

— Ну, за знакомство! — воодушевлённо начала Лина, поднимая свою баночку вверх и сияя от восторга. — И за новые, исключительно приятные встречи в этом сером городе!

Они со звоном стукнулись стеклянными горлышками и жестяными банками, после чего сделали по первому хорошему глотку. В этот момент и ведьме, и Алине было безумно инте-

ресно понаблюдать со стороны за реакцией Лесного царя. Сама Мира в компаниях обычно предпочитала коктейльные напитки, либо, если дело происходило на бурных студенческих вечеринках, просто смешивала водку с соком — так выпадало чаще всего, когда не было возможности заказывать каждому то, что он любит, и приходилось обходиться общими крепкими запасами. Лина же всегда предпочитала лёгкое пиво или сладкое шампанское. Проявив истинно девичью запасливость, подруга набрала в супермаркете кучу разных напитков в удобных баночках по 0,5 литра — специально, чтобы Лесь смог всё попробовать и выбрать то, что ему по душе. Парень сделал глоток из своей баночки, и на его лице на долю секунды отразилось такое сложное, диковинное выражение, что ведьма едва сдержала улыбку, а внутри приятно запульсировало чистым, удивлённым теплом зарока. Дух Нави впервые дегустировал плоды человеческой цивилизации, и это обещало стать началом очень длинной ночи.

В комнате весело и ненавязчиво звучала лёгкая музыка на фоне, создавая расслабленную атмосферу, пока ребята на кухне вели непринуждённую беседу. Алина, подогреваемая лёгким алкоголем и неуёмным девичьим любопытством, активно, без остановки расспрашивала загадочного гостя буквально обо всём, до чего могла додуматься.

— Ты правда работаешь лесником? — подперев щёку ладонью и кокетливо глядя на него, спросила она. — Почему вообще молодой, такой симпатичный парень выбрал для себя столь... специфичную профессию? В городе ведь столько возможностей!

— Мне просто нравится полное единение с природой, — спокойно отвечал он общими, обтекаемыми фразами, в точности выполняя просьбу ведьмы не болтать лишнего. — Там царят тишина и покой, которых здесь так не хватает.

— А вы с Мирой давно вообще познакомились? — наконец пошли более личные, прощупывающие вопросы. Глубоко в душе блондинка всё ещё не особо верила в то, что этот парень абсолютно безразличен скрытной подруге. Она искала подвох.

— Вообще-то, мы знакомы довольно давно, — внезапно отозвался тот, переводя мимолётный, заговорщический взгляд на ведьму.

Девушка от его слов аж воздухом подавилась, замерев с бутылочкой у губ. Она была крайне, до глубины души удивлена этим заявлением.

— Я знал её, когда она была ещё совсем малышкой, — вкрадчиво добавил Лесь, и в его изумрудных глазах на секунду промелькнуло что-то первобытное и глубокое.

— Это когда ещё?! — возмутилась та в полном непонимании, скрестив руки и в упор глядя на него.

— Ты просто этого уже не помнишь, — загадочно, одними уголками губ улыбнулся ей Лесной царь, мастерски и плавно соскальзывая с опасной темы.

— Так вы, получается, с самого детства знакомы?! — ошарашенно округлила глаза Лина. — Мирка, ну ты даёшь! И как ты вообще умудрилась его забыть? Такого парня — и стереть из памяти!

— Мы в те годы не так часто общались, — легко перехватил нить диалога Леший, спасая запутавшуюся ведьму от расспросов. — Да и любые детские воспоминания, как известно, весьма зыбки. Со временем стираются.

Девушка буквально вытаращилась на него, буравя взглядом его идеальное лицо. Внутри неё все мысли перепутались. Они что... они правда уже виделись в прошлом, задолго до того, как Сева привёз её в заимку?

— Ну, это меня даже немного обнадёживает, — весело рассмеялась Лина, делая хороший глоток из баночки. — А то, если честно, когда Мира на днях познакомила меня со своим братом, я уж было грешным делом подумала, что она скрывает от меня какое-то суровое криминальное прошлое. Сева меня знатно перепугал своими бинтами.

— Всеволод — славный малый, — спокойно произнёс Лесь, сознательно сделав акцент на правильном, сильном имени парня. Он старался максимально смягчить пугающий образ младшего брата ведьмы в глазах городской подружки, прекрасно понимая все её человеческие тревоги. — Очень сильно помогает мне в лесу. На него всегда можно положиться.

Мира, услышав, как Хозяин леса уважительно назвал брата Всеволодом, благодарно притихла. Злость на лешего окончательно уступила место глухому, ноющему раскаянию. Она мысленно корила себя за то, что на долгие пять лет оставила брата одного разгребать мистическое дерьмо, которое на него свалилось после смерти деда. Пусть сделала она это ненароком, по чистому неведению, но вина от этого совершенно не ощущалась легче. Теперь, когда морок спал, она была твёрдо обязана сделать всё, чтобы защитить Всеволода. Девушка сделала несколько быстрых глотков из своей бутылки, и алкоголь закончился.

— До дна! — весело стукнулась Алина своей баночкой с Лесем, призывая его осушить последние капли, чтобы наконец перейти к следующим, более интересным напиткам.

Взгляд ведьмы пристально скользнул по парню. Лесной дух вёл себя на удивление естественно: он беззаботно пил вместе с ними, охотно закусывал ресторанными роллами, мягко отвечал на бесконечные вопросы блондинки и, казалось, действительно искренне наслаждался этим моментом человеческого бытия.

— И всё-таки, неужели тебе совсем не скучно одному в этом твоём лесничестве? — спросила подружка, расставляя на столе новую порцию разноцветных баночек. — Чем ты там обычно занимаешься?

— Я никогда не бываю один, — заговорщически, с тихим рокотом отозвался Лесь, сделав очередной глоток. — Да и забот навалом.

— А, ну да, ты же сказал, тебе Сева помогает, — словно собственным мыслям кивнула Лина, подпирая подбородок. — А другие жители деревни к тебе часто ходят? От такого видного красавца наверняка отбоя нет от местных девок... Сознаться!

— Внимания мне всегда хватает, — отстранённо ответил тот, не вдаваясь в подробности.

Однако в контексте обычной кухонной беседы эта фраза прозвучала довольно двусмысленно и интригующе.

— Ну, это было вполне очевидно, — немного смущённо отозвалась подружка, кокетливо отведя глаза. — Такой парень просто физически не может быть одиноким.

Со стороны всё выглядело очень логично. Блондинка изящно и прозрачно намекала на главный вопрос — есть ли у него постоянная девушка, но Лесь ответил так, будто у него и впрямь кто-то есть. Даже Мира на секунду удивилась такой странной формулировке, однако быстро сообразила: этот дремучий динозавр, скорее всего, имеет в виду суседей, которые вечно трутся у него в заимке. Тем не менее на тесной кухне мгновенно запахло густой девичьей неловкостью. Алина явно почувствовала себя уязвлённой.

— Нужно немного проветриться, — осторожно подала голос ведьма, желая во что бы то ни стало разрядить эту душную обстановку.

Она поднялась из-за стола и пошла в ванную комнату, чтобы просто умыться лицо прохладной водой. Не было никакого мистического секрета в её хвалёном «ядерном желудке», которым почему-то так гордилась подружка. *«Просто нужно есть большие жирной пищи между глотками алкоголя, знать свою норму и вовремя пить чистую воду»*, — мысленно усмехнулась девушка, глядя в зеркало и понимая, что соседка от коктейлей уже пьянеет прямо на глазах.

Вещая вышла из ванной спустя пару минут, но ребят на кухне неожиданно не обнаружила. Наступила странная тишина. Мира повернулась в сторону спальни, чтобы узнать, почему они ушли из-за стола, но наткнулась взглядом на большое зеркало в прихожей, которое через полуоткрытую щель двери чётко отражало всё происходящее внутри тёмной комнаты. Лесь стоял у окна вместе с Линой. В полумраке и отражении их силуэты было практически не раз-

личить друг от друга — они стояли вплотную, почти сливаясь в единую тень. Казалось, парень наклонился к её лицу.

Девушка судорожно отвела взгляд, круто разворачиваясь обратно к кухне. Неприятное, липкое и обжигающее чувство ревности и злости заворачивалось глубоко внутри её груди. Она ведь русским языком просила его не сближаться с подружкой и не ломать её жизнь! Но для этого древнего, всемогущего духа, судя по всему, хрупкие человеческие чувства были лишь забавной, секундной игрушкой. Мира с силой опустила на своё прежнее место за столом, сердито взяла острую закуску и сделала несколько больших, резких глотков из своей новой бутылки.

Алкоголь обжёг горло, оставляя после себя терпкое, горячее послевкусие. Однако ровно через минуту дверь спальни тихо скрипнула. Ведьма мгновенно напряглась, крепче сжимая в пальцах стеклянное горлышко бутылки и внутренне готовясь выслушать привычные, кокетливые оправдания пьяной подружки — что-то в духе: «Ой, а чего ты тут одна сидишь? Мы просто увлеклись разговором, Лесь такой интересный...» Но, обернувшись, встретила взглядом только с лешим. Парень вошёл на кухню абсолютно бесшумно, его морок по-прежнему сидел на нём как влитой. Он спокойно, вальяжно опустился на свой стул прямо напротив Мира.

— Где Лина? — сухо спросила она, насторожившись всем телом. Девушка тревожно обернулась в сторону коридора, безуспешно ища подружку взглядом в полумраке квартиры.

— Спит, — чуть улыбнувшись самыми уголками губ, ровно произнёс Лесной царь, упираясь локтями в столешницу и в упор, не мигая, разглядывая девушку.

— Ты что с ней сделал, паразит? — возмущённо, яростно выпалила она, прекрасно зная, что блондинка не уснула бы просто так посреди вечеринки. Не так уж много алкоголя они успели выпить, чтобы её пробивная соседка внезапно отключилась прямо у окна.

— Да не переживай ты так за неё, — тихо усмехнулся парень, и его изумрудные глаза в тусклом свете кухонной лампы блеснули мягким золотом. — Она проснётся утром со свежей головой, как ни в чём не бывало, и даже решит, что сама ушла прилечь от усталости.

— Что? — ядовито съязвила ведьма, откидываясь на спинку стула и пряча за сарказмом бешено колотящееся сердце. — Не выдержал натиска женского внимания?

— Оно мне просто было ни к чему, — удивительно мягко, без тени прежней издёвки улыбнулся тот.

Лесь плавно потянулся вперёд через стол и своей рукой уверенно взял ту самую наполовину опустошённую бутылочку коктейля, которой ещё секунду назад девушка отчаянно глушила свою внезапную злость на него. Мира, буквально замерев и перестав дышать, во все глаза наблюдала за тем, как Хозяин леса спокойно подносит бутылку к своим губам и делает хороший, размеренный глоток. Она, конечно, никогда не была брезгливой, но это интимное, дерзкое зрелище на тесной кухне выглядело просто невыносимо двусмысленно.

— Вкусно, — довольно отозвался парень, опуская бутылку на стол и вновь встретившись с ней прямым, пронизывающим взглядом.

На кухне воцарилась густая, давящая тишина, нарушаемая лишь тихим тиканьем настенных часов. Велесов зарок между ними пульсировал сейчас так сильно, что девушка ощущала его буквально физически. Всё, о чём ещё пару минут назад отчаянно переживала ведьма, вмиг исчезло, испарившись под его пристальным, взглядом. Сейчас абсолютно все её мысли до самого последнего уголка были заняты только им. *«Что этот лесной паразит вообще вытворяет?»* — лихорадочно гадала она, заворожённо наблюдая за каждым его ленивым действием. — *«Какой у него план?»* В её привычном студенческом мире делить один напиток с кем-то из компании часто было делом обыденным, само собой разумеющимся. Но относилось ли это правило к Хозяину леса? Разве они с ним были уже достаточно близки для столь интимных человеческих жестов? Или же он сделал этот дерзкий шаг именно для того, чтобы показать ей, как глубоко он намерен проникнуть в её жизнь?

Девушка вдруг смущённо и резко отвела взгляд в сторону тёмного кухонного окна, поймав себя на крамольной мысли, что просто молча, беспардонно таращится на него уже какое-то время. Её щёки вновь опалило яростным румянцем. «Снова водит меня за нос, скотина глазастая?» — рассержено размышляла она, сжимая пальцы в замок. Леший от такой её бурной, открытой реакции лишь тихо, раскатисто усмехнулся. Он с полным комфортом поудобнее подпер голову рукой, облокотившись на столешницу, и не сводил с ведьмы своего пронизательного, гипнотического взгляда, словно читал её мысли как раскрытую книгу. Но когда Мира, собрав в кулак остатки своей гордости, вновь смело встретилась с ним взглядами, осторожно подалась корпусом вперёд через стол, с подозрением прищуривая свои тёмные глаза.

— Ты... ты пьян, что ли? — выдавила она, пристально вглядываясь в ровный, золотистый свет его зрачков.

От этих её нелепых слов есной царь искренне, раскатисто рассмеялся на всю пустую кухню. Его смех больше не пугал девушку, он звучал удивительно легко и по-человечески.

— Чтобы напоить меня до потери контроля, тебе понадобится гораздо больше хмеля, Вещая, — его вкрадчивый, низкий и бархатный голос сейчас звучал искренне довольным.

— Больно надо, — недовольно фыркнула она, картинно отворачиваясь. — Ты и трезвый творишь всякую дичь. Я просто искренне боюсь даже представить, как ты начнёшь бушевать, если хоть немного опьянеешь.

— Ты слишком плохого обо мне мнения, Мира, — лениво улыбнулся он ей, переводя взгляд на баночку между ними.

— Не слишком, — жёстко отрезала та, переводя дыхание и скрещивая руки на груди в привычном защитном жесте. — Или ты уже забыл, как угрожал мне смертью брата и моей собственной?

Лесь мгновенно замолчал. Его ленивая, ехидная усмешка в секунду сошла с красивых губ, а изумрудные глаза на мгновение потускнели, подёрнувшись той самой вековой, непреодолимой грустью, которую ведьма так боялась увидеть. Он опустил руку, о чём-то тяжело и глубоко размышляя под мерный стук настенных часов. Воздух на кухне Яви снова стал плотным, пахнущим озоном и хвоей.

— Прости, — очень тихим, глухим и поразительно искренним голосом отозвался он, медленно поднимая на девушку свой потяжелевший взгляд.

Ведьма оцепенела. Это простое человеческое слово из уст великого и грозного царя Нави прозвучало настолько оглушительно и неожиданно, что у неё в груди снова оборвалась какая-то важная струна. Оказывается, хранитель тайги тоже умеет признавать свои ошибки.

— Ну точно пьян, — ехидно отозвалась девушка, медленно, с наигранным подозрением окидывая его фигуру взглядом.

Она решительно подалась корпусом вперёд через узкий кухонный стол, сокращая расстояние. Лесь мгновенно замер, перестав дышать, и лишь внимательно, не мигая, наблюдал за каждым её мимолётным движением. А в следующую секунду она щёлкнула его пальцами по лбу. Точно так же, как он сам бесперемонно сделал это в прошлый раз. Но не успела Мира победоносно среагировать и убрать руку, как её тонкое запястье прямо в воздухе железной хваткой перехватил леший. Та от неожиданности вздрогнула, застыв в неудобном положении. Кажется, это вообще был самый первый раз за всё время, когда они сознательно, без морoka и принуждения, касались друг друга вот так. Вопреки её ожиданиям, кожа парня оказалась удивительно мягкой, гладкой и горячей, пронизанной живым человеческим теплом. Вещая с нарастающим недоумением смотрела на их переплетённые пальцы, а затем её блуждающий взгляд сфокусировался на лице Лесья. Она отчётливо, кожей ощущала его мерное, размеренное дыхание на своих пальцах, пока само время на тесной кухне будто окончательно застыло, растягивая этот миг в бесконечность.

В эту же секунду Мира отчётливо вспомнила ритуал зарока крови, где Лесной царь вот так же пугающе близко наклонялся к ней, касаясь губ. Однако ведьма совершенно не желала быть пойманной на глупом девичьем смущении. Она упрямо не хотела додумывать причины его странного поведения и уж тем более признавать, что этот дух имеет над ней хоть какую-то эмоциональную власть.

— Чертовски пьян, — повторила девушка чуть тише, силой воли возвращая голосу прежнюю твёрдость и беря себя в руки. — Глаза уже вон как блестят. Может, ты уже пойдёшь баиньки на свою раскладушку, Хозяин тайги? Время-то позднее.

— А ты пойдёшь со мной? — вкрадчиво, ровным и бархатным голосом спросил он, продолжая крепко удерживать её запястье и заглядывая ведьме прямо в душу с той самой невыносимой ехидной улыбкой.

— Ещё чего! Размечтался! — возмущённо выхватила она свою руку из его хватки, покрасневшись и недовольно ворча себе под нос.

Чтобы скрыть секундное замешательство и показать, что все его манипуляции и провокации для неё ровным счётом ничего не значат, Мира демонстративно потянулась к своей бутылочке коктейля и сделала один большой, уверенный глоток. Она упрямо держала лицо городской леди, которой всё нипочем. Лесь на эту её защитную реакцию лишь тихо, понимаяюще усмехнулся и сделал глубокий, тяжёлый вздох, откидываясь на спинку стула.

В полумраке тесной кухни стало совсем тихо, за окном затихал редкий ночной гул машин, и спать, на самом деле, совершенно не хотелось. Алкоголь приятно согревал изнутри, стирая острые углы и заставляя девушку расслабиться больше, чем она планировала.

— Ты сказал, мы уже были знакомы... — начала она робко, стараясь вернуть атмосфере нормальное, спокойное русло без искрящего напряжения. — Ты ведь просто соврал, чтобы запутать Лину, да?

— Нет, — мягко улыбнулся Леший, качнув головой. Его изумрудный взгляд в полумраке казался глубоким и чистым. — Это чистая правда.

— Но когда? — не унималась ведьма, подозрительно прищуриваясь и в упор сверля его взглядом.

— В детстве вы с братом слишком часто и беспечно бегали в лес, — начал он спокойно, и его голос зазвучал убаюкивающе, словно шелест листвы. — Будь то старое болото, кладбище за околицей или бескрайнее поле. Я всегда был рядом. Сидел на ветке ивы, оборачивался серым псом или просто шумел травой у твоих ног.

— Чёртов сталкер, — прыснула девушка недовольно, но внутри у неё все перевернулось от осознания, что невидимый защитник из её детских фантазий сидит прямо напротив неё.

— Кто-то же должен был присматривать за непослушными потомками вещего рода, — мягко, с лёгкой грустью улыбнулся он ей. — Ты была такой милой, забавной девочкой, Мира... И как же всё-таки жизнь несправедлива к людям. Куда только всё это делось?

— Ну-ка! — возмущённо цокнула она на его ехидное замечание.

Ведьма отлично видела, что парень всем сердцем наслаждается тем, как легко и непринуждённо ему удаётся задеть её за живое. Поддавшись азарту, она гордо вскинула подбородок, открыто и ехидно давая понять, что он лично пока совершенно не заслужил видеть её настоящую, мягкую сторону.

— Я умею быть милой, когда это действительно нужно и человек того стоит, — отрезала та, делая ещё один уверенный глоток из своей баночки. — Я ведь, в конце концов, всё-таки девушка.

Леший ничего не ответил на этот выпад. Его царская ухмылка медленно растаяла. Он просто замолчал, подперев подбородок ладонью, и мягко, неотрывно наблюдал за ней, словно впервые видел в этой колючей городской ведьме настоящую, хрупкую и ранимую девушку, которая так отчаянно дралась за своё право быть счастливой.

— Однако... наверное, я тоже должна извиниться, — робко, едва слышно начала она, несмело поднимая на него глаза. Накопленная за день городская броня окончательно осыпалась, уступая место чистой, звенящей искренности. — За своё поведение... и за деда.

Лесь медленно поднял на неё свой глубокий, любопытный взгляд, внимательно слушая каждое слово и перестав крутить в пальцах жестяную баночку.

— Он ведь тебе и соседям наверняка тоже знатно нервы потрепал за все эти годы своего упрямства, — сделала она тяжёлый, глубокий вдох, силой выталкивая из себя слова, которые так долго жгли её изнутри. — Из-за того, что он пил и трусливо бежал от зова Изнанки, вам всем приходилось страдать. И теперь мы... как его прямые потомки, обязаны взять на себя ответственность за свой род.

В негромком голосе девушки сейчас отчётливо, осязаемо звучала глухая грусть. Наблюдая за ней сегодня на протяжении всего этого долгого дня — в стенах шумного университета, среди толпы смеющихся студентов и в суете ресторанной кухни — леший впервые воочию увидел ту сторону её жизни, от которой ведьма так отчаянно, до слёз не хотела отказываться. Боги и впрямь поступали с ней безжалостно и жестоко, вырывая из привычного уюта и грубо вынуждая следовать высшей воле. Он прекрасно, как никто другой, это понимал. Но Хозяин Чёрного леса больше всего на свете хотел, чтобы эта строптивая городская девушка смогла наконец увидеть и совершенно другую, прекрасную сторону своей новой, пробуждённой жизни. Именно поэтому он и приехал в её мегаполис. Рискуя собственным мороком среди проводов и бетона, он планомерно, шаг за шагом вносил в её серые будни живую, первозданную магию — сначала через распустившуюся азалию, а теперь и через своё физическое присутствие. Он делал это лишь для того, чтобы она открылась этому миру всей своей израненной душой.

Сегодня они весь день непрерывно общались телепатически, минуя морок людей, и ведьма, сама того не замечая, охотно, легко держала эту ментальную связь. Её внутренний энергетический контур был полностью открыт навстречу его живице. И пусть она ещё совершенно не умела контролировать эти потоки наяву — это были их первые, самые важные шаги к её становлению полноценной, великой вещи рода. Парень отчаянно хотел, чтобы она приняла свою суть. Чтобы перестала забиваться в угол от паники и наконец увидела мир вокруг себя таким, каким его каждую секунду видит он сам — волшебным, дышащим, полным древних загадок и самых разнообразных, диковинных существ.

— Я всегда буду рядом, Мира, — удивительно тепло, ласково улыбнулся он ей и медленно поднял на неё свои сияющие изумрудные глаза, в которых больше не осталось ни капли прежней насмешливости. — Продолжу помогать учиться и буду оберегать тебя, где бы ты ни находилась. И в Яви, и в Нави.

Девушка смотрела на него не отрываясь, затаив дыхание и чувствуя, как что-то внутри наливается ровным, исцеляющим и горячим светом. На тесной кухне мегаполиса, после обычного ужина, невидимые нити Макоши окончательно связали их судьбы в один прочный, золотой узел. Кошмары больше не имели над ней прежней власти, ведь теперь за её спиной стояла вся нерушимая сила Чёрного леса.

Утром Алина проснулась как ни в чём не бывало, долго, недоуменно моргая и потирая заспанные глаза. Голова у неё, вопреки ожиданиям, была абсолютно свежей и лёгкой.

— Доброе утро, алкашня, — весело, с привычной подковыркой поддела её Мира, опираясь плечом о косяк.

Блондинка какое-то время потерянно осматривала спальню, пытаясь окончательно прийти в чувство и восстановить хронологию вчерашнего вечера.

— Что... произошло? — Лина растерянно взъерошила волосы. — Где Лесь?

— Уехал, — спокойно отозвалась ведьма, возвращаясь на кухню и садясь за столик с чашкой свежесваренного чая в руках.

— Как уехал?! — изумилась подруга, и остатки сна с неё мгновенно как рукой сняло. Она порывисто вскочила с кровати. — Когда?

— На первой утренней электричке, — усмехнулась девушка, наблюдая за её паникой. — Что? Память окончательно отшибло?

Мира говорила размеренно, но внутри напрягалась. Она очень осторожно прощупывала невидимые границы наложенного на подругу заклятья лешего. Пыталась понять, насколько плотно лёг ночной морок сна.

— Я что, реально вырубилась прямо посреди вечера? — блондинка тревожно схватила руками за голову, расхаживая по комнате. — Вот же дура! Ну а ты? Почему ты меня не растолкала? Чем вы тут таким без меня занимались?

— Попридержи коней, фантазёрка, — недовольно, с напускным раздражением отозвалась ведьма. — Ничем мы тут «таким» не занимались! Ты спала как убитая, зубами к стене. А выгнать парня посреди ночи на улицу я не могла же просто из вежливости. Пришлось сидеть и болтать с ним на кухне до самого рассвета. О природе, о погоде, о лесничестве его дурачком.

— Какой стыд! — заверещала подруга, забавно топая босыми ногами на месте. — Как мне теперь ему в глаза смотреть, если он снова приедет? Так глупо и позорно слиться в самый ответственный момент... Признавайся, — вдруг резко подскочила девушка к Мира, подозрительно прищуривая глаза и нависая над ней. — Ты мне подсыпала что-то в банку? Решила конкурентку устранить?

— Дура, что ли? — звонко, без злости шлёпнула она её ладонью по макушке. — Мне до этого лешего вообще никакого дела нет. Ещё я такой фигнёй в своей жизни не страдала. Напилась на радостях — так это теперь исключительно твой крест. Неси его с гордостью.

— Кошмааар... — продолжала сокрушаться и причитать подруга, уходя в прихожую в поисках расчёски.

Ей было безумно, невыносимо стыдно за то, что она просто взяла и так не вовремя уснула посреди вечеринки, которую сама же увлечённо и предложила. Девушка ни единой клеточкой своего существа не была в курсе, что здесь была задействована настоящая, сильная магия Изнанки. *«Интересно, а она вообще помнит хоть что-то из того момента, когда они вдвоём были в комнате у окна?»* — внезапно задалась этой жгучей мыслью Мира. Но тут же резко, с силой отмахнулась от лишних раздумий. На самом деле она дико, до дрожи не хотела знать ответ на вопрос, почему они тогда стояли там так пугающе близко и что конкретно делали в темноте... Но неприятное, липкое и колючее чувство ревности всё же ядовито заворочалось где-то глубоко внутри.

Лесь сказал, что просто усыпил девушку, однако он ни словом не уточнил, как именно это сделал и что происходило до того, как морок подействовал... Перед глазами ведьмы вдруг вспыхнул момент их собственного заключения зорока в заимке: его горячие пальцы на её щеке, его губы, слизывающие её кровь... *«Что если там, в спальне, тоже был какой-то похожий ритуал?»* Ведьма резко, со стуком поднялась со стула и стремительно направилась в ванную комнату, чтобы включить ледяную воду, умыться и любой ценой избавиться от этих дурацких, навязчивых мыслей. Ночь ушла, но леший прочно засел в её голове.

На самом деле, Мира не знала наверняка, уехал ли парень на первой электричке или снова задействовал какую-то свою пространственную магию, как тогда в заимке. Перед самым рассветом он просто бесшумно поднялся, накинул куртку и ушёл, коротко бросив, что ему пора возвращаться в свой лес. Девушка ожесточённо чистила зубы, свирепо глядя на себя в зеркало ванной, когда поймала себя на обжигающей мысли: *«Да какая вообще разница, где он сейчас? Почему меня вообще должно волновать, что эти двое делали в темноте спальни, пока я умывалась?»* Она гневно выплюнула мятную воду, а затем резко подняла взгляд на своё отражение и испуганно замерла. Ведьма пристально посмотрела себе прямо в зрачки, и в ту же секунду крупная, леденящая дрожь пробила её с ног до головы. Догадка, вспыхнувшая в

уме, была страшнее любого кошмара. *«Нет, нет, нет, нет... Только не это»*, — пульсировало в висках.

— Не смей! Слышишь меня? — яростно, едва слышно зашипела она сквозь зубы, угрожающе тыча пальцем в собственное отражение в зеркале. — Даже не вздумай, Яковлева! Соберись!

Она панически боялась даже мысленно произнести то, в чём сейчас так отчаянно упрекала себя. Больше всего на свете сейчас ей не нужны были никакие глупые, зарождающиеся девичьи чувства. И уж тем более — к древнему, опасному лесному духу.

— Он вредный, невыносимый, самовлюблённый эгоист! — продолжала она шёпотом перечислять обвинения, пытаясь силой воли привести свой запутавшийся разум в чувство. — Посланник карающих богов! Чёрт, который взял моё тело в заложники и шантажировал смертью брата!

Девушка злобно, методично перебирала в голове всё самое худшее, что она успела узнать о Хозяине леса за эти безумные дни, отчаянно выстраивая между ними новую психологическую стену. Ей нужно было защититься от его вкрадчивой искренности и мягкой ночной улыбки. С силой хлопнув дверью ванной комнаты, Мира вышла в коридор, тяжело дыша и больше ни одной секунды не желая возвращаться к этой запретной теме.

Однако, как бы сильно ведьма не хотела избежать этого момента, стремительно пролетевшая учебная неделя неумолимо подошла к концу, и настало время вновь вернуться в деревню на выходные. Алина очень долго, до самых дверей купе, настойчиво уговаривала взять её с собой, бурно возмущалась, что подруга снова коварно бросает её в душном городе одну в компании учебников, но девушка с трудом, но уверенно успокоила её, заверив, что лишь хочет проверить дела наследства и поскорее закрыть этот вопрос. Сева встретил сестру прямо на остановке. Парень выглядел чуть более собранным, чем в их прошлую встречу, но в его глазах всё ещё читалось напряжение.

— Ты как? — с явной, неподдельной тревогой тихо спросил он, бережно забирая у неё дорожную сумку.

— В смысле — как я? — искренне недоумевала ведьма, поправляя воротник куртки. — Как, по-твоему, я должна быть? Жива, здорова, сессию закрываю.

— Я про тени... — брат опасливо оглянулся на шумящих за их спинами прохожих. — Они не приходили к тебе в городе?

— Не было абсолютно никаких теней, — спокойно, уверенно отмахнулась она, решительно разворачиваясь к уже знакомой, едва заметной лесной тропинке, ведущей вглубь Чёрного леса.

— Но как? — искренне не унимался парень, быстро шагая следом за девушкой по влажному мху. — Совсем ни разу? Пробуждение родовых сил всегда, без исключений, привлекает из изнанки более тонких, голодных существ, желающих любой ценой завладеть ею. Мы для них как маяк.

— Ну... возможно, это из-за одного конкретного, крайне назойливого существа, который постоянно тёрся рядом? — в тоне её прозвучал самый не прикрытый, фирменный сарказм.

Эта внезапная мысль на секунду натолкнула её к тем самым ночным кухонным воспоминаниям, где Хозяин леса, смотря ей прямо в глаза, обещал всегда быть рядом и оберегать от любых опасностей. Но Мира мгновенно, сердито отмахнулась от этого тепла в груди, упрямо выстраивая ментальные блоки.

— Так значит, это правда, что вы теперь тренируетесь во снах? — спросил с неподдельным, почти детским любопытством брат. Его глаза на мгновение блеснули. — Помню, как мы с тобой тоже часто так лихо развлекались, строили целые замки из облаков...

— Угу, — спокойно и немного устало отозвалась девушка, аккуратно переступая через поваленные грозой сухие ветки. — Похоже, этот благоверный решил заняться нашей с тобой подготовкой к роли проводников всерьёз и надолго.

Ведьма сказала это тихо, свинцово-устало и в то же время будто окончательно смирившись с тем фактом, что нормальной, тихой человеческой жизни ей в ближайшее время точно не видать.

— Значит... значит, теперь мы снова вместе? Плечом к плечу, как раньше? — вдруг послышался робкий, но невероятно воодушевлённый голос сзади.

Девушка удивлённо оглянулась на брата через плечо. Парень изо всех сил пытался скрыть свои эмоции, спрятать лицо за отросшей чёлкой, но сестра отчётливо, без всякой магии видела — он искренне, безумно рад тому, что больше не одинок перед лицом пугающей Изнанки.

— Только у меня есть одно условие, — Мира резко остановилась посреди лесной тропы, круто развернулась к брату, подошла вплотную и с силой ткнула указательным пальцем прямо в его грудь. — Ты, Всеволод, с этого самого дня должен показать абсолютно всё, на что способен. Ты обязан выложиться на самый максимум, переступить через страх и доказать всему этому мифическому миру свою великую, подлинную ведьмачью суть. Ты больше не будешь жертвой. Понял меня?

Слова ведьмы, пропитанные её проснувшейся, весомой силой крады, заставили парня крупно вздрогнуть и замереть на месте. Он впервые в жизни слышал, чтобы сестра говорила с ним так пугающе серьёзно, властно и зрело. Они с самого детства всегда были горой друг за друга, никогда и никому из деревенских не прощали обид или оскорблений, но между собой никогда прежде не заводили таких глубоких, судьбоносных тем. Ему ничего больше не оставалось сделать против этого строгого, пронзительного взгляда девушки, кроме как покорно, но твёрдо кивнуть в знак согласия. Прямо над их головами кроны старых сосен Чёрного леса одобрительно, оглушительно зашумели, приветствуя возвращение своих истинных хозяев, а из густого тумана впереди, лениво опёршись о ствол клёна, со знакомой ухмылкой показался Лесь.

— Добро пожаловать домой, — мягко улыбнулся он Мире, плавно отрываясь от дерева и делая несколько неторопливых шагов к ней навстречу. Его изумрудные глаза в полумраке сосновой чащи блеснули затаённой, глубокой радостью от её возвращения. Но девушка, слишком хорошо, до малейших подробностей помня о той двусмысленной ночной пьянке на тесной городской кухне, изо всех сил держала себя в руках. Она была решительно настроена игнорировать любое странное, вкрадчивое поведение парня и упрямо держать между ними хотя бы эмоциональную дистанцию. Её сердце сделало предательский кульбит, но лицо осталось непроницаемым.

— Разве ж это место хоть чем-то похоже на нормальный дом? — усмехнулась она беззлобно, проходя мимо него и демонстративно перехватывая ремень маленькой сумки. — Скорее, какой-то странный транзитный отель посреди глухой тайги.

Леший на её колкость лишь тихо, понимающе хмыкнул, пропуская вперёд. Стоило ведьме переступить невидимый порог пространственной магии и оказаться в чистом коридоре заимки, как из глубины дома ей на шею порывисто, с тихим всплеском бросилась Купава. Русалка, соткавшаяся из прохладного воздуха, радостно что-то щебетала, крепко прижимаясь к девушке. От её свободной льняной рубахи и длинных болотных волос приятно пахло речной мятой и чистой озёрной водой.

— Мне казалось, с твоего уезда целая вечность прошла! — улыбалась она, слегка отстраняясь и виновато глядя на Миру за то, что в порыве радости совсем не сдержала своих бурных чувств. — Я так сильно скучала по тебе, Вещая! Без твоего огня заимка казалась пустой.

— Да ладно тебе, ты ещё точно успеешь устать от моего несносного характера, — искренне, тепло улыбнулась ей ведьма, чувствуя, как лёд в груди окончательно тает от этой чистой преданности суседей.

— Ой, а что это у вас там в большой сумке? — вдруг с детским, неподдельным любопытством заметила Водная дева, заворожённо оглядывая Всеволода, который как раз аккуратно заносил вещи сестры в прихожую. Её бездонные глаза, лишённые зрачков, весело заблестели.

— Это мои личные вещи, — мягко улыбнулась Мира, покосившись на брата. — Привезла себе пару комплектов одежды на всякий случай. Чтобы было в чём по лесу лазать.

Она слишком хорошо помнила свой прошлый позорный побег через форточку, когда её собственные приличные городские джинсы оказались безжалостно разодраны в клочья еловыми ветками, и ей пришлось буквально с боем отбирать спортивные штаны у брата. Наступать на те же грабли дважды девушка не собиралась.

— Человеческие?! Настоящие городские вещи?! — восторженно, едва ли не ультразвуком вскрикнула Купава, захлопав в ладоши прямо как маленькая девочка. Для существа, прожившего века в глухом омуте, современная мода мегаполиса была чем-то сродни инопланетным технологиям. — О боги, Мира, а можно мне хоть одним глазком на них посмотреть? Пожалуйста!

— Конечно можно, пошли скорее в мою комнату, я тебе всё покажу, — улыбалась та русалке, увлекая за собой по коридору в сторону гостевой спальни и радуясь возможности сбежать от пристального надзора лешего. Оставив мужчин в прихожей, девушки со смехом скрылись за дверью, и морок заимки бережно укутал их девичье уединение теплом, пока за окнами Чёрный лес медленно готовился ко сну.

Купава увлечённо рассматривала вещи, которые привезла с собой ведьма, бережно, с благоговением доставая их из дорожной сумки. Её тонкие, бледные пальцы с тихим шорохом скользили по незнакомым тканям. Среди этого скромного девичьего багажа были обычная пластиковая зубная щётка, мягкая хлопковая пижама с забавным принтом, пара плотных спортивных костюмов для лесных прогулок и аккуратное нижнее бельё. Для водной девы, чей человеческий век оборвался много столетий назад, всё это выглядело пугающе сложным, но невероятно притягательным.

— В моё время всё было намного проще, — залиvisto, как весенний ручей, рассмеялась Русалка, прикладывая к себе мягкую ткань пижамных штанов и крутясь перед зеркалом. — Одна рубаша изо льна от рождения до замужества, расшитая оберегами у ворота, — вот и вся девичья гордость. А у вас столько швов, пуговиц, застёжек... Как вы только не путаетесь во всём этом каждое утро?

Мира сидела на краю постели, поджав под себя ноги, и с мягкой, расслабленной улыбкой наблюдала за её искренним восторгом.

— Ты бывала в больших городах, Купава? — спросила девушка с неподдельным, искренним любопытством, подавшись чуть вперёд. — Ну, кроме того злополучного раза под железным мостом? За все эти века ты хоть раз подходила к человеческим поселениям близко?

Речная обитательница мгновенно замерла, опустив пижаму на колени, и её бездонные бледные глаза на секунду подёрнулись лёгкой, туманной дымкой воспоминаний.

— Бывала, Вещая, — тихо, со шуршанием камыша в голосе отозвалась она, садясь на ковёр прямо у ног ведьмы. — Тогда ваш город только-только начинал строиться. Он рос среди болот, и лад между нами тогда ещё держался. Простые люди — плотники, рыбаки, матросы — хоть и носили кресты на шее, но старую приграничную Навь глубоко уважали и побаивались. Они ослепительно ясно знали правила Окола. В тихие безлунные ночи мы часто приплывали к деревянным набережным, смотрели на огни первых каменных домов. Люди оставляли нам на причалах тайные дары — лоскуты ярких лент для кос, расшитые обережные платки, монетки

или краюху свежего хлеба, чтобы мы сети не путали и лодки не топили. Мы платили им за это чистой водой и полной рыбой рекой.

Купава тяжело вздохнула, и её пальцы судорожно сжались на льняном подоле собственной рубахи.

— Но потом... город стал стремительно расти, словно голодный каменный зверь. Дерево окончательно сменилось кирпичом, заводы одели берега в тяжёлый, глухой гранит, а реку сковали чугунные мосты. Люди напрочь забыли заветы предков, перестали уважать хозяев воды и начали безжалостно калечить русло — загонять мелкие речушки в подземные трубы, сливать мазут и яд со своих фабрик. Воздух стал пахнуть гарью, а от грохота железных машин у нас на дне омутов кружилась голова. Морок ослеп, истончился и начал рваться клочьями. Город стал для нас смертельной ловушкой, куда живой дух в здоровом уме никогда не сунется. Под тем мостом я оказалась лишь потому, что речное русло обмелело из-за бесконечныхстроек, и старая, ладная тропа Нави просто оборвалась, выбросив меня прямо в мазутную пену...

Ведьма слушала её тихую, горькую исповедь, и внутри снова ворохнулось то самое тяжёлое чувство ответственности. Она понимала, что для Купавы и остальных суседей этот огромный, сияющий неонем мегаполис был настоящим чудовищем, которое медленно, но верно пожирало их древний мир.

— А было что-то, что тебе искренне нравилось из человеческого мира? — спросила девушка осторожно, стараясь перенаправить мысли водной девы в более светлое русло. — Ну, может быть, какая-то еда, сладости или красивые украшения? Я ведь могу без проблем привезти тебе это в следующий раз, когда поеду в город на учёбу.

Девочка на секунду замерла с пижамой в руках и глубоко задумалась. Её бездонные бледные глаза медленно сфокусировались на коробке с вещами рядом, а на лице отразилась какая-то детская, чистая растерянность. Она слегка прикусила губу, перебирая в памяти осколки воспоминаний.

— Раньше... — тихо, со шуршанием камыша в голосе начала Купава, и её губы тронула слабая, мечтательная улыбка. — Раньше девки на Зелёные святки бросали в воду венки, а к ним привязывали ленты. Шёлковые, яркие — алые, как предрассветное солнце, и синие, как высокое небо. Мы их распускали и вплетали в свои волосы. До сих пор помню, какими они были гладкими на ощупь, совсем не такими, как болотная трава. Нам это очень нравилось. А ещё...

Она запнулась, бросив пугливый, но дико любопытный взгляд на дверь, словно боялась, что их подслушивает Лесь.

— Ещё в моём детстве, до реки, я один-единственный раз пробовала сладость у заезжего купца. Называлась... леденец на палочке. Он был сделан из вываренного мёда и патоки, прозрачный, как речной янтарь, и пах дикой малиной. Смертные говорили, что сейчас в ваших городах есть точно такие же петушки, только из сахара, и они разноцветные. Я веками мечтала снова попробовать этот вкус... Но сахар у людей ядовитый для нас, если в нём есть металлическая скверна городов. А если чистый, домашний — то это как мёд для души.

Мира искренне, тепло рассмеялась, чувствуя, как внутри разливается приятное облегчение. Для неё, привыкшей к сложным ресторанным десертам мегаполиса, обычный леденец на палочке казался чем-то до смешного примитивным. Но для этого застрявшего во времени существа он был высшим проявлением человеческого чуда.

— Будут тебе и ленты, и леденцы, Купава, обещаю, — мягко улыбнулась девушка, легонько коснувшись её прохладного плеча. — Найду самые чистые, без всякой химии, кондитерские лавки в городе.

Она с нарастающим, грустным любопытством разглядывала бледное лицо русалки. Под мороком заимки, без чёрной мазутной гнили, девочка выглядела совсем юной — на вид ей нельзя было дать больше четырнадцати лет. Тонкие ключицы, хрупкие плечи, детская округлость щёк. *«Как же это всё-таки чудовищно несправедливо, — со сжавшимся сердцем раз-*

мышляла ведьма, глядя на её тонкие пальцы. — *Умереть в таком возрасте... Сбежать в чёрную воду от старого старости. Совсем же ребёнок ещё, по нашим меркам. Сейчас в этом возрасте только в седьмой класс переходят и в куклы играют».*

— Мира, — вдруг обратилась та, прерывая её тяжёлые мысли и преданно заглядывая в глаза. — А что именно ты делаешь в своём огромном городе на этой... учёбе? Чему ты там учишься? Лесь рассказывал, что вокруг тебя в этих каменных стенах всегда очень много людей — и девушек, и парней.

— Это довольно сложно объяснить человеку из твоего времени, — замялась ведьма, потирая переносицу и пытаясь подобрать правильные слова. — Высшее филологическое образование подразумевает под собой много разных направлений. Мы изучаем и древние языки, и современную мировую литературу, и психологию, и педагогику...

Вещая посмотрела на замершую русалку и осеклась. На лице Купавы отразилось такое глухое, тотальное недоумение, что Мира поняла: все эти академические термины были для несчастного духа Нави слишком сложными, абстрактными и абсолютно непонятными. В XVIII веке девок грамоте не учили, а деревенский мир делился на пахоту, прялку да церковь.

— Если говорить вкратце и проще, — пояснила она, мягко улыбнувшись, — то в будущем, когда я сдам все зачёты и получу диплом, я стану учителем по русскому языку и литературе. Буду учить людей правильно говорить и писать.

— Но разве нужно специально обучать людей тому языку, на котором и так абсолютно все вокруг тебя с рождения говорят? — искренне ворчала Купава, забавно надув губы. — Ты будешь с маленькими глупыми детьми целыми днями заниматься? Учить их буквицам?

— Да не, — лениво отмахнулась ведьма, откидываясь на подушки. — Работать в школе я уж точно не планирую. Просто в нашем мире нужно получить хоть какое-то высшее образование, корочку, чтобы в будущем иметь возможность устроиться на нормальную работу в офисе и рассчитывать на повышение зарплаты.

— Тогда я совсем ничего не понимаю... Зачем добровольно тратить лучшие годы своей единственной жизни на то, чем ты даже не собираешься потом заниматься? — искренне не понимала Водная дева, растерянно качая головой. — Ты ведь тратишь на это столько своих драгоценных ведьмачьих сил, столько чистой энергии крады... Зачем?

— В современном мире ты можешь выучиться вообще всему, чему только захочешь, но это ещё далеко не значит, что ты будешь всю жизнь работать именно в этой сфере, — вздохнула Мира, отчаянно пытаясь объяснить ей законы капитализма самым понятным, примитивным языком. — Понимаешь, филология никогда не была моей целью или заветной мечтой. Я не грезил учебниками. Просто поступила туда, куда смогла пройти на бесплатное обучение по баллам для того, чтобы получить легальный повод навсегда уехать из нашей глухой деревни...

Она замолчала, глядя на свои ладони. Признание вышло горьким. Купава смотрела на неё с благоговением, считая вещь едва ли не полубогиней, а Мира на самом деле просто бежала от собственной сути, забывая голову чужой фонетикой.

— У тебя не было учителей? — спросила ведьма осторожно, пытаясь увести разговор от своего недавнего признания. — Никаких?

— Меня всему обучали мама с бабушкой, да старшие сёстры, — простодушно поясняла девочка, разглаживая ладонями пижамную ткань на коленях. — Братья с малых лет помогали отцу в кузнице, перенимали ремесло, а мы вели домашнее хозяйство, пряли, ткали да за огородом следили. А когда дошла очередь и до меня свататься...

Она на секунду задумалась, низко опуская голову, и её болотные волосы укутали лицо плотной шторкой. Вероятно, ей до сих пор было тяжело и больно вспоминать те далёкие, предсмертные времена человеческой жизни.

— Ты ведь явно старше меня... — вдруг переключилась Русалка, резко поднимая на девушку свои бездонные бледные глаза. — Расскажи, тебе самой не страшно было выходить замуж? Твой муж — он тоже колдун из города?

— Я не замужем, — растерянно и как-то виновато рассмеялась Мира. Но эти простые слова заставили девочку порывисто, в полном шоке податься вперёд, едва не выронив вещи на ковёр.

— Не обманываешь меня, Вещая? — искренне изумилась она, прижимая ладони к щекам. — Но почему?! Сколько же тебе лет?

— Двадцать... — ответила ведьма немного неуверенно под этим напористым детским взглядом. — По меркам твоего времени я, наверное, уже считалась бы старой девой абсолютно непригодной для хорошего замужества. Меня бы, небось, все за километр обходили.

— Но ты ведь такая красивая! — искренне возмущалась Водная дева, заглядывая ей в лицо. — Словно само рассветное солнце! Неужели во всём твоём огромном городе не нашлось ни одного достойного жениха, готового засыпать тебя дарами?

— В наше время всё совсем иначе, Купава. Девушки могут впервые выходить замуж хоть в тридцать, хоть в сорок, хоть в пятьдесят лет, — весело смеялась Мира, дивясь этой разительной разнице менталитетов. — Да и, честно говоря, достойных мужчин на моём пути пока как-то не встречалось... А выходить замуж за какого-нибудь сомнительного пройдоху или тирана, просто «лишь бы было», ради чужого одобрения — у меня никогда не было нужды.

— Я... я слышала краем уха об этих диковинных законах Яви от других суседей, но никогда не думала, что всё это — самая настоящая правда, — потрясённо отозвалась Русалка, во все глаза таращась на свою собеседницу, словно перед ней сидело существо с другой планеты. — Женщина... свободна выбирать? Сама? До пятидесяти зим? О боги, это же настоящее чудо...

Девушка улыбнулась, чувствуя, как между ними крепнет какая-то невидимая, тёплая ментальная связь девичьего понимания.

— Лучше скажи, — с любопытством поинтересовалась она, устраиваясь поудобнее на мягком покрывале. — А ты сама когда-нибудь раньше встречала других ведьм? Какие они вообще?

— Встречала одну... две, — ответила Купава, на секунду прекратив перебирать вещи. — Но те были совсем старыми... уже далеко за сотню.

— За сотню чего? — искренне недоумевала Мира, удивлённо приподняв бровья. — Лет? Человеческих лет? Это вообще биологически реально?

— Сильные колдуны и лесные знахари раньше всегда жили долго, — вспоминала девочка, и её голос зазвучал размеренно, как старая сказка. — А родовые ведьмы — ещё дольше, соединяя в себе плотную магию Яви и дикую силу Нави. Вы с братом, если узор не порвётся, тоже без труда проживёте гораздо больше ста лет. Боги всегда щедро благословляют долгой земной жизнью тех, кто преданно заслужил их высокое доверие своим тяжёлым трудом.

Эти простые, но весомые слова заставили девушку внутренне вздрогнув, вновь горько вспомнить о том, что её личная жизнь ей отныне больше не принадлежит. В каком-то смысле, если провести параллель с рассказом водной девы, её всё-таки насильно выдали замуж. Вот только не за конкретного, пусть даже и старого человека, а за всю эту бесконечную, пугающую изнанку Нави, от которой она так отчаянно бежала в мегаполис. Плата за силу — вечное служение у Пряхи.

— В твоём омуте... — осторожно и мягко спросила ведьма, стараясь отогнать душевные мысли о собственной доле. — Новые сёстры относятся к тебе хорошо? Не обижают?

Купава грустно, но ласково улыбнулась, качнув головой, и её болотные пряди мягко скользнули по плечам.

— Старшие русалки приняли меня как родную, Вещая. В омуте нет человеческой зависти или злости, мы все делим одну речную прохладу и поём одни песни. Но сейчас... сейчас на

дне реки стало слишком тревожно. Вода пахнет гарью, рыбыдохнут, а морок рвётся из-за человеческих машин. Сёстры прячутся в самых глубоких ямах под корягами и дико боятся, что железо заберёт и их жизни, как едва не забрало мою...

— А мужчина, который был с тобой в тот раз... — осторожно спросила девушка, стараясь говорить как можно мягче и не давить на Купаву. — Ну, огромный такой, с мощными руками, который вытащил тебя из подпола. Кто это? Твой брат?

Водная дева на секунду замерла, и в её бездонных, лишённых зрачков глазах плеснулась волна глубокой, искренней нежности.

— Это Бора, — тихо, с благоговейным придыханием прошелестела Купава, а её бледные щёки будто бы тронул едва заметный, призрачный румянец. — Он не из речного племени. Бора — омутный водяной из старого лесного озера, что лежит у самого подножия Чёрного городища. Он древнее и сильнее многих из нас.

Купава со вздохом сложила руки на груди, устремив взгляд в окно спальни.

— В тот страшный день под железным мостом, когда люди бросили трос и пустили по воде мазутную гниль, я думала, что это конец... Но Бора услышал мой предсмертный крик Нави через подземные ключи. Он пришёл прямо в человеческий город, прорвав морок, хотя для него эта грязь и грохот невыносимы. Он вытащил меня из мазутного омута на своих плечах, принял на себя часть ядовитого железа и напролом, через чужие дороги, принёс меня сюда, к Хозяину леса. Без него меня бы уже давно допили вороны на бетонной опоре. Бора суровый, дикий... но у него самое чистое сердце во всей озёрной изнанке.

Мира слушала её тихую, прерывистую исповедь, и в голове ведьмы окончательно сложился образ этого мощного духа воды, который так яростно дрался за жизнь маленькой русалки. Для этих существ понятия верности и долга оказались гораздо чище, чем для многих людей, которых девушка встречала в мегаполисе.

— Он... он сейчас в порядке? — с искренней, внезапно накотившей тревогой спросила девушка, подавшись вперёд. — Бора обращался к Лесю или к моему брату за помощью, раз тоже пострадал от этого ядовитого железа?

Она спрашивала об этом с замиранием сердца, потому что в тот безумный, пугающий день своего первого мистического пробуждения она помнила только израненную, истекающую гнилью Купаву в ванной комнате. О том, что огромный водяной тогда тоже был серьёзно ранен и принял на себя удар человеческого города, девушка до этого момента даже не догадывалась.

Купава грустно вздохнула и покачала головой, переводя взгляд на свои бледные ладошки.

— Бора слишком гордый и дикий, Мира. Водяные озёрного племени редко просят о помощи, — тихо прошелестела Русалка. — Когда он принёс меня на руках в заимку, его плечи и грудь были покрыты страшными чёрными ожогами от мазута, а от морока почти ничего не осталось. Но стоило Лесю забрать меня на исцеление, как Бора просто развернулся и ушёл обратно в своё Чёрное городище. Сева хотел побежать за ним с мазями, но Леший его остановил. Сказал, что Озёрный царь должен переболеть своей раной сам, в родной воде. Но я знаю... я чувствую через подземные ключи, что его раны до сих пор не затянулись. Озёрная вода сейчас слишком слабая, чтобы смыть тяжёлый городской яд.

Ведьма задумчиво прикусила губу, чувствуя, как внутри неё снова ворохнулось то самое щемящее чувство ответственности. Значит, где-то там, в глубине леса, страдал огромный дух, спасший эту маленькую русалку, пока она сама всё это время отчаянно бежала в город, забивая голову мёртвыми учебниками. От этой мысли внутри всё болезненно сжалось.

На Чёрный лес уже давно опустилась густая, глухая ночь. Яркие самоцветы на стенах, заменявшие электричество, лениво переливались, придавая атмосфере в заимке особую, таинственную глубину. Но сейчас весь этот привычный лесной уют напрочь затмевало липкое, давящее удушье. Отправив зябко зевающую Купаву спать в свою комнату, ведьма устало опустилась

на постель. Лёжа на спине и глядя в потолок, она закрыла глаза и полностью сконцентрировалась на Лесе. Она до дрожи хотела поговорить с ним прямо сейчас, но совершенно не знала, спит ли он в этот поздний час и вообще находится ли физически внутри заимки. Мира сделала глубокий вдох, впервые осознанно пытаясь мысленно нащупать его присутствие через их зарок крови, дотянуться до Хозяина леса своей невидимой рукой.

— *Не спится, ведьма?* — внезапно прозвучал в её голове знакомый, бархатный и слегка сонный рокот.

— Я... я тебя разбудила? — с мимолётной тревогой спросила она, невольно сжав пальцами край одеяла.

— *Я не спал,* — мягко, с затаённой усмешкой ответил парень. — *Что случилось, Вещая? Почему ты вдруг сама, добровольно решила коснуться моего сознания?*

— Ты ведь знаешь, о чём именно мы сегодня говорили с Купавой в моей спальне? — решительно сев на кровати и поджав под себя ноги, начала она гораздо серьёзнее.

— *Снова планируешь обвинить меня в наглом подслушивании?* — тихо усмехнулся он на той стороне ментального моста.

— Да пофиг мне на это, — резко брякнула та, отмахиваясь от его издёвок. — Ответь мне честно: это правда, что Бора всё ещё тяжело ранен и медленно увядает в своём озере? Почему ты до сих пор никак не помог ему? У тебя ведь есть разные мази и травы...

— *Я не могу заставить упряма переступить через гордость,* — удивительно спокойно, весомо отозвался Леший. — *Как и не могу силой стихии залечить срезы от стальных человеческих топоров на живой коре деревьев. Наш баланс устроен жёстко, Мира. Либо Бора справится со скверной города сам, либо время вышло, и на его место со временем придут новые, молодые побеги Нави.*

— И ты... ты готов вот так просто оставить всё как есть?! — вспыхнула изнутри девушка. — Он ведь спас Купаву! Принял на себя яд ради неё!

— *Чего ты от меня сейчас хочешь, Вещая? Хочешь насильно помочь ему?* — Лесь сделал паузу, и его мысленный голос стал серьёзнее. — *Ты не можешь навязывать окружающим духам свою человеческую доброту и сострадание, Мира. Природа дика. Так у Макоши благословения для своего рода точно не выпросить...*

— Да сдалось мне её благословение и все ваши боги в придачу! — порывисто брякнула ведьма, вскакивая с кровати на прохладный пол. — У меня до сих пор в ушах стоит тот его отчаянный крик... Бора так безумно переживал за русалку, хотя даже не был с ней толком знаком. И если этот озёрный великан из чистого принципа и гордости не хочет просить о помощи, тогда у меня для него очень плохие новости. Я от своих принципов тоже отворачиваться не собираюсь.

— *И что же ты планируешь делать?* — искренне, с нарастающим хищным интересом усмехнулся Лесной царь, горячо пульсируя в её мыслях. — *Ворваться посреди ночи в его владения, связать Хозяина озера по рукам и ногам и насильно вылечить? Спасибо он тебе за это точно не скажет...*

— Мне его «спасибо» и даром не надо, — гордо фыркнула девушка, упрямо вскидывая подбородок в темноте спальни. — Он совершил настоящее благое дело, спас ребёнка. Поэтому я хочу отблагодарить его, даже если он будет отмахиваться.

В мысленном контуре зарок на секунду воцарилась звенящая, напряжённая тишина. Лесь молчал, переваривая её дерзкий ультиматум. А затем его глубокий, довольный голос отчётливо выдохнул прямо в её голове:

— *Ладно, собирайся, Вещая. Я провожу тебя на Чёрное городище. Но учти, говорить с ним ты сама будешь. Раз это твоя идея, сама с этим старым ворчуном и разбирайся.*

— Не шутишь? — воодушевлённо, с замиранием сердца спросила ведьма, вскакивая с кровати. Но тут же замерла посреди комнаты. — Подожди, а как именно я помогу ему? Я ведь наяву ещё совсем ничего не умею... Травы не знаю, заговоры не учила.

В этот самый момент тяжёлая дубовая дверь её спальни с тихим, едва слышным шелестом открылась сама собой, и в комнату уверенно вошёл Лесь. Самоцветы на стенах мягко подсветили его высокую фигуру.

— Придумаешь что-нибудь по дороге, — усмехнулся он, вальяжно прислонившись к косяку и смотря девушке прямо в глаза. — Ты ведь как-то смогла исцелить Купаву на одних инстинктах, значит, и с Борой справишься. Твоя крада сама знает, что делать.

В этот момент девушка, вспыхнув от смущения и злости, яростно бросила в него подушкой, но парень, даже не изменившись в лице, ловко одной рукой перехватил её в паре сантиметров от своего носа.

— Как, по-твоему, за эти пару секунд я должна была собраться?! — зарычала она сквозь зубы, судорожно прижимая к себе спортивную кофту. — И не смей входить в мою комнату без стука, извращенец лесной!

Но леший на этот её привычный гневный выпад лишь тихо, раскатисто рассмеялся, возвращая подушку на кровать.

— Просто ты, городская леди, слишком медленная... — отозвался он, едва заметно наклоняя голову набок. — Для Изнанки секунда — это вечность.

— Выйди! — ледяным, не терпящим возражений тоном указала она ему пальцем на открытую дверь. — Мы отправимся тогда, когда я переоденусь!

Лесь лениво, с кошачьей грацией развернулся спиной, закрывая за собой дверь и закатывая глаза с лёгкой усмешкой. Эта строптивая девчонка забавляла его всё сильнее. А когда ведьма спустя пару минут наконец вышла в коридор, застёгивая плотный спортивный костюм, парень не стал тратить время на долгие сборы. Он плавно взмахнул рукой, и противоположная стена, которая, казалось, вела в самую глубь и тупик заимки, вдруг бесшумно разошлась в стороны, открывая проход наружу. Пространство снова изогнулось по его воле. Они шагнули прямо в ночную прохладу и направились в глубь чащи по узкой, едва заметной тропинке, известной только самому Хозяину леса. Из-за крошечной, глухой темноты вокруг и пугающих шорохов ночной тайги девушка, напрочь позабыв о своей гордости, старалась идти буквально впрытик к Хранителю. Она едва ли не наступала ему на пятки, ловя плечом шелест одеяния, чтобы ни в коем случае не потерять его силуэт из виду в этом чёрном океане сосен.

— Взять тебя за руку? — вкрадчиво, с тихим камышовым шорохом в голосе спросил парень, косясь на ведьму через плечо. — Или, может, снова на руках понести, городская девочка?

Он сделал слишком прозрачную и точную отсылку к их прошлому, ночному путешествию в лесу, отчего Мира в полумраке мгновенно, смущённо вспыхнула до самых ушей. Благо, под покровом темноты этого не было видно.

— Я не маленькая! — сердито выпалила она, упрямо нагоняя его и едва не врезаясь носом в его широкую спину. — Я просто... просто немного переживаю из-за дикого зверья. Вот и всё.

— Я тебе уже говорил, Вещая, — тихо усмехнувшись, Лесь продолжил свой размеренный путь, даже не пригибаясь под низкими еловыми лапами, которые сами послушно расступались перед ним. — Пока я рядом с тобой, тебе абсолютно нечего бояться в этой чаще. Весь этот лес — мой дом, а звери — мои подданные.

Девушка хотела было выдать в ответ какую-нибудь очередную едкую, защитную колкость, но все слова в одну секунду застряли у неё в горле. Резко расступившиеся перед ними исполинские деревья Чёрного леса открыли взору бескрайнюю, зеркальную водную гладь огромного ночного озера. Мира буквально затаила дыхание, замерев на месте. Под чистым, хрустальным

светом полной луны сейчас перед ней открывался просто неопиcуемый, фантастический вид. Озеро казалось бездонным чаном со светящимся жидким серебром. И больше всего её пора- жало то, что они шли от заимки всего каких-то несколько минут. Когда она блуждала в этом лесу одна в прошлый раз, часами видела перед собой только глухую одинаковую чашу и буре- лом. *«Вероятно, Леший снова использовал свою пространственную магию...»* — заморожённо размышляла она, переводя взгляд на неподвижную воду.

Парень смотрел на её потрясённое, подсвеченное луной лицо пару секунд, а затем молча развернулся, довольно усмехнувшись, и направился вниз по склону к самому берегу. Он подо- шёл к воде вплотную, грациозно присел на корточки и мягко, едва ощутимо коснулся водной глади кончиком пальца. По безупречному серебряному зеркалу озера мгновенно побежали идеальные, ровные круги.

— И что теперь? — осторожно спросила ведьма, подходя ближе, но останавливаясь в паре шагов от кромки воды и наблюдая за ним с неподдельным любопытством.

— Терпение, — мягко, почти ласково улыбнулся ей Лесь, медленно поднимаясь во весь рост. — Спешка — удел смертных. А Изнанка требует тишины.

Он замолчал, заложив руки за спину, и устремил свой ровный изумрудный взор на сере- дину озера, где вода вдруг начала медленно, зловеще темнеть, словно из самых глубин к поверхности поднималось что-то по-настоящему исполинское и тяжёлое.

Середина озера внезапно забурилась. Вода пошла тяжёлыми, пенистыми кругами. И в следующую секунду из самого сердца серебряной глубины бесшумно и величаво начала под- ниматься фигура. Бора предстал перед ними, будто сойдя со страниц древних летописей. Его плечи были шире, чем у лешего. На нём был накинут тяжёлый, мокрый кафтан из сплетённого озёрного камыша, который плотно, до самого горла закрывал его грудь. Дух Нави выглядел величественным и грозным, но Мира, благодаря Велесову зарок крови, отчётливо уловила, как тяжело и натужно вздымается эта мощная грудь под плотной тканью. Он прятал свои ожоги от мазута и раны от человеческого железа под одеждой, упрямо не желая показывать слабость перед Хозяином леса. Бора ступил на прибрежную отмель, и вода с глухим плеском отхлынула от его ног. Его лицо, изборождённое морщинами, как кора старого притопленного дуба, выра- жало крайнюю степень недовольства. Ведьма едва узнала его в этом обличье, казалось, будто лицо его состарилось на несколько десятков лет.

— Кого там ещё принесло в такую пору? — глухо, по-медвежьи заворчал он, и его низкий, рокошущий бас раскатился над озером, словно подземный гром. — Лесь, тебе что, в твоей замшелой заимке не спится? Какого чёрта ты баламутишь мою воду среди ночи? И...

Его огромные, мутные, как озёрное дно после бури, глаза замерли, сфокусировавшись на хрупкой фигуре Миры. Брови великана сердито сошлись на переносице, а борода из водо- рослей грозно колыхнулась.

— И зачем ты притащил в мои чертоги эту человеческую девчонку? — ещё пуще преж- него заворчал Озёрный царь, недовольно цокнув языком. — Пахнет от неё городом, суетой и бензиновым смрадом! Мои раки и так от этой вашей Яви стонут, а ты мне ещё и ведьму мало- летнюю на берег сажаешь! Уводи её отсюда, пока я девчонку в омут не утанул для острастки!

— Попридержи язык, Бора, — спокойно, со знакомой ленивой усмешкой отозвался Леший. — Это Мирослава — вещая Велесова рода. Она пришла к тебе с миром.

— Не нужны мне ваши миры и ваши ведьмы! — сердито отмахнулся огромной, покрытой перепонками ладонью великан, делая шаг назад в воду и явно пытаясь поскорее спровадить незваных гостей, пока они не заметили его увядания. — У меня в озере тишь да благодать, караси сыты, русалки спят. Шли бы вы отсюда подобру-поздорову, пока я окончательно не осерчал. Нечего тут высматривать!

Он круто развернулся, собираясь снова уйти на дно и скрыться в тумане, но Мира, видя, как этот упрямый дед из последних сил держит лицо и пытается скрыть своё страдание, решительно шагнула вперёд.

— Стой где стоишь, Старик! — порывисто крикнула ему девушка вслед, заставляя исполнского духа буквально вздрогнуть на месте от такой запредельной человеческой наглости.

Она решительно, размашистым шагом обошла замершего лешего и подошла к самому краю зыбкой кромки воды, бесстрашно смотря на грозного Водяного. Её крада внутри, казалось, встрепенулась, готовая поддержать этот безумный девичий бунт.

— Перед подданными своими будешь там выпендриваться и гордость свою строить, а передо мной не надо, — продолжала она уверенно, чеканя каждое слово.

Нахальные, дерзкие слова городской девчонки заставили Озёрного царя гневно, со свистом развернуться всем своим мощным корпусом, взбаламутив прибрежный ил. Леший позади неё лишь беззвучно, торжествующе усмехнулся, пряча лицо за длинным и широким рукавом. Ему определённо нравилось это зрелище.

— Ты спас маленькую Купаву, на своих руках принёс её в заимку к Лесю, чтобы вылечить и спасти от мазутной гнили, — перечисляла Мира, и её голос звучал скорее с жёстким, обвинительным тоном, чем с привычной земной благодарностью, — но ведь и сам при этом страшно пострадал от человеческого железа! Так почему не остался? Или что? Искренне считаешь меня не достойной своего великого внимания? Думал, я не узнаю? Так вот — я сама к тебе пришла!

— Мне это сейчас не слышится? — злобно, со скрежетом повернулся Водяной к бездействиющему лешему, указывая огромным перепончатым пальцем на нарушительницу спокойствия. — Что эта соплячка себе позволяет в моих чертогах?! Я — царь этих глубин!

— Я тут, если честно, просто как сторонний наблюдатель, — примирительно усмехнулся Лесь, лениво поднимая раскрытые ладони вверх в знак абсолютного мира. — Разбирайтесь сами. Ведьма была крайне расстроена и задета тем фактом, что ты так высокомерно отказался от её помощи...

— Я не расстроена! — резко перебила его девушка, даже не оборачиваясь. — Я в самом настоящем гневе! Когда дело напрямую касается прорывов Яви и человеческого яда, у тебя, Бора, нет никакого единоличного права решать, чего ты там хочешь, а чего нет!

Она беззлобно, но чертовски сердито тыкала в грудь Водяного указательным пальцем через разделявшее их расстояние, буквально сверля его древесное лицо яростным взглядом.

— Ты пришёл, просил за русалку, требовал исцеления, а затем просто взял и гордо ушёл на дно! Так дела не делаются! Купава — моя близкая подруга, и ты не имеешь права оставлять меня в должниках, это как минимум жутко грубо. На благо в моём мире принято всегда платить благом! Именно поэтому я здесь посреди ночи! Чтобы вернуть тебе то, что ты потерял из-за человеческой жестокости.

Могучий озёрный великан смотрел на стоящую перед ним ведьму в спортивном костюме, буквально широко раскрыв рот от изумления. Она была настолько нахальна, напориста и абсолютно бесстрашна перед лицом древней магии, что у него, грозы этих вод, просто на секунду не нашлось слов. Эта смертная девчонка действительно на полном серьёзе обвиняла его сейчас в том, что он своим уходом не дал ей возможности отблагодарить его за спасение ребёнка? В следующую секунду водяной закинул голову назад и громко, раскатисто рассмеялся на всём Чёрном городище, до конца не веря своим собственным ушам. Его мощный хохот поднял на озере целую волну серебряных брызг, эхом отрываясь от вековых сосен.

Закончив громогласно смеяться, Бора сделал глубокий вдох, шумно переводя дыхание и утирая перепончатой ладонью выступившие от хохота слёзы.

— Забавно. И как же эта маленькая человеческая девочка собирается мне помочь? — Озёрный царь встретился с лешим ехидным, понимающим взглядом, кивая на Миру. — Судя по её блёклой краде наяву, сил в ней сейчас не так много, чтобы справиться с ядом городов...

— Во-первых, будь добр, говори со мной напрямую, — смотря прямо в мутные глаза Водяному, вновь яростно привлекла она к себе всё внимание. — Не смотри на этого лешего, я сама за себя и за свои поступки отвечаю. Во-вторых, я же излечила Купаву от той же мазутной гнили, значит, и тебя смогу. Насильно, если придётся.

Это новое самоуверенное заявление вновь заставило водяного коротко, раскатисто рассмеяться. Он покачал головой, и тина в его бороде зашевелилась.

— Хочешь заслужить моё личное внимание и признание, ведьма? — недобро усмехнулся великан, сужая зрачки. — Почему я вообще должен тебе верить? Ты в этих местах никто, и звать тебя никак. Одна лишь Велесова кровь в твоих жилах не даёт тебе права указывать мне, хозяину глубин, что делать на моём берегу. Но ты смогла искренне рассмешить меня, поэтому я так и быть отпущу тебя сегодня с миром. Но если ты завалишься в мои владения снова без спроса...

Он не успел договорить свою грозную тираду до конца, потому что девушка тут же круто развернулась к нему спиной, полностью, демонстративно игнорируя его очевидную великанскую угрозу. Она сделала два быстрых шага к замершему лешему и уставилась на него, сверля требовательным взглядом.

— Вытолкни меня, — решительно и твёрдо обратилась ведьма к нему, сжимая кулаки. — Как тогда, в ванной...

— Ты смеешь грубить мне и поворачиваться спиной, девчонка?! — громоподобно рявкнул оскорблённый Водяной от такого вопиющего пренебрежения. Вода у его ног закипела мелкими пузырями.

Однако Лесь уже принял своё окончательное решение. Мира была настроена воинствующе, гордо и бескомпромиссно, поэтому он не стал с ней спорить или читать нотации. Парень просто всем своим нутром, каждой вековой клеточкой своего существа и горящим зарокотом крови чувствовал, как бешено, ослепительно горит сейчас внутри неё пробуждённая крада. Её земной разум наяву блокировал силу, но её дух рвался в бой. Большая, прохладная рука лешего мягко, бережно легла девушке на макушку, успокаивая её внутренний шторм, а тёплая улыбка тронула его красивые губы. Лесной царь всем своим видом и немигающим взглядом безмолвно говорил, что полностью, безоговорочно поддерживает её в этом безумном порыве. А в следующую секунду сознание ведьмы помутилось на долю секунды. Пространство Чёрного городища смазлось, законы физики Яви с тихим хлопком лопнули, и её чистый, сияющий багровым огнём дух оказался вне плотного физического тела.

Обмякшую земную оболочку в спортивном костюме уже бережно, надёжно держал в своих сильных руках Хозяин леса. Мира зависла над серебряной кромкой воды. Теперь, без ограничений человеческого мозга, она ослепительно ясно видела изнанку этого мира. Девушка посмотрела на Бору и содрогнулась: сквозь плотный камышовый кафтан великана отчётливо проступали страшные, разъедающие суть чёрные полосы городского мазута, которые медленно выжигали его древнее сердце.

— Совсем дурной, что ли?! — яростно рявкнула ведьма на Хозяина озера, подлетая к его лицу так близко, что её багровая крада едва не опалила его водорослевую бороду. — Тебя ведь этот яд заживо, изнутри разъедает! Чего ты тут кичишься своей вековой спесью?!

— Не твоё это собачье дело! — грубо, пытаясь из последних сил сохранить суровый, царственный вид, отмахнулся великан.

Однако в глубине его мутных, озёрных глаз плеснулся самый настоящий шок. Бора был до глубины души поражен и раздавлен тем, что этой соплячке удалось с лёгкостью увидеть сквозь морок кафтана то, что он так тщательно прятал даже от проницательного лешего.

— Нет, это теперь как раз моё дело! — ловко обогнув его по воздуху наперерез и зависнув прямо перед его носом, уставилась Мира ему прямо в глаза. — На мне отныне лежит кровная обязанность лечить суседей! Всех без исключения, понял?! Ты что, пытаешься меня перед лицом Макоши подставить и узел её на мне затянуть? Или ты специально, из принципа хочешь уйти из жизни? Не подумал, что тогда станет с твоими подданными — с русалками, с раками, с карасями, рыба ты сушёная?! Ты — царь! Так и веди себя как подобает царю, а не как упрямый, обиженный мальчишка!

— Как... как ты меня сейчас обозвала, нахалка?! — от такого запредельного, неслыханного оскорбления утробно, со свистом рывкнул ей в лицо Водяной. — Жить надоело?! Умереть прямо здесь хочешь?!

— Ничего ты мне сейчас не сделаешь, — дерзко усмехнулась ведьма, сознательно, расчётливо выводя древнего духа из остатков равновесия. Она плавно опустилась призрачными ногами на серебряную водную гладь и упрямо скрестила руки на груди. — Ты сейчас из-за этого мазута настолько ослаб, что даже мелкому головастику безвреден. Твоя магия увядает.

— Убери свои ноги с моей священной воды и проваливай в свою каменную Явь! — шипел ей в лицо Бора, и вода вокруг него пошла злыми, грязными пузырями.

Но Мира в ответ лишь демонстративно, с громким, искрящимся плеском провалилась под воду по самое колено, самодовольно и вызывающе смотря Водяному прямо в глаза. Она была вещей, и морок озёрных глубин подчинялся её воле так же, как и Дрённое царство снов.

— Мерзавка... — удивлённо, растерянно и одновременно раздражённо отозвался великан, окончательно шокированный её чистейшим, праведным сумасшествием.

— Я не уйду отсюда до тех пор, пока ты полностью не примешь мои условия, — строго, леденящим тоном отчеканила ведьма. — Не согласишься — я устрою тебе здесь «сладкую жизнь». Вбаламучу тебе всё озеро от берега до берега, прорвусь сквозь морок в твой потайной дом и переверну там всё вверх дном! Я буду донимать тебя круглыми сутками, пока у тебя голова от моего крика не опухнет. И поймать ты меня не сможешь.

Девушка сделала выразительную паузу, с вызовом смотря на ошеломлённого водного владыку, а затем вдруг резко, рыбьим кульбитом провалилась под толщу воды, уходя на глубину и наглядно доказывая, что её угрозы — далеко не пустые человеческие слова.

— А ну стоять, девка! — взревел Водяной и с оглушительным, исполинским всплеском сиганул под воду прямо за ней следом.

Мира стремительно скользила сквозь тёмную, прохладную толщу, словно вода озера Чёрного городища всю жизнь была её родной, естественной стихией. Озеро под мороком казалось просто бездонным, уходящим в бесконечные подземные провалы Нави.

— Не смей буяннить и колдовать в моих водах! — глухо, с водяным эхом кричал ей догоняющий Бора.

Девушка резко остановилась в толще воды и плавно развернулась, готовая дать отпор. Но стоило ей сфокусировать взгляд на Хозяине глубин, как вода застряла у неё в груди. Прямо перед ней разворачивалось пугающее зрелище. На этой стороне изнанки, в родной среде, внешность духов Нави была текучей и изменчивой. Над водой водяной выглядел как дряхлый, ворчливый старик лишь потому, что из-за отравления человеческим мазутом у него просто не хватало сил поддерживать свой более молодой, мощный облик. А сейчас, когда Бора был доведён до точки кипения и охвачен первобытной яростью, его облик стремительно, пугающе менялся, становясь зловещим и по-настоящему хтоническим, как в самых жутких ночных кошмарах.

Камышовый кафтан на нём с хрустом разорвался, обнажая тело. Его кожа из бледно-иловой превратилась в иссиня-чёрную, покрытую скользкой чешуёй и острыми, как бритва, плавниками. Лицо Бора вытянулось, напоминая морду гигантского доисторического ящера или глубоководного хищника; зубы в пасти отросли в три ряда острых, иглоподобных клыков, а мутные глаза вспыхнули фосфоресцирующим, мертво-белым светом. И самое жуткое —

прямо на его широкой, чешуйчатой груди, теперь в открытой воде, пульсировала огромная, уродливая язва. Мазутная скверна въелась глубоко в его плоть, светясь ядовито-зелёными гниlostными искрами и медленно, но верно пожирая сердце Озёрного царя изнутри. Бора выглядел как карающее чудовище глубин, способное разорвать её дух на куски, но эта страшная, смертоносная рана на его груди кричала о помощи сильнее, чем его грозный рёв.

Монстр рванулся к ней, рассекая толщу воды и щёлкая рядами иглоподобных клыков, но Мира, вскинув руки в самый последний момент, резко выдернула их обоих из озёрных глубин. Изнанка пространства подчинилась её ведьмачьей воле: она перенесла их обоих в бескрайние, засушливые пески пустыни, прямо под палящее, безжалостное солнце. Водяной в тот же миг с тяжёлым глухим стуком плюхнулся на раскалённый песок. Слеплённый непривычно ярким светом, он судорожно протирал глаза перепончатыми ладонями, пытаясь привыкнуть к удушливому мареву.

— В чьи... в чьи проклятые владения ты меня затащила, девчонка? — недовольно, хрипло ворчал мужчина.

Его мощная грудь нервно, глубоко вздымалась. Воздух здесь был раскалённым, сухим и безжизненным, заставляя его жабры сходить с ума от жажды и буквально сжиматься в спазме.

— Нравится? — горько усмехнулась ведьма, зависнув над барханами в своём призрачном обличье. — Это наглядная картина того, во что неминуемо превратятся твои земли, если останутся без своего водного владыки. Красота, правда? Смотри внимательно.

Бора, преодолевая физическую слабость, медленно скользил тяжёлым взглядом по горизонту, где до самого края земли не было ни единой капли влаги, ни малейшего намёка на спасительную тень. Он тяжело, с трудом поднялся на ноги. Под воздействием раскалённого воздуха его хтонический облик хищника глубин начал стремительно таять: чешуя поблёкла, клыки спрятались, и он постепенно вернул себе прежний, более человеческий облик седого великана в порванном кафтане. Он брезгливо стряхнул с рук горячий, рассыпающийся песок, до глубины души поражённый увиденным зрелищем. Древнее сердце Водяного дрогнуло. За всю свою жизнь он впервые видел нечто настолько жуткое и противоестественное для его сути.

— Это кладбище... — тихо, весомо отозвалась ведьма, заставляя мужчину перевести на неё удивлённый, растерянный взгляд. — Всё то, что сейчас находится у тебя под ногами.

Её взгляд был прямым, немигающим, а тон голоса оставался пугающе ровным. Водяной медленно посмотрел вниз, на жёлтые песчинки. То, во что за миллионы лет превратились останки древних подводных существ, ракушек и кораллов, мёртвым ковром тянулось здесь от края до края горизонта. Живая вода ушла отсюда очень и очень давно.

— Это... это тоже дело рук твоего племени? — тихо, с глубокой ноткой затаённой грусти спросил мужчина, сжимая кулаки.

— Нет, — спокойно ответила Мира, качнув головой. — Вернее будет сказать, что это случилось так давно, что у современного человечества даже не осталось об этом ни одного письменного упоминания. Но то, что раньше на этом самом месте бушевали бескрайние, могучие воды — в этом нет никаких сомнений. Жизнь уходит, Бора, если за неё не бороться.

Водяной оглушённо молчал, переваривая всё, что девушка только что сказала ему и так безжалостно показала на изнанке миров. А в следующую секунду её тёплая рука внезапно, беззвучно опустилась ему прямо на плечо, заставляя великана крупно вздрогнуть от неожиданности. Мира не стала тратить время на уговоры. Она резко приложила свои пальцы к его гноящейся мазутной язве на груди и, заставив волю подчиниться, буквально запустила ногти глубоко в его плотную, чешуйчатую плоть. Мужчина утробно, дико вскрикнул от пронзительной боли, но вещая не останавливалась ни на секунду. Её крада вспыхнула чистым багровым пламенем. Опираясь на сухой воздух пустыни, который сжигал мазут, она физически вычерпывала чёрную липкую гниль из его ран своими руками, запуская пальцы всё глубже и глубже в

его поражённую городским ядом суть. Она буквально вырывала скверну из его волокон, сбрасывая чёрные хлопья на горячий песок, где они мгновенно высыхали и превращались в прах.

Когда ведьма наконец закончила эту страшную, принудительную чистку, огромный водяной тяжело, хрипло дышал, едва удерживаясь на ногах. Его кожа полностью высохла и покрылась трещинами под этим палящим солнцем, а по лбу крупными каплями скатывался пот — то ли от невыносимой жары, то ли от колоссального болевого стресса. Его тело ощутимо лихорадило. А в следующую секунду из раскрытых ладоней ведьмы полился ровный, густой и прохладный свет. Магия мягко окутала грудь Бора, на глазах затягивая разорванные края кожи и восстанавливая повреждённую структуру его водной сути. Водяной с немим изумлением и благоговением смотрел на девушку перед собой, которая прямо сейчас, не жалея себя, отдавала ему последние капли своих ведьмачьих сил.

Они с тихим шелестом переместились обратно на прохладный берег ночного озера, и Мира с тяжёлым вздохом бессильно плюхнулась на землю. Её призрачный дух был полностью истощён: она тяжело, прерывисто дышала, сидя прямо на мокром песке и бессильно запрокинув голову назад, к звёздам.

— Хорошая работа, — тихий, удивительно мягкий и глубокий голос лешего над самым ухом заставил её заставить себя открыть глаза.

Она лениво, с огромным трудом подняла руку и показала ему большой палец, победоносно и гордо улыбаясь без лишних слов. Но её взгляд тут же скользнул по сторонам, и она быстро заметила, что в сильных руках парня больше не было её обмякшего физического тела. Прибрежная трава была пуста.

— Ты куда его дел? — спросила она удивлённо, лихорадочно оглядываясь вокруг.

— Уложил спать в твоей комнате, — совершенно спокойно и обыденно ответил тот.

Мира уже набрала в лёгкие воздуха, чтобы выдать ему гневную, яростную тираду по поводу неприкосновенности её тела, но к ним тяжело подошёл Бора, прерывая на полуслове. Разорванный кафтан оголял чешую на груди, блестящую первозданной чистотой, где свет крады окончательно затянул страшную язву.

— Благодарю тебя, Вещая, — глухо, с какой-то непривычной ноткой затаённой грусти обратился он напрямую к девушке. По его суровому лицу было отчётливо видно, что эти простые слова признания дались гордому Озёрному царю невероятно непросто.

— Это я должна благодарить тебя, Бора, — искренне отозвалась ведьма, поднимаясь на ноги и смело заглядывая великану прямо в его мутные глаза. — Ты бесстрашно спас Купаву от человеческого яда, поэтому я просто не могла оставить всё как есть.

Сейчас тон её голоса, лишённый прежнего яда, звучал действительно благодарно, уважительно и кристально искренне. Водяной молча, весомо кивнул ей на прощание и без лишних слов развернулся, медленно, плавно погружаясь обратно в свои пучины Чёрного городища. Девушка замороженно проводила его силуэт взглядом до тех пор, пока идеальная зеркальная поверхность воды вновь не стала абсолютно ровной.

— Идём домой, Вещая, — со странной, непривычно нежной улыбкой обратился Леший, плавно кладя свою тяжёлую, тёплую руку ей на плечо. — Тебе нужно отдохнуть.

Мира повернулась немного неохотно, убирая его ладонь, но всё же послушно последовала за ним обратно в чашу.

— Как же ты узнала, что Бора мгновенно ослабнет именно в засушливых песках? — спросил он с неподдельным, искренним любопытством, пока они шли сквозь крошечный ночной лес. Было очевидно, что Лесь, благодаря их Велесову зарок крови, вновь неотрывно смотрел за всем происходящим в пустыне прямо через её глаза.

— Ну, он же рыба, — лениво, уставшим голосом отозвалась девушка, пожимая плечами.
— Рыба без воды сохнет. Это было логично...

— «Рыба»... — парень от такого примитивного сравнения хтонического монстра внезапно прыснул со смеху, качая головой. — Только ты могла со всей своей городской дурью сказать такое великому владыке древних вод прямо в лицо.

— С грубиянами и упрямыми стариками нужно общаться исключительно на их собственном языке, иначе они тебя просто не будут воспринимать всерьёз, — спокойно отозвалась ведьма, а затем резко, призрачной вспышкой облетела лешего наперерез, преградив ему путь и зависнув прямо перед лицом. — А ну-ка признавайся! Ты меня специально на растерзание этому хозяину глубин бросил? Стоял на берегу и развлекался?!

— Вообще-то, это ты меня бросила на берегу, а не я тебя, — мягко, обворожительно улыбнулся парень, останавливаясь и заглядывая девушке прямо в глаза. — Сиганула в его подводные владения, даже не спросив меня. Совсем сумасшедшая?

— А что? — стала она мгновенно серьёзнее, и её призрачный багровый контур крады чуть ярче заискрился в темноте. — Твоя магия там не работает?

Ведьма быстро, лихорадочно соображала, выстраивая новую картину мира изнанки: *«Если Леший — полноправный хозяин исключительно лесов и суши, может ли он вообще хоть что-то сделать или приказать под водой? Там ведь чужая вотчина».*

— Просто... никогда больше не делай так, Мира, — тяжело, со свистом вздохнув, ответил Лесной царь, и его изумрудный взгляд стал непривычно тёмным и глубоким. — Это как минимум грубо по законам Нави — вот так, без приглашения врваться на чужую территорию. В этот раз тебе просто крупно повезло, Бора был слишком слаб от мазута. Но любой другой хозяин земель вправе на месте уничтожить столь наглого нарушителя своего спокойствия. Пожалуйста, не заставляй меня больше так сильно за тебя переживать...

Его неожиданный, пугающе серьёзный тон, этот прямой, беззащитно-честный взгляд и признание в тревоге заставили девушку растеряться. Она почувствовала, как по щекам разливается жар смущения, и поспешно, неловко отвернулась от него в сторону деревьев. Стена дистанции между ведьмой и духом снова дала глубокую трещину.

— Просто ты боишься моего величия, — в своей привычной оборонительной манере съязвила она, окончательно беря растревоженные чувства в ежовые рукавица. Девушка гордо вскинула подбородок и уверенно пошла вперёд по невидимой тропе. — Скоро обо мне начнут слагать легенды, вот увидишь, Лесной царь. Будешь потом просить аудиенции у великой вещи.

Лесь шёл за ней следом на расстоянии полушага, ни на единое мгновение не сводя своего потяжелевшего взгляда с её полупрозрачного багрового силуэта. Его искренне, до глубины души умиляло то, как эта девчонка сейчас по-детски хвасталась перед ним исцелением древнего, грозного водяного. В его груди медленно растекалось странное, давно забытое тепло. Мира сегодня наконец-то полностью приняла свою истинную суть. Она перестала бежать от изнанки Нави и даже использовала свой статус ведьмы в качестве главного, неоспоримого аргумента перед Борой. Её родовая сила росла пропорционально собственной уверенности в себе.

Когда они наконец подошли к покосившейся заимки, бревенчатые стены её привычно, послушно разошлись в стороны, беззвучно пропуская внутрь. Пространство морока изогнулось, и они тут же, минуя бесконечные галереи коридоров, оказались напрямиком в комнате девушки. Ведьма плавно подлетела к своему собственному физическому телу, застыв над ним и внимательно, скрупулёзно разглядывая. Её изнутри мучительно терзало подозрительное девичье любопытство: не сделал ли этот невыносимый леший чего-нибудь лишнего ненароком, если верить его недавним словам о переживаниях? Но её земная оболочка в плотном спортивном костюме была безупречно аккуратно, бережно уложена на мягкую кровать.

— Выспись как следует, ведьма, — тихо усмехнувшись, прошёл парень к дубовой двери спальни. — Завтра днём мы с тобой снова пойдём вглубь леса.

— Зачем? — с явным любопытством спросила она, разворачиваясь в воздухе и провожая его фигуру пристальным взглядом.

— Буду знакомить тебя со всеми своими бескрайними владениями, — загадочно, с тихим шелестом камыша отозвался Леший и бесшумно вышел в коридор, прикрыв за собой дверь.

Мира так и осталась неподвижно висеть над своим физическим телом, замороженно разглядывая своё собственное умиротворённое, бледное лицо. В памяти яркой вспышкой всплыл тот момент у берега озера, когда Лесь мягко положил ей свою руку на голову перед выходом духа. Она лихорадочно размышляла, почему этот дикий правитель чащи так легко, без оглядки доверился ей. Особенно если он действительно не смог бы ничего предпринять или защитить её в подводных владениях Боры? *«Он правда... переживал за меня?»* — задумалась девушка, со сжавшимся сердцем вспоминая его серьёзный, потемневший взгляд. Она резко, сердито мотнула призрачной головой, отчаянно отгоняя прочь эти глупые мысли, но они всё равно навязчиво, нагло лезли в сознание. *«Он ведь специально уложил меня здесь, в безопасных стенах своей заимки, чтобы не волноваться хотя бы за сохранность моего физического тела?»* — продолжала рассуждать ведьма, припоминая слова лешего о том, как уважительно и строго духи Нави относятся к границам чужих территорий. Озеро водяного было опасным, а заимка Лесья — неприкосновенной крепостью. *«И что именно он делал всё то время, пока я вместе с Борой была в пустыне? Был здесь... или стоял на берегу, смотря за каждым шагом через мои же глаза?»* — взгляд её снова растерянно скользнул по собственному телу, мерно, глубоко вздыхавшему сейчас на кровати так беззащитно и по-детски. Зарок крови пульсировал внутри ровным, ласковым теплом, баюкая её душу и призывая наконец вернуться в плоть.

В этот момент Лесь устало, со свистом опустился в своё глубокое кресло в личной комнате. Он откинул голову на резную спинку и сделал долгий, глубокий вздох, чутко прислушиваясь к брёвнам стен, шорохам заимки и самому лесному воздуху. Всё вокруг было абсолютно мирно, Чёрный лес за окнами дышал ночной прохладой. Парень криво усмехнулся, внезапно ловя себя на пугающей мысли: он действительно не помнил, когда в последний раз в своей долгой, вековой жизни вот так отчаянно и слепо переживал за кого-то. В памяти яркой, ослепительной вспышкой всплыл тот самый момент у берега озера, когда багряная фигура девушки без оглядки прыгнула в пучину подводного царя. Его собственные пальцы в ту же секунду судорожно, до белизны в костяшках сжались, удерживая её обмякшую земную оболочку. Сердце лесного правителя буквально пропустило тяжёлый удар, стоило призрачному силуэту Миры бесследно исчезнуть из его поля зрения в чёрной озёрной воде.

Леший тут же, на одних инстинктах, внутренним взором последовал за ней сквозь толщу воды через их зарок крови, параллельно волевым импульсом открывая пространственный портал напрямик в гостевую спальню заимки. Силой его мысли живые ветви деревьев, дремавшие в стенах коридора, тут же потянулись навстречу сквозь невидимую расщелину. Они бережно, как величайшую драгоценность, забрали хрупкую девушку из рук встревоженного, готового к бою владыки леса, беспрекословно подчиняясь его приказу. Он уже всерьёз собирался сам прыгать в воду и силой выхватывать строптивую Миру из лап разъярённого Боры, когда внезапно, через ментальный мост, почувствовал, насколько пугающе спокойно она смотрит на приближавшегося к ней в хтоническом гневе духа глубин. Это совершенно не было покорным принятием своей участи. Это было хладнокровное, расчётливое терпение хищника, который уже намертво захлопнул капкан для своей будущей жертвы.

Когда его мысленные глаза вдруг опалила яркая, ослепительная вспышка света, а перед взором открылись бескрайние, выжженные пески пустыни, парень крупно вздрогнул. Она перенесла древнего водного духа именно туда, где вся его колоссальная магия была абсолютно

не властна. Это была безупречная, ювелирно выверенная стратегия, отчего по всему телу лешего пробежали крупные, осязаемые мурашки восхищения. Он нервно, тяжело выдохнул, замороженно наблюдая за тем, как смело и жёстко земная девчонка ставит на место ворчливого великана. Её хлёсткие слова о том, что Водяной жизненно необходим своим подданным и обязан вести себя как подобает настоящему царю, глубоко, до самой глубины души тронули Хозяина леса. В своей грубой, колючей форме, но она отчаянно боролась за его жизнь, буквально вбивая силу этих слов в сознание обоих древних духов. А когда ведьма, не поморщившись, запустила пальцы в его гнилую, поражённую мазутом плоть, окончательно доказала им обоим свою безумную решительность и твёрдое стремление во что бы то ни стало держать слово.

«И как... как вообще такая отчаянно смелая, яростная девушка может быть одновременно настолько хрупкой?» — пронеслась тогда в его растревоженной голове тихая мысль. В этот момент взгляд Леся в воспоминаниях скользнул по физическому телу Миры, которое всё ещё бережно, баюкая, удерживали живые ветви сквозь открытый в спальне портал. Они плавно, невесомо уложили вещь на мягкую кровать, и одной тонкой, покрытой молодой листовой ветвью парень осторожно, бесконечно нежно убрал растрёпанные бордовые волосы с её бледного лица. Он физически не мог отвести взгляда от этой беззащитной, спящей ведьмы в стенах своей крепости, пока её душа в раскалённой пустыне уже из последних сил залечивала раны Бору, отдавая всю себя. Леший отчётливо чувствовал через Велесов зарок, как стремительно она слабеет, опустошая свой энергетический контур, но упрямо не сдаётся. Тогда он аккуратно закрыл пространственный проход и стал терпеливо, стиснув зубы, ждать на берегу, когда она закончит свою операцию, чтобы открыть им безопасный путь обратно на берег.

Взгляд его медленно скользнул к собственным ладоням, когда Лесной царь наконец закончил по полочкам переваривать всё недавно произошедшее на Чёрном городище. Он сжал и разжал длинные прохладные пальцы. Казалось, его древнее, привыкшее к лесному покою сердце до сих пор никак не может окончательно успокоиться от целого шквала нахлынувших в один раз человеческих, бурных эмоций. Эта багряноволосая городская девчонка умудрилась перевернуть всю его изнанку вверх дном всего за одни выходные.

Утром Мира проснулась в своём теле абсолютно как ни в чём не бывало, словно и не было ночного полёта над бездной Чёрного городища. Крада внутри полностью восстановилась, оставив лишь лёгкую, приятную истому в мышцах. Девушка сладко потянулась, застегнула чистый домашний костюм и пошла на кухню. Из своей сумки она достала предусмотрительно привезённый из города двухсекционный йогурт — маленькую радость цивилизации. Открыв дверцы дубового шкафа, она нашла ложку и аккуратно смешала шоколадные хрустящие шарики со сладкой белой смесью. Ведьма положила первую ложку в рот, довольно прищурившись от знакомого вкуса, когда краем глаза внезапно увидела прямо рядом со своим локтем мохнатое, бесформенное существо. Она крупно вздрогнула от неожиданности, чуть отскочив и тихо, сочно выругавшись сквозь зубы.

— Зачем пугать-то так, мелкий? — строго спросила она, но быстро взяла себя в руки, глубоко вздохнув и успокаивая бешено заколотившееся сердце. — Какой же ты бесшумный... Ужас просто. Так и до инфаркта не далеко.

Домовой сидел прямо на деревянной столешнице, забавно поджав под себя длинные лапки и внимательно, не отрываясь, вглядывался в диковинный, непривычно и вкусно пахнущий предмет в руках Миры. Она проследила за его взглядом, который едва-едва угадывался под густыми спутанными волосами, и с улыбкой протянула ему пластиковую баночку.

— Хочешь попробовать? — спросила она с искренним любопытством.

Существо осторожно, бочком подошло к йогурту, смешно принимаясь и всматриваясь в шоколадные шарики. А затем длинным, тонким, похожим на веточку пальцем робко зачерпнуло немного белого крема, мгновенно отправляя порцию себе в рот. В тот же самый миг

домовой судорожно, дико заскакал по всей просторной кухне, восторженно вереща, пища и цокая языком. Он виртуозно передвигался на своих длинных руках по полкам и стульям, периодически победоносно поднимая их вверх. Такое бурное и непредсказуемое поведение заставило девушку снова вздрогнуть. А в следующую секунду на кухню, скрипнув тяжёлой дверью, зашёл Лесь.

— Что за шум? — спросил он, лениво потягиваясь всем своим высоким телом и сладко зевая на ходу. Его чёрные волосы были забавно растрёпаны после сна.

Домовой, завидев Хозяина тайги, в один прыжок подскочил к нему, ловко зацепившись за плотную ткань одежды, и шустро запрыгнул парню прямо на широкое плечо. Он продолжал безудержно, наперебой что-то пищать на своём языке, активно указывая лапкой на замершую ведьму.

— Очень вкусно, говоришь? — негромко переспрашивал парень у духа, и его изумрудный, потяжелевший взгляд медленно скользнул к предмету в руках вещей. Он лениво, плавной кошачьей походкой подошёл к ней вплотную, бесцеремонно нарушая все мыслимые границы и заглядывая прямо в пластиковую баночку. — Что это?

— Йогурт... — растерянно, почти шёпотом ответила девушка, неосознанно опуская взгляд туда же и теряя всю свою хваленую городскую уверенность. — Обычный молочный продукт из магазина. С шоколадными шариками.

Не успела она даже глазом моргнуть, как большая, тёплая рука лешего уверенно обхватила её собственную ладонь, державшую ложку. Мира оцепенела. Парень, мягко направляя её пальцы, быстро зачеркнул сладкую белую смесь и без тени смущения отправил порцию себе в рот. Ведьма потрясённо подняла на него взгляд, даже не успев вовремя среагировать на этот наглый жест. Их глаза встретились на расстоянии полувздоха, и та окончательно замерла, боясь пошевелиться. Он снова был к ней пугающе, непозволительно близко и среди бела дня вытворял такие невыносимо двусмысленные вещи. К её лицу и ушам мгновенно, горячей волной прилил пунцовый жар смущения.

— Действительно... — негромко отозвался Лесь, задумчиво и пристально разглядывая её пылающее лицо в упор. — Очень вкусно.

В этот самый момент массивная дверь кухни вновь распахнулась, заставив девушку судорожно вздрогнуть от неожиданности и от резкого движения выпустить ложку из пальцев. Та с глухим стуком упала на пол. Мира невольно сделала быстрый шаг назад, увеличивая дистанцию и чувствуя себя так, будто её только что застукали за чем-то крайне постыдным и запретным.

— Чего вы тут с самого утра буяните? — лениво потягиваясь и зевая, отозвалась вошедшая Купава.

Её бездонные бледные глаза с любопытством остановились на замерших вещах и лешем. Девушка подошла ближе, сначала озадаченно разглядывая упавшую на паркет ложку, а затем красивую двухцветную баночку в руках Миры.

— Что это у тебя? — спросила она, забавно поведя носом в сторону ванильного аромата.

Отчаянно спасаясь от неловкости, та поспешно повернулась к шкафу и быстрым движением достала чистую ложку.

— Вот, держи, — она протянула её Купаве вместе с остатками лакомства, отчётливо понимая, что сама доест этот йогурт теперь точно физически не сможет. — Наслаждайся.

Пока восторженная русалка, сияя от счастья, увлечённо доедала диковинный городской десерт, девушка быстро подняла грязную ложку с пола и принялась тщательно, ожесточённо мыть её под хрустальной струёй воды из-под крана. Она делала это так усердно, словно пыталась соскоблить и полностью стереть любые следы только что совершенного «преступления». Мира демонстративно, упрямо не смотрела в сторону лешего, до безумия боясь, что её внутренняя паранойя и неловкость вновь ярким румянцем отразятся на лице. *«Да что он вообще*

себе позволяет, этот невыносимый нахал?! — яростно, бешеным вихрем крутилось в её голове, пока вода шумела по металлу. — Издевается, точно издевается!» Лесь тем временем, лениво опёршись бедром о край столешницы и скрестив руки на груди, со своей неизменной, сытой и понимающей ухмылкой молча наблюдал за этой забавной картиной. Он прекрасно чувствовал через Велесов зарок, как её крада внутри буквально искрит от смущения и злости.

Когда же ведьма вышла на крыльцо заимки, предварительно переодевшись в плотный походный костюм, её ждала неожиданная картина. На утоптанной траве двора стоял не только Хозяин леса. Рядом с ним переминался Всеволод, а чуть поодаль, аккуратно ступая босыми ногами по пробивающейся сквозь прелую хвою молодой траве, весело оглядывалась Купава. Самое забавное было в том, что у каждого из них в руке было по плетёной из ивовых прутьев корзине.

— Знакомство с твоими великими владениями — это сбор целебных трав? Серьёзно? — укоризненно, с чистейшим городским скепсисом метнула она на Лесья свой острый, уничтожающий взгляд. — Ты календарь вообще давно проверял? На дворе середина весны, какие травы в это время года можно собирать в корзины?

После ночных откровений, таинственного исцеления Бору в пустыне и утреннего инцидента с ложкой йогурта девушка ожидала чего угодно: демонстрации скрытых порталов, древних капищ или хтонических чудовищ Нави. Но корзины для грибов и ягод никак не вязались с её представлением о могущественной магии.

— А ты думала, я поведу тебя грабить курганы, Вещая? — лениво приподнял бровь Лесь, идя впереди. На его губах снова блуждала та самая невыносимая сытая ухмылка. — Сбор корней под мороком — лучшая практика для твоих зажатых городских чувств. Чёрный лес живёт по своим законам. Для Нави земной календарь — пустой звук. Стоит нам отойти на версту от заимки, и ты сама увидишь, как под моим взором зацветает то, что в твоём мире появится лишь к июлю.

— Это на самом деле очень весело, Мира! — искренне, звонко улыбалась водная дева, скача рядом с ней, пока они углублялись в Чёрный лес. — Для нас, суседей, и для вас, проводников, невероятно важно досконально разбираться в лесных травах, чтобы просто выжить и помогать Изнанке.

Ведьма на секунду притормозила, внимательно вглядываясь в бледную девочку.

— Погоди, Купава... Но разве ты можешь свободно и беспечно гулять по лесу, так далеко от своего омута? — спросила та, вспоминая. — Ты же сама говорила, что русалки редко выходят на землю, только на Зелёные святки в начале лета.

— А мне теперь во всём помогает Всеволод! — гордо, с беспредельным благоговением объявила она и с девичьим кокетством вытянула вперёд свою бледную изящную руку.

Вещая присмотрелась. На тонком запястье русалки красовался необычный, искусно сплетённый браслет. Он состоял из жёстких тёмных человеческих волос, туго переплетённых тонкими серебряными нитями, а в самый центр узла был вправлен небольшой, идеально гладкий речной камень-самоцвет, на котором вручную была вырезана какая-то славянская руна.

— Меня Лесь научил, — негромко, но с непривычной, твёрдой гордостью в голосе подал голос шедший рядом брат, перехватывая свою корзину поудобнее.

Ведьма удивлённо посмотрела на него. В его осанке и интонациях после вчерашнего разговора на тропе проступила ведьмовская порода, а не покорность сломанного «Сивки».

— Принцип работы этого браслета довольно простой, но надёжный, — слегка смущённо качнул головой он, объясняя. — Поскольку Купава привязана к Изнанке и слабеет без родной воды, я вплёл в этот узел свои собственные волосы как материальный якорь Яви. Через этот самоцвет к ней непрерывно, по капле стекает моя энергия как бы плотным невидимым коконом прикрывает водную деву от палящего солнца и удерживает её морок на суше, не давая

контуру рассыпаться. Пока браслет на ней — она может ходить за пределами омута вместе со мной ногами по земле, сколько захочет. Лесь сказал, что так мы обманываем саму Макошь, воссоздавая для неё защитную силу Русальной недели в любой день года.

Мира замерла на секунду, глядя на брата во все глаза. Внутри неё разлилась мощная волна гордости за Всеволода. Парень менялся просто на глазах, расправляя плечи и сбрасывая невидимое ярмо. Леший, шедший чуть впереди, на секунду обернулся, и в его изумрудных глазах промелькнуло молчаливое, глубокое одобрение. Узор Макоши вокруг их рода стремительно перестраивался, наливаясь новой, осознанной силой.

— Я, знаешь ли, тоже без дела не сидела, — самодовольно заулыбалась девушка, с явным удовольствием включаясь в их привычное детское соперничество и гордо вскидывая подбородок. — Сегодня ночью мы вот с Лешим завалились прямо на Чёрное городище к Боре и насильно его излечили от мазута.

Она специально, демонстративно не назвала Лесного царя по имени, всё ещё втайне злясь на парня за его утреннюю наглость с ложкой йогурта. Но тот на её детскую обиду ничуть не оскорбился. Он просто мирно шёл чуть впереди, лениво оглядываясь, и едва заметно, понижаясь, улыбался своим мыслям.

— Правда?! — бледные глаза Купавы мгновенно заблестели от искреннего, чистого восторга, и она даже захлопала в ладоши, едва не выронив свою корзину. — Какое же это великое счастье! Я так безумно за него переживала все эти дни!

— Опять ты ночью где-то тайно шарябишься, — недовольно, со стоном отозвался Всеволод, раздражённо пиная подвернувшуюся под кроссовок шишку.

— Да ладно тебе, Сева. Ты сейчас завистливо ворчишь, потому что тебя с собой не взяли, — весело заулыбалась ведьма брату, легонько толкнув его плечом в плечо.

— Естественно! — в полный голос возмущался тот, в сердцах всплеснув руками. — Снова ты умудрилась оказаться в центре эпических событий без меня! Оставили в избушке с домовым нянчиться!

— Ну вот, видишь, — картинно, широким жестом обвела она взглядом расступающийся перед ними весенний лес. — Сейчас мы идём вместе.

— Значит, с Борой теперь действительно всё будет в полном порядке? — Купава, напрочь позабыв о скромности, резво подбежала к лешему и преданно заглянула ему снизу вверх в лицо.

— Наша Вещая этой ночью действительно сильно постаралась, — весомо кивнул он русалке, рассказывая непривычно мягким, бархатным голосом. — Полностью очистила его суть от скверны людей и до единой затянула все раны на груди. Озёрный царь теперь как новенький.

— Спасибо тебе огромное, Мира! — восторженно, с криком подскочила счастливая русалка обратно к девушке, готовая снова броситься ей на шею.

— Да брось, это было проще простого, — улыбалась та мягко, успокаивающе похлопывая Купаву по плечу. А затем, косясь на идущего рядом парня, ядовито добавила: — Водяной на поверку оказался просто душкой. На редкость покладистый старик.

От этого запредельного, наглого сарказма Лесь довольно, раскатисто прыснул со смеху, качая головой и вспоминая, как на самом деле обстояли дела в раскалённой пустыне. Как Бора яростно выл, принимая истинный облик чудовища с тремя рядами клыков, и как сама Мира, ни капли не смущаясь, по локоть запускала призрачные руки в его гнилую плоть. Владыка вод был кем угодно, но уж точно не «душкой», и леший всё сильнее восхищался тем, с какой лёгкостью эта девчонка ломала под себя авторитеты древней изнанки.

Тропинка вывела их на удивительную, залитую тёплым солнцем поляну. Вопреки законам природы Яви, где в середине весны трава едва пробивалась, здесь, под мороком лешего,

земля была усыпана густым ковром из сочных зелёных листьев с первыми бутонами диких трав, которые сладко пахли мёдом и озоном. Всеволод мгновенно перехватил инициативу, стремясь показать сестре всё, чему успел научиться за время её отсутствия. Поскольку физическая и боевая сила парня из-за повреждённого Навью сознания была сильно ограничена, он отчаянно пытался хоть немного самоутвердиться в её глазах, проявить себя мужчиной и защитником. Девушка это прекрасно понимала и безоговорочно признавала его право на гордость. В том, что касалось теории, трав, заговоров и начертания рун, младший брат сейчас объективно превосходил её как ведьмак.

— Смотри, Мир, — Всеволод уверенно опустил на колени прямо в сочную, умытую весенней росой траву и осторожно раздвинул пальцами широкие зелёные листья. — Это медунница. Обычные люди думают, что она просто от кашля помогает, но Лесь научил меня видеть её изнанку. Если собрать её именно в середине мая, на стыке утренней и ночной просы, она идеально подходит как основа для мазей от ожогов. Я теперь постоянно помогаю ему наводить эти отвары и целебные мази в кладовых заимки. Самое сложное — правильно выварить живицу сосны, чтобы она не потеряла силу морока.

Купава присела рядом на корточки, устроив корзинку на траве, и увлечённо, буквально затаив дыхание, слушала его объяснения, жадно впитывая каждое слово и учась вместе с ведьмой.

— А вот это, — Сева переместился чуть левее к поваленному замшелому бревну, увлекая девушек за собой, — корень купены. Если начертить на нём руну Исток и правильно заговорить по имени, он блокирует гнилостные искусы в ранах. Помнишь, Мир, как дед лечил корову тёти Вали, когда её змея болотная укусила? Он ведь именно этот корень растирал в порошок. Я тогда не понимал, а Лесь мне показал структуру этой магии.

Сестра внимательно смотрела на парня, и внутри неё разливалось щемящее чувство глубокого уважения. Всеволод говорил сочно, увлечённо, его глаза горели настоящим, живым огнём, а в осанке больше не было и следа прежнего затравленного «Сивки». Браслет на руке Купавы ровно, стабильно мерцал, доказывая, что брат идеально контролирует отдачу своей энергии и держит морок русалки на суше без вреда для себя.

Сам леший в этот момент совершенно не вмешивался в их разговор. Он неторопливо бродил по окраине поляны, то и дело грациозно наклоняясь и аккуратно, точными движениями собирая в свою корзинку нужные растения. Мужчина довольно, расслабленно прислушивался к этой удивительно уютной, домашней атмосфере, воцарившейся между ними четырьмя. Изнанка Чёрного леса впервые за долгие годы дышала не страхом и болью, а миром, надеждой и пробуждающейся силой вещего рода.

— Мы проторчали на этой поляне несколько часов, — раздражённо, со вздохом ворчала ведьма, скрестив руки на груди, — а теперь должны всё это готовить?

Она окинула откровенно недовольным взглядом просторную рабочую зону в специальной кладовой заимки, напоминавшей лабораторию заправского средневекового алхимика. Повсюду громоздились тяжёлые медные ступки, глиняные миски, пузатые чаны с хрустальной водой и висели пучки уже подсохших лесных кореньев. Такая монотонная, кропотливая рутина очевидно была совсем не её сильной стороной — Мира привыкла к быстрым, импульсивным действиям, а не к многочасовому вывариванию зелий. Купава, стоявшая рядом у разделочного стола и уже примерившая фартук, тихонько хихикнула в кулак, забавляясь её протестом.

— Нужно приготовить всё как можно скорее, чтобы ни в коем случае не потерять волшебные, летучие свойства свежих ингредиентов, — профессорским, непререкаемым тоном расставлял корзины по местам Всеволод. В этой комнате он чувствовал себя абсолютным хозяином положения.

— Неплохо ты тут устроился, Лесной царь, — повернула ведьма голову в сторону лешего, который тихо, с королевским комфортом сидел в стороне в глубоком кресле, закинув ногу на ногу и с явным удовольствием наблюдая за суетой. — Завёл себе бесплатных рабов, а сам сидишь, почиваешь на лаврах.

На её очередную ядовитую колкость тот лишь лениво усмехнулся, и его изумрудные глаза хитро блеснули в полумраке.

— Ты главное не взорви здесь ничего, Вещая, — обворожительно улыбнулся он ей в ответ. — Иначе отправишься на дальнюю поляну снова, собирать травы, но уже в двойном размере. До самого рассвета.

Девушка недовольно, громко цокнула языком и демонстративно отвернулась, принимаясь за работу под чутким руководством брата. Всеволод подошёл к процессу со всей серьёзностью, на какую был способен. Первым делом он приказал Мире тщательно промыть собранную медуницу в чаше с родниковой водой, причём делать это нужно было максимально нежно, чтобы не повредить хрупкие весенние лепестки, в которых концентрировался сок Нави.

— Теперь бери тяжёлый пестик, — командовал Сева, пододвигая к сестре массивную гранитную ступку. — Твоя задача — растереть листья в однородную кашу. Но не просто дави, а вкладывай в это душу. Твоя энергия должна активировать сок, понимаешь?

Пока девушка сопела от усердия, с силой втирая пестик в камень, Всеволод занялся более сложным ингредиентом — корнем купены. Он ловко взял острый нож и принялся нарезать корень тонкими, почти прозрачными кольцами. Купава увлечённо помогала ему, по его подсказке отмеряя деревянной ложкой точные пропорции густого мёда и топлёного воска, которые служили связующей основой для будущей мази.

— А теперь самое главное, — заговорщически прошептал брат, когда Мира закончила тереть траву.

Он аккуратно переложил зелёную кашу и нарезанные корни в небольшой медный ковшик с кипящим воском, который уже источал на всю кладовую густой, дурманивший аромат хвои, мёда и свежести. Парень сосредоточился, закрыл глаза и плавно провёл ладонью над поднимающимся паром.

— Исток... — негромко, весомо выдохнул Всеволод, вкладывая ведьмачью породу в заклинание.

Прямо на глазах варево в ковшике на секунду налилось мягким свечением. Процесс единения сил Яви и Нави под чётким руководством брата завершился безупречно. Получившаяся мазь медленно густела, готовая исцелить любого пострадавшего соседа.

— Без сил... — сокрушённо вздыхая, Мира медленно залезла в массивную ванну, наполненную горячей, пахучей водой.

Она мягко опёрлась спиной на высокий край, запрокидывая голову назад к потолку и прикрывая глаза. Густой, влажный пар от горячей воды плотной белой завесой стоял в воздухе, приятно расслабляя каждую уставшую мышцу после многочасового стояния у алхимического стола.

— А мне вот очень понравилось, — весело, с плеском отозвалась Купава, ловко залезая в воду следом за ней. — Было безумно интересно наблюдать за тем, как Всеволод командует. У него настоящий дар знахаря.

— В заимке Лешего, значит, действуют свои собственные порядки? — ведьма с ленивым любопытством приоткрыла один глаз и посмотрела на бледную руку девочки. Браслета из жёстких волос брата на её запястье больше не было — на своей территории русалке защита Яви была не нужна.

— Подземные воды Чёрного леса проходят прямо под нами, — мягко, со знакомым камышовым шелестом кивнула та на массивный люк в полу за ванной, из которого Бора принёс

её в день их первого пугающего знакомства. — Пути и течения Нави здесь переплетаются и смешиваются с Явью. Это очень сильно помогает слабым духам не потеряться в чаще и гораздо скорее добраться до безопасного места, под крыло Хозяина леса.

Русалка осторожно, стараясь не поднимать лишних брызг, подседа поближе к Мире. Она бережно достала уже знакомый гребень и внимательно посмотрела на мокрые, потяжелевшие пряди ведьмы.

— Твоя городская краска постепенно сходит, — тихо заметила она, принимаясь аккуратными, плавными движениями расчёсывать спутанные локоны. — Тебе разве не нравится твой истинный цвет волос? Зачем ты его прячешь?

— Да не то чтобы совсем не нравится, — задумчиво, сквозь дремоту отозвалась девушка, подставляя голову под ласковые зубья гребня. — Просто мне нравится периодически его менять. По настроению. Я была и ярко-фиолетовой, и даже блондинкой несколько месяцев ходила.

— Всё-таки эти ваши людские фокусы и перемены такие интересные, — замороженно размышляла Купава, бережно разделяя пряди. — Но значит ли это на самом деле, Мира, что ты интуитивно тянулась к магии Нави и огню крады даже тогда, когда сама об этом совершенно не догадывалась?

— Возможно... — отстранённо и тихо ответила ведьма, чувствуя, как горячая вода и мерные движения гребня окончательно убаюкивают её разум.

Последний месяц её жизни в мегаполисе и эти безумные загородные выходные были запредельно насыщенными. После всего пережитого она уже была готова поверить абсолютно во что угодно. Граница между её нормальной реальностью и миром духов окончательно стёрлась.

После расслабляющей ванны Мира приняла твёрдое решение найти лучшего. Она неторопливо шла по просторным коридорам заимки, прикрыв глаза и чутко прислушиваясь к его энергетическому присутствию через зарок крови, а не ломаясь наугад во все закрытые дубовые двери. Разум девушки постепенно, шаг за шагом открывался дикой магии в Яви, поэтому ей уже даже самой было безумно интересно: сможет ли она почувствовать его след в реальности так же легко и осязаемо, как делала это в Околе Нави? Когда ведьма уверенно открыла предполагаемую дверь комнаты, она поняла, что интуиция её не подвела. Парень стоял у большого открытого окна, впуская в комнату лесную свежесть. Леший повернулся к ней вальяжно, плавно и со своей неизменной, обворожительной улыбкой.

— Очень неплохо, Вещая, — начал он своим вкрадчивым, бархатным рокотом. — Направление поймала верно. Но ты можешь быстрее...

— Ты ещё горько проклянёшь тот день, когда я научусь находить тебя за одну секунду, — ехидно отозвавшись и гордо вскинув подбородок, подошла к нему девушка.

Тот от такого выпада лишь довольно, раскатиисто фыркнул носом, ничуть не обидевшись.

— Так чем же я обязан такому приятному визиту? — спросил он, с явным удовольствием разглядывая раскрасневшееся после купальни лицо и мокрые брусничные волосы Миры.

За окном уже стремительно близился тёплый вечер. Длинные, золотистые лучи заходящего солнца мягко пробивались сквозь кроны сосен, заполняя комнату густыми уютными тенями.

— Пришла за профессиональной консультацией, — начала ведьма размеренно, усаживаясь на край кушетки и наводя на лице полную серьёзность. — По поводу браслета, который Всеволод сплёл для Купавы.

— Тебе потребовалась моя помощь? — заговорщически, хитро прищурился он, наклоня голову набок.

— Не злорадствуй, — сквозь зубы процедила она, изо всех сил пытаясь не злиться и оставаться подчёркнуто вежливой. — Скажи прямо: его магия будет работать в условиях города?

— Хочешь показать нашей маленькой Купаве мир людей? — Лесь тяжело, со свистом вздохнул, устремив задумчивый взгляд на верхушки сосен. — Что ж... работать этот браслет в городе будет. Но только в том случае, если сменить заклинателя, который непрерывно питает контур. Всеволоду, к великому сожалению, такую колоссальную нагрузку пока физически не осилить. Городской смог и железо сожрут его ведьмачью энергию за пару часов.

— Разве в самом городе не живут другие суседи? — уточнила ведьма, нахмурившись. — Ну домовые, дворовые или ещё кто... Им всем тоже непрерывно помогают выживать сильные ведьмы или они справляются сами?

— У Купавы в корне иная, куда более сложная ситуация, — спокойно объяснял Леший, неторопливо пройдя к своему глубокому креслу и вальяжно присаживаясь в него. — Дело здесь не только в том, чтобы искусственно усилить морок вокруг её тела и обмануть глаза прохожих. Главная задача — надёжно спрятать само её физическое присутствие на суше от бдительного взора Макоши. Ведь по законам природы Водная дева обязана находиться в омуте.

— Тогда... тогда на Зелёные святки? — внезапно вспомнила Мира рассказ самой Купавы. — Во время Русальной недели прятать её от Пряхи не нужно будет ведь? Сами боги разрешают им выходить на землю?

Лесь согласно кивнул, лениво подперев голову рукой и не сводя с неё глаз. Он пару секунд молча, с каким-то новым, глубоким и беззащитно-честным интересом всматривался в лицо ведьмы. В его изумрудных глазах больше не было привычной едкой ухмылки.

— Да, в Зелёные святки морок Нави открывается сам, и Купава сможет ходить по земле без всяких браслетов и чужой подпитки, — тихо подтвердил он, а затем его голос стал совсем низким. — Но почему ты так отчаянно хочешь показать этой маленькой русалке свой человеческий город, Мира? Зачем тебе это?

Девушка замерла под его пронизывающим взглядом. Вопрос лешего застал её врасплох, заставляя заглянуть в самые глубины собственной души.

— Хочу показать ей другую сторону людей, — тихо произнесла та, немного поразмыслив и устремив задумчивый взгляд на полосы заката за стеклом. — Мне искренне жаль, что она так страшно пострадала по вине нашего мира. Жаль, что она сама когда-то отказалась от жизни и прыгнула в омут...

Вещая замолчала на пару секунд, подбирая слова, чтобы выразить ту глухую, ноющую тоску, что ворочалась в её груди с самого утра.

— Она ведь, по сути, совсем ребёнок... — наконец подняла Мира свои потемневшие глаза на Лесного царя, смело встречаясь с его изумрудным взором. — Ей бы сейчас в пору капризничать, наряжаться в красивые платья и есть сладости, а не вот это всё...

Парень внимательно слушал её, но его лицо оставалось непривычно серьёзным. Он прекрасно понимал, о чём именно говорит ведьма, однако суровое дело изнанки было не только в человеческой жалости и сострадании. Он тяжело, со свистом вздохнул, собирая вековые мысли.

— Она — русалка... — ответил он сухо, и этот тон мгновенно сбил с Мира остатки ослабленности. Лесь медленно поднялся из своего глубокого кресла, сократил разделявшее их расстояние и подошёл к девушке практически вплитык, заставляя её задрать голову. Он заглянул ей прямо в глаза — глубоко, пронзительно, стирая всякую двусмысленность их прошлых кухонных перепалок. — Знаешь ли ты, что Купава на самом деле делает со своими речными сёстрами, когда наступают Зелёные святки?

Ведьма смотрела Хозяину леса прямо в глаза, затаив дыхание и тщетно пытаясь понять по его лицу, к чему именно ведёт этот внезапный урок дикой природы Нави.

— Она вовсе не тот безобидный, хрупкий ребёнок, каким ты её себе нарисовала в своих мыслях, — мягко, ровно продолжал парень, искренне стараясь не задеть растревоженные чувства Миры, но и не щадя её иллюзий. — Русалки по своей природе не знают, что такое человеческое сострадание. Как не знают и никакой меры в своих забавах... Им отведён на суше столь короткий, строгий период времени именно потому, что их первобытная магия Нави слишком притягательна, ослепительна и разрушительна для обычных смертных. И поверь мне: чем моложе русалка, тем она в разы опаснее. Они щекочут заплутавших парней до самой смерти, утягивают на чёрное дно зазевавшихся купальщиков... Ко дню Ивана Купалы их дикая сила окончательно затмевает им остатки разума, превращаясь в чистый голод. Поэтому абсолютно все шалости, песни и их невинные игры в итоге заканчиваются неизменной человеческой смертью. Они забирают души, Мира. Таков закон баланса.

Девушка внимательно, не отрывая взгляда и не шевелясь, слушала Леся. Пространство комнаты, казалось, налилось тяжёлым свинцом. Парень прямо сейчас, без утайки приоткрыл ей самую тёмную, пугающую тайну сосуществования Яви и Нави. Перед глазами девушки вмиг, ослепительной вспышкой всплыл жуткий, хтонический образ Бору с тремя рядами иглоподобных клыков, который она ночью увидела под толщей воды Чёрного городища. В речном мире прекрасное всегда граничило с чудовищным.

— Значит... это всё-таки правда? — начала она осторожно, поднимаясь, и её голос слегка дрогнул. — Все эти жуткие поверья из старых книг... Это вовсе не глупые детские сказки?

Леший промолчал, лишь едва заметно склонив голову набок, давая ей возможность самой переварить масштабы ответственности, которую она так смело собиралась на себя взять. Взгляд вещей нервно скользнул по бледному лицу собеседника, и в ту же секунду её взор стал непривычно острым, колючим и пронизательным.

— И этот твой облик... он ведь тоже на самом деле не настоящий? — сейчас её слова прозвучали как тихий, горький упрёк, но в глубине души Мира уже была полностью готова услышать любой, даже самый страшный ответ. Память упрямо подбрасывала страшные метаморфозы Водяного на дне озера. — У тебя самого есть такой период, Лесь? Время, когда ты больше не можешь себя сдерживать?

Её прямой, бьющий наотмашь вопрос заставил парня ощутимо вздрогнуть. Его изумрудные глаза на мгновение вспыхнули ярким, потусторонним светом, а ухмылка окончательно сошла с губ. Не думал он, что они коснутся этой его другой, хтонической стороны так скоро. Леший тяжело, натужно вздохнул, и в комнате заимки внезапно пахло сухой прелой листвой, сырой землёй и грозovým озоном. Лесной царь медленно отвернулся к окну, за которым догорали багровые полосы заката, и заговорил — тихо, размеренно, словно читал древнюю, высеченную на камне летопись.

— Не настоящий, Мира. Это лишь очеловеченный морок, который я держу для твоего спокойствия. У любого лесного духа, у каждого лешего есть свой нерушимый цикл, завязанный на саму землю. Мы — это и есть этот лес. Весной и летом, когда природа живёт, цветёт и дышит, я такой, каким ты меня видишь сейчас — разумный, покладистый, способный на диалог, сделки и даже на то, чтобы пить с тобой коктейли на городской кухне. Но изнанка Чёрного леса требует платы за эту мягкость.

Он плавно поднял руку, и под его ногтями на секунду проступили длинные, похожие на сухие кряжистые сучья когти.

— Наш час наступает осенью. На Ерофеев день по всем древним законам лешие теряют человеческий облик. Земля начинает засыпать, соки в деревьях замирают, и вместе с увяданием природы дичает и мой разум. В Ерофеев день я не принадлежу себе. Моя крада превращается в слепую, яростную стихию Нави. Я становлюсь чудовищем — выше самых высоких сосен, с кожей из грубой коры, с глазами, полыхающими адским зелёным пламенем, и пастью, способной перекусить вековой дуб.

Лесь обернулся и посмотрел на неё — серьёзно, беззащитно-честно, лишив свой голос всякого сарказма.

— В эту безумную ночь все лешие буянят на изнанке так, что ломаются вековые деревья, звери в панике забиваются в самые глубокие норы, а земля ходит ходуном. Мы вырываем корни, гоняем морок по чаще и воем так, что у смертных на окраинах деревень кровь в жилах стынет. В Ерофеев день к Чёрному лесу нельзя подходить ни одной живой душе — разорву на куски и даже не вспомню, как звали. Этот дикий голод и ярость утихают только к рассвету, когда мы обессиленно проваливаемся сквозь землю — уходим в глухую зимнюю спячку до самой весны.

Парень сделал один короткий шаг к замершей Мире, которая в голове уже красочно всё себе представила.

— Так что ты права, Вещая. Все мы, обитатели Нави, сотканы не из человеческой морали, а из первобытных законов природы — из её красоты и её же жестокости. И Купава, и Бора, и я сам — мы все бываем монстрами, когда узор Макоши требует от нас подчинения стихии.

Девушка внимательно слушала его, чувствуя, как по коже бегут крупные, морозные мурашки. Лесной царь открыл перед ней свою самую пугающую правду, но почему-то выглядел при этом как никогда уязвимо, лишившись своей привычной царской брони. Эта парадоксальная мысль не давала ведьме покоя, переворачивая всё внутри.

— Теперь, когда ты узнала обо мне всё... — вздохнул парень тяжело и не весело, как-то горько усмехнулся, переводя взгляд на свои ладони. — Наверняка перестанешь бояться остального леса. Ведь самый страшный зверь этих земель сейчас стоит прямо перед тобой.

— Хочу увидеть это, — твёрдо и решительно сказала вещая.

Она сделала уверенный шаг вперёд, сокращая дистанцию и подходя вплотную к Хозяину леса, который совершенно не ожидал от неё такой безумной реакции. Лесь мгновенно замер на месте, словно окаменев, и принялся буквально буравить девушку своим потяжелевшим, ошеломлённым взглядом.

— Хочу знать тебя настоящего... — повторила она, заглядывая в самую глубину его изумрудных глаз.

В комнате заимки воцарилось долгое, звенящее и неловкое молчание, прерываемое лишь тихим шелестом ветра за окном.

— Ты... ты вообще меня слушала? — нервно, сдавленно спросил Леший.

В его голосе впервые проступила тень искреннего замешательства. По какой-то совершенно непостижимой для него причине казалось, что Мира сейчас абсолютно, ни единой клеточкой своего существа не напугана его мрачным рассказом про Ерофеев день.

— Просто покажи мне, чтобы я чётко знала, с чем именно имею дело на изнанке, — спокойно пояснила она, и сейчас её слова в полумраке заката звучали на удивление взвешенно и разумно. — Чтобы я банально не испугалась до смерти в случае какого-нибудь непредвиденного ЧП...

Парень долго смотрел, пытаясь отыскать в её лице признаки фальши или скрытой паники. Но девушка стояла неподвижно, её крада внутри контура билась ровно и бесстрашно, а зарок крови между ними пульсировал плотным, обжигающим теплом, связывая души.

— Ты слишком упряма, Яковлева, — наконец очень тихо, с глухим рокотом выдохнул он, и его глаза внезапно налились первобытным, ослепительным зелёным пламенем Нави. — Сама напросилась. Только чур потом не плакать.

Он медленно поднял руку, и воздух в комнате за секунду стал леденящим. В ту же секунду морок заимки, охранявший человеческий уют, с оглушительным, беззвучным треском лопнул. Пространство вокруг них неестественно, пластично исказилось: бревенчатый потолок спальни ушёл куда-то высоко вверх, растворяясь в непроглядной ночной выси, а стены раздвинулись, превращаясь в призрачные стволы исполинских деревьев. Золотистые лучи весеннего

заката в один миг погасли, уступая место глухому, давящему полумраку изнанки. Лесь начал стремительно меняться, разрастаясь прямо на глазах у ведьмы. Его человеческая одежда за секунду соткалась из дыма и растаяла, превращаясь в истинную суть. Лесной царь вытянулся вверх настолько, что его рост стал ровно вдвое больше хрупкой девушки. Теперь он возвышался над ней массивной, пугающей трёхметровой глыбой. Изменились и пропорции его тела: руки стали неестественно длинными, опускающимися почти до самых колен, а пальцы вытянулись в тонкие, острые и прочные, как сталь, когти, напоминающие сухие кряжистые сучья.

Мира, вопреки его ожиданиям, не сделала ни единого шага назад. Она лишь крепче сжала кулаки, затаила дыхание и принялась невероятно внимательно, скрупулёзно рассматривать его истинный, хтонический облик Нави. Кожа больше не была мягкой и бледной — теперь она напоминала толстую, огрубевшую кору столетнего ясеня, покрытую глубокими извилистыми трещинами, сквозь которые ровным, пульсирующим изумрудным светом текла живая лесная кровь. Из его широких плеч и лопаток пробивались молодые клейкие побеги сочных кленовых листьев и целые пучки дикого зелёного мха. Чёрные растрёпанные волосы удлиннились, а из самого лба изящно изгибались вверх два тонких, костяных оленьих рога, покрытых лишайником.

В его лице не осталось ровным счётом ничего человеческого. На ведьму смотрела сама древняя, пугающая тайга. Очертания его головы были сотканы из переплетения тугих деревянных волокон и окаменевших корней. Там, где раньше были губы, теперь была лишь тёмная, рваная пасть, усыпанная острыми сколами расколотого кремня, заменявшими зубы. Но самым пугающим и одновременно прекрасным в его облике были глаза. В них не было белков или зрачков — это были два бездонных, полыхающих диким, яростным зелёным пламенем омута, прорубленных прямо в столетней коре. В этих прорезях Мира ослепительно ясно видела всю первобытную мощь Чёрного леса: штормовые ветра, гнущиеся до земли сосны и бег диких волчьих стай. От этого исполинского существа исходила такая колоссальная, тяжёлая волна первородной магии земли, что воздух вокруг них буквально вибрировал и гудел, затрудняя дыхание. Во рту девушки мгновенно осел терпкий, концентрированный вкус хвои, ментоловой свежести и сырого мха. Лесь выглядел как истинный, беспощадный карающий хозяин тайги, способный одним щелчком стереть её душу в порошок. Но даже в этом пугающем, чудовищном величии он казался ей удивительно гармоничным. В нём не было уродства мазутной гнили Боры — только чистая, дикая и первозданная природа изнанки, которая открылась перед ней во всей своей беззащитной и опасной наготе.

Ведьма сделала медленный шаг вперёд, преодолевая лёгкую дрожь в коленях. Она внимательно смотрела в лицо чудовища, ища в нём хоть малейший намёк на эмоцию или скрытую задумку. Ей отчаянно хотелось понять, что чувствует этот Лесной царь, когда морок падает, обнажая первозданную хтоническую изнанку. Затем её взгляд заворожённо скользнул по чёрным прядям, по широким массивным плечам и неестественно длинным рукам. Лесь стоял не шелохнувшись, словно вросший в землю древний идол. Искренне считая свой истинный, пугающий облик Нави абсолютно не пригодным для хрупкого сознания обычного человека, он ожидал от Мира чего угодно — панического крика, слёз, бегства. Сейчас ему, великому и грозному хозяину тайги, было до безумия, до глубины души неловко от того, что эта земная девушка так пристально и внимательно его разглядывает, ни капли не смущаясь.

Однако абсолютно все его мысли в одно мгновение испарились, когда тёплая, мягкая рука осторожно коснулась его огромной когтистой лапы. Леший судорожно вздрогнул, впиваясь в ведьму своими полыхающими изумрудными омутами глаз, но послушно, без единого звука подчинился её безмолвной воле. Он медленно поднял руку и раскрыл свою ладонь навстречу её пальцам. На фоне его трёхметровой древесной фигуры, девушка казалась такой маленькой, изящной и хрупкой, что тот панически замер: любое его неосторожное, резкое движение могло оказаться для неё смертельным. Затем она вновь плавно подняла глаза, и, к колоссальному

удивлению монстра, протянула свою вторую руку высоко вверх. Ей не нужно было ничего говорить вслух — Велесов зарок крови работал безупречно, Лесь и так ослепительно ясно чувствовал, чего именно она от него хочет. Он послушно, бесконечно осторожно нагнулся к ней, опуская свою массивную голову на уровень её груди и полностью, без остатка отдаваясь дикому, будоражащему желанию этой строптивой девчонки.

Мира аккуратно прижала ладонь к его морде, неотрывно ведя взглядом вслед за движением собственной руки. Она доверчиво трогала жёсткие изгибы его костяных рогов, гладила шероховатые переплетения корней вместо щёк и даже кончиками пальцев коснулась острых кремниевых сколов зубов, скрытых в тёмной расщелине пасти. Она изучала его первозданную суть без капли страха, будто маленькая любопытная девочка, которая нашла в чаще диковинную живую игрушку. И именно в этот звенящий миг в запутавшемся сознании ведьмы яркой вспышкой промелькнуло пугающее дежавю. Ей внезапно показалось, будто она уже когда-то очень давно видела все эти малейшие детали. Странные тактильные ощущения на коже пальцев были до боли, до крика знакомыми — этот запах озона, шершавость столетней коры под ладонью и покалывание изумрудной живицы... Она точно знала это существо. Знала задолго до того, как Сева привёз её на заимку. Но из каких глубин её заблокированного мороком детства шло это чувство и откуда именно, вспомнить ей сейчас никак не удавалось.

Девушка недоверчиво взглянула на свою раскрытую ладонь, заставляя лешего не на шутку понервничать, замерев в ожидании вердикта.

— Будто что-то... очень знакомое, — тихо, растерянно пояснила она, медленно сжимая пальцы в кулак. А затем вновь прямо, пронзительно взглянула в полыхающие зелёные глаза Лесному царю, делая пару осторожных шагов назад. — Я ведь уже видела тебя, да? Ты об этом нашем далёком знакомстве говорил тогда?

Внезапная, точная догадка Мира заставила парня ощутимо вздрогнуть. Искажённое пространство вокруг них вновь глухо загудело, завибрировало и стремительно схлопнулось, возвращаясь в прежний, привычный вид уютной гостевой спальни. Стены снова стали ровными, а под потолком мягко затеплились самоцветы. Лесь в одно мгновение принял свой привычный человеческий облик — вернулось его привычное одеяние, рост и растрёпанные тёмные волосы. Но взгляд его теперь был острым, предельно внимательным и собранным.

— И что... совсем не испугалась? — негромко спросил он, не решаясь пока сделать навстречу ей даже единого шага.

— Ты не ответил на мой вопрос, — твёрдо заметила она, заставляя Хозяина леса играть исключительно по своим правилам и не позволяя ему уйти от темы.

— Несмотря на всю очевидную хрупкость детского сознания, именно взрослые больше всего предрасположены к слепому страху и паническому стрессу, — после долгой паузы начал он размеренно, устремив взгляд в окно. — Детское воображение устроено иначе, оно легко компенсирует любую нехватку информации. Поэтому, когда мы встретились с тобой в твоём далёком прошлом, я не придавал этому особого значения. Списал всё на открытое, ещё не замутнённое мороком сердце... Но сейчас...

Он сделал многозначительную паузу, поворачивая голову и вновь внимательно, скрупулёзно оглядывая лицо ведьмы, а затем наконец приблизился к ней на расстояние шага.

— Сейчас ты меня уже всерьёз пугаешь, Мира, — тихо сказал он абсолютно беззлобно, и на его красивые губы медленно вернулось привычное, ехидное выражение. — Ты точно сумасшедшая. Обычный человек на твоём месте уже лежал бы без чувств.

— Да потому что только законченный сумасшедший вообще способен вывезти всю эту хрень, — недовольно брякнула она, сердито скреживая руки на груди.

В эту ёмкую фразу она вложила абсолютно всю чертовщину сразу, что так безжалостно свалилась на её хрупкие плечи за эту неделю: и Велесов зарок, и ночные кошмары, и раненого Бору, и пугающие тайны собственного рода. Эта её привычная, чисто человеческая кол-

кость заставила Леся искренне усмехнуться. Он покачал головой, чувствуя, как крови в венах окончательно успокаивается. Вопреки всем его опасениям и страхам, кажется, единственным, кто здесь по-настоящему переживал всё это время, был он сам. Его вещь оказалась крепче кремня.

— Однако, знаешь, ты в итоге оказался ещё большим лицемером, чем я думала изначально, — ехидно усмехнулась девушка, а затем бесформенно, ленивым жестом указала на его лицо кончиком пальца. — Называешь себя страшным, беспощадным зверем Нави, но выбрал облик холёного красивого парня. Это твои лесные комплексы или расчётливое коварство, чтобы очаровывать глупых студенток вроде Алины?

— Так ты всё-таки считаешь меня красивым, Вещая? — вкрадчиво, с тихим камышовым рокотом заметил Лесной царь, чуть наклоняя голову набок. Его изумрудные глаза хитро сощурились, улавливая её ментальный контур.

— Это вовсе не моё мнение, а общепризнанный факт, — недовольно цокнула языком Мира, а затем демонстративно, гордым жестом взмахнула брусничной прядью волос. — Но, как ты мог заметить, разглядеть скрытую суть я без труда могу даже в пне. Так что твоя маскировка на меня больше не действует.

Её привычная, острая колкость и этот неподражаемый городской апломб по-прежнему до глубины души забавляли лешего. Для него это буйное, дерзкое поведение сейчас было самым настоящим облегчением. Оно означало, что строптивая ведьма не сломалась после увиденного, не поддавалась панике, а значит, не бросит ведьмовское ремесло и останется здесь, на изнанке.

— Купава проговорила, что ты — первородная, чистая стихия в отличие от неё, — девушка внезапно подалась корпусом вперёд, и в её глазах вспыхнул живой, весёлый азарт. — А раз ты управляешь своим плотным мороком сам и лепишь внешность из собственной магии, мне дико интересно: что именно тебя вдохновило на создание этого парня? Признавайся, скопировал облик с какого-нибудь рок-музыканта?

Лесь от такого неожиданного предположения тихо, раскатисто рассмеялся. Его забавляло, как прагматичный человеческий разум Миры пытался оцифровать и загнать в понятные ей рамки сакральные законы Нави.

— Музыканта? — переспросил он, унимая смех и качая головой. — Бери выше, Вещая. Этот облик — компиляция сотен лет наблюдений за вашим племенем. Я взял от смертных то, чему они сами подсознательно доверяют и перед чем инстинктивно преклоняются: симметрию, силу и каплю опасности. Морок должен манить, а не только пугать. Но если ты хочешь, ради твоего эстетического удовольствия я могу наколдовать себе гитару в следующий раз.

Ведьма картинно закатила глаза, но внутри неё окончательно улеглось утреннее напряжение. Лесной царь открылся ей с совершенно иной, нечеловеческой, но завораживающей стороны, и их загородные выходные обещали стать началом чего-то грандиозного.

Следующий день Мира к своему глубокому неудовольствию провела не за великими свершениями, а за монотонным конспектированием учений брата о лесных травах, их скрытых свойствах и особенностях взаимодействия с изнанкой.

— Мало мне, думаешь, университетских лекций в городе? — тихо шипела она недовольно, ожесточённо царапая шариковой ручкой по бумаге.

— У тебя просто память три секунды, — неподкупно и строго стоял рядом Всеволод, скрестив руки на груди и бдительно следя за темпом её записей. — И давай почерк попонятнее, сама ведь свои каракули не разберёшь потом, когда придётся зелье экстренно варить.

— Я прекрасно понимаю всё, что пишу, — упрямо ворчала она, не снижая скорости.

— А ведь действительно закорючки одни, — с искренним детским любопытством заглядывала ей через плечо Купава, склонив голову набок. — Как же ты будешь маленьких человеческих детей обучать правильно писать, если сама этого делать не умеешь?

Этот беззлобный, абсолютно невинный и точный вопрос русалки заставил лешего, лениво сидевшего неподалёку в своём резном кресле, искренне, раскатисто рассмеяться на всю комнату.

— И впрямь, — отозвался он бархатным рокотом, бесцеремонно наблюдая её же собственными глазами прямо в открытую тетрадь. — Даже у ребёнка буквы получаются ровнее, Вещая.

И даже лохматый домовой заливисто рассмеялся, забавно сидящий рядом на краю деревянного стола.

— Сговорились против меня, да? — недовольно, колючим взглядом окинула она всю эту честную компанию. — А ведь я, между прочим, ещё всерьёз собиралась вам всем из города классные подарочки привезти в следующие выходные. А вот теперь — шиш вам. Забияки несчастные ничего от меня больше не получают.

— Мира, милая, я вовсе не забияка! — испуганно и взволнованно запричитала Русалка, всплеснув руками. — Я что, как-то сильно обидела тебя своими словами? Прости меня, пожалуйста, я не со зла!

— Что, Купава, так сильно хочешь получить свои обещанные шёлковые ленты и леденец на палочке? — по-доброму усмехнулся Всеволод, глядя на её панику.

— Очень хочу, — абсолютно честно, с придыханием ответила девочка, что заставило дружно рассмеяться уже вообще всех присутствующих в кладовой.

Маленькая русалка была ещё бесконечно далека от сложного понимания человеческого сарказма, двойных смыслов, ехидных издёвок и бытовых интриг.

— Ладно, — обречённо, со вздохом выдохнула ведьма и ласково положила свою тёплую ладонь на мокрую голову водной девы, успокаивая её дух, а затем перевела взгляд на брата. — А тебе самому нужно что-нибудь привезти?

Она решительно перевернула исписанную страницу тетради, чтобы зафиксировать список пожеланий.

— Привези мне несколько чистых плотных тетрадок на кольцах и хорошей канцелярии, — принялся увлечённо перебирать парень в голове то, чего ему для работы здесь катастрофически не хватало. — Шариковые ручки, маркеры, ножницы прочные...

В этот самый момент комок шерсти смешно запрыгал на столе прямо перед самым лицом Миры, активно показывая своим тонким пальцем себе в открытый рот.

— Йогурт с шоколадными шариками? — мгновенно догадалась девушка, невольно улыбнувшись. — Ладно, запишу тебе три штуки.

— Ну, тогда и мне... — вкрадчиво, с тихим шуршанием камыша отозвался Лесь со своего места, многозначительно приподняв тёмные брови.

— Обойдётся, — жёстко, как отрезала, выдала вещая, даже не оборачиваясь в его сторону и всё ещё слишком отчётливо помня его вчерашний вероломный поступок на кухне с ложкой.

Несмотря на всю пугающую и завораживающую глубину ночного откровения лешего, когда он без утайки показал ей свой истинный облик Нави, этот парень всё ещё оставался для неё капризным, невыносимо самодовольным и совершенно непредсказуемым существом. *«Было бы в разы проще, оставайся он всегда самим собой — тем самым чудовищем из коры и сосновых веток, — тихо ворчала она про себя, собирая вещи в сумку перед скорым отъездом на станцию. — По крайней мере, тогда бы я чисто по-человечески не отвлекалась на этот его слащавый маскарад».* Хозяин Чёрного леса ведь сам вчера открыто признался ей у окна, что использует свой красивый мужской облик ради того, чтобы манипулировать поведением наивных людей. А значит — и ей в том числе. Именно к такому жёсткому, логичному выводу Мира пришла вчера, ворочаясь на кровати и размышляя над его словами добрую половину

ночи. Верить Лесному царю до конца было нельзя, даже если его извинения звучали до боли искренне.

Сев вечером на последнюю воскресную электричку, девушка без приключений вернулась в душный город. Пока подруга дорабатывала свою тяжёлую смену, ведьма на скорую руку прибралась в их скромной однушке и приготовила сытный домашний ужин. Алина вернулась, когда за окном уже прочно воцарилась глухая городская темнота, разбавляемая лишь неоновыми огнями вывесок.

— Просто с ног валюсь, — тяжело, со вздохом выдохнула блондинка, устало стягивая кроссовки прямо в прихожей.

— Как дела в заведении? — Мира мягко перехватила у неё из рук увесистый пластиковый пакет из супермаркета.

— Целый день бегала как заведённая, — без сил плюхнулась та на кухонный стул. — Была полная рассадка, менеджер лютвала. ... Думала, там и останусь среди грязных тарелок.

Раз уж подруге теперь жизненно необходимо было каждые выходные кататься в глухую деревню ради Изнанки, девчонки договорились: она берёт на себя все отработки и вечерние смены посреди недели, а Лина пашет по субботам и воскресеньям. Такой график всех устраивал.

— У тебя самой-то как дела в твоей глуши прошли? — спросила девушка, внимательно следя за каждым ленивым движением подруги.

— Да потихоньку, — доставая продукты из пакетов, начала та максимально обыденным тоном. — От деда осталась небольшая, полуразвалившаяся хижина посреди чащи. Мы с братом просто разгребаем там завалы хлама. Нужно сделать генеральную уборку, чтобы хотя бы примерно оценить реальный масштаб всей этой наследственной катастрофы.

Пока что её придуманное алиби про «дедовское наследство» и бумажную волокиту работало просто безупречно. До столь скучных, приземлённых бытовых мелочей уставшей Лине, к счастью, не было никакого дела.

— Видела Леся? — вдруг с затаённым, живым любопытством спросила блондинка, хитро прищурившись.

— Ну... видела, мельком, — отстранённо, подчёркнуто сухо ответила подруга, чтобы сразу же пресечь любые попытки свести их кухонный разговор к этому невыносимому Лесному царю. — Он из своего лесничества почти никогда не выходит, дикарь дикарём. Да и у меня, если честно, там без него забот выше крыши хватало, со Всеволодом возилась.

— Ой, ладно тебе ворчать. Короче, обязательно передай ему при следующей встрече, что билеты на нашу студвесну уже официально у меня на руках, — начала Лина гораздо веселее, сияя от предвкушения. — Так что мы с огромным нетерпением будем ждать его на наш праздничный концерт в университете. Пусть только попробует не приехать!

— И вот сдался же он тебе? — круто повернулась к ней ведьма с нескрываемым, суровым упреком в голосе. — Ты ведь этого парня видела только один раз в жизни и совершенно его не знаешь. А вдруг он на самом деле какой-нибудь маньяк?

— Знаешь, от такого потрясающего похитителя я бы точно не отказалась, — ехидно, мечтательно улыбнулась девушка, подпирая щеку ладонью.

— Ты просто сама придумала в своей голове идеальный образ, какой он благородный и прекрасный, — раздражённо бубнила себе под нос Мира, принимаясь ожесточённо тереть губкой чистую тарелку. — И меня теперь во всю эту романтическую хренотень впутываешь.

Она слишком хорошо, до мельчайших ощущений на коже помнила, каков этот «благородный принц» на самом деле, когда сбрасывает свой очеловеченный морок. Трёхметровое существо из коры и оленьих рогов, с полыхающими зелёными глазами, — идеальный кандидат для девичьих грёз, ничего не скажешь.

— Тебе жалко любимой подруге помочь, что ли? — соорив уморительно милую, обиженную мордашку, обратилась Лина. — Или подожди... Вы, ребята, случаем, не скрываете от меня чего-то? Почему ты так остро на него реагируешь?

Девушка резко встала из-за стола и порывисто шагнула к подруге, подозрительно прищуриваясь и пытаясь поймать её взгляд.

— Вы же с ним... не встречаетесь тайно? — спросила она с явным, нарастающим подозрением.

— Не выдумывай глупостей! — жёстко, как отрезала, недовольно буркнула Мира, ожесточённо протирая столешницу. — Мне такой капризный, самодовольный манипулятор и даром не нужен. Даже если бы он остался последним мужчиной на этой планете.

Вещая сделала короткую паузу, оборачиваясь и прямо, строго заглядывая девушке в глаза.

— И вообще, — чуть подалась она корпусом вперёд, переходя в контратаку. — Ты мне клялась в прошлый раз, что больше в жизни не поведёшься на смазливую мордашку. И что я, интересно, вижу прямо сейчас?

— Ну, может, это любовь с первого взгляда? — виновато, обезоруживающе улыбнулась юлондинка, смешно пожимая плечами. — Сердцу ведь, как говорится, не прикажешь... Поэтому в твоих же интересах поскорее нас с ним свести. Кто ж знал, что этот твой нелюдимый лесник окажется таким стойким к женскому обаянию?

— А может, это просто твои хваленые чары прохутились? — беззлобно, с лёгким смешком поддела её Мира, наконец усмехнувшись и немного расслабляясь.

— Вот оттого эта игра становится только в сто раз интереснее! — мгновенно воодушевилась и увереннее начала та, взмахнув руками. — Вот увидишь, Яковлева: он влюбится в меня до полного беспамятства, и тогда я перестану тебя доносить своими расспросами.

— А по-моему, чем быстрее ты поймёшь, что у таких, как он, просто нет сердца, тем счастливее и спокойнее свою жизнь проведёшь, — на удивление тихо и спокойно ответила ведьма, поворачиваясь спиной к подруге и лицом к дымящейся на плите кастрюле. Она говорила это без злости, скорее с глубоким, ведьмачьим знанием суровой изнанки Нави. — Ешь давай, пока всё тёплое.

Лина лишь весело фыркнула и потянулась за вилкой. Она понятия не имела, насколько буквально прозвучали слова девушки об отсутствии сердца у Хозяина леса.

Когда они наконец легли спать и в комнате воцарилась ночная тишина, ведьма долго ворочалась с боку на бок, лихорадочно перебирая мысли в голове. Мирно сопящая рядом подруга всё никак не давала ей покоя: *«Это какие-то чары лешего так туманят её разум, или она действительно просто втюрилась в его идеальный морок?»*

— *Спать сегодня собираешься?* — внезапно пронзил её сознание знакомый бархатный голос. — *Или ты решила проигнорировать наши ночные тренировки?*

Девушка в моменте остро вздрогнула всем телом, сильнее прижимая к себе одеяло. Она никак не ожидала услышать его прямо сейчас, слишком глубоко погрузившись в свои личные переживания.

— *Много чести,* — привычно ехидно мысленно отозвалась она, стараясь, чтобы её голос звучал как можно безразличнее. — *Просто сон почему-то не идёт.*

— *О чём ты так тревожишься в своей бетонной коробке?* — спросил он непривычно мягко, и в её венах поползло знакомое лесное тепло.

— *Да есть тут один наглый жук,* — говорила Мира чуть раздражённо, — *и минуты покоя мне не даёт. Лезет куда не просят. Просто напасть какая-то на мою голову...*

Парень на той стороне ментального моста довольно фыркнул.

— Ну, разве не так обычно ведут себя маньяки? — тихо усмехнулся он, возвращая ей её же дневную реплику.

— Опять подслушивал! — яростно зашипела она, зажмурив глаза.

— Если бы ты была чуть более внимательна к себе, то без труда бы заметила моё присутствие, — мягко, размеренно объяснял он. — Тебе нужно больше практики, чтобы никто посторонний больше никогда не смог проникнуть в твой ведьмачий контур и прочесть мысли. А пока ты слаба, я лично буду за это отвечать.

— Как же это удобно, — усмехнулась девушка ехидно, поражённая масштабами его запредельного лицемерия. — Красиво прикрывается заботой, когда сам бесчинствует в моей голове.

— Я не прикрываюсь, Мира, — удивительно мягко, глубоко отозвался он, лишая свой тон всякой издёвки. — Мне действительно нужно заботиться о своей ведьме. Пока она окончательно не окрепнет и не станет достаточно сильной, чтобы уметь самостоятельно давать отпор. Я ведь обещал тебе быть рядом.

Его слова заставили девушку внутренне вздрогнуть. Снова он говорил пугающе двусмысленно, нарушая её психологические барьеры, и это её начинало уже не на шутку злить и выбивать из колеи.

— Неужели ведьмы — настолько лакомый кусочек для Изнанки? — ехидно, с вызовом отозвалась та. — Боишься, что из-под носа уведут?

В воздухе между городом и Чёрным лесом вдруг повисла долгая, тяжёлая и неловкая пауза. Она приготовилась искренне ожидала услышать в ответ какое-нибудь очередное едкое, саркастичное замечание, но его упорно не следовало.

— Ты права, — наконец глухо и серьёзно подал голос Лесь. — Твоя крада только-только раскрывается в Яви. Для голодных суседей похитить чистую, нестабильную силу ведьмы в такой момент — проще, чем отобрать конфету у младенца. Они летят на твоё тепло, будто дикие пчёлы, почуявшие аромат редкого цветка...

— А ты у нас, значит, в роли «Дихлофоса»? — ехидно перебила его девушка, не удержавшись от язвительного сравнения с популярным ядом для насекомых. — Сидишь в моей голове как отпугиватель для паразитов? Опрыскал мороком территорию и ждёшь, пока все болотные пчёлы в ужасе разлетятся?

Парень на секунду опешил от такого дикого урбанистического термина, а затем в её сознании взорвался его искренний, оглушительный и раскатистый хохот, заставивший что-то внутри пульсировать горячими искрами. Лесной царь явно оценил её иронию.

— Пусть так, — донёсся его довольный, бархатный голос. — Пока ты в безопасности, можешь называть меня как угодно.

Мира надолго задумалась, глядя в темноту потолка: «Если этот невыносимый чёрт говорит мне правду, значит, все дикие духи и сущности вокруг на подсознательном уровне чувствуют его тяжёлое присутствие рядом со мной? Поэтому они и не приближаются?» Всеволод ведь тоже с тревогой говорил ей, что скорая встреча с голодными тенями Нави неизбежна, если она находится за пределами Чёрного леса. «Так он поэтому приходил ко мне в университет и ресторан в прошлый раз? — лихорадочно размышляла девушка, и её сердце пропустило робкий удар. — Чтобы оставить свой лесной «запах» и след магии рядом ещё и физически, в мире людей?» Перед глазами ведьмы непроизвольно всплыл тот самый истинный образ лешего, который он показал ей на заимке: «Интересно, а как его первородную энергетику ощущают другие, более мелкие суседи?» Учитывая то давление, что она сама видела и физически чувствовала тогда у окна, для других духов изнанки он должен быть сродни грозному, неоспоримому божеству.

— О чём ты так напряжённо задумалась? — вновь мягко вернул её в реальность глубокий голос Лесь, уловивший колебания мыслей через зарок крови.

— *А не станет ли твоё постоянное присутствие рядом ещё более масштабной проблемой для моей городской жизни?* — вдруг осторожно спросила она, и в её мысленном тоне прозвучала редкая, беззащитная искренность. Она задавала этот вопрос будто и не ему вовсе, а самой себе. — *Если рядом с обычной, ещё толком ничего не умеющей ведьмой круглосуточно ошивается лесной бог, разве это не вызовет у Изнанки ещё большего, опасного любопытства?*

Парень на минуту замолчал, глубоко размышляя. Он явно не ожидал, что эта строптивая городская девчонка столь глубоко и зрело проникнется законами Нави и начнёт беспокоиться о балансе их сил. В его вековой груди снова разлилось то самое хвойное, успокаивающее тепло.

— *Ни о чём не беспокойся, Вещая,* — ментально коснулся её растревоженного сознания баюкающий голос Хозяина тайги. И девушка вдруг отчётливо, наяву почувствовала, как по её телу разливается густая, умиротворяющая волна покоя, будто от прикосновения большой и тёплой руки к макушке. — *Пока Велесов зарок связывает нас, никто и никогда в обоих мирах не посмеет тебя тронуть. Спи.*

Под действием этого лесного морока тяжёлые веки Миры стали плавно, послушно смыкаться, а параноя и страхи мегаполиса окончательно отступили. На этот раз Лесь не стал утягивать её дух на изнурительные тренировки в Окол Нави, позволив своей уставшей ведьме погрузиться в глубокий, исцеляющий сон без всяких сновидений.

На следующий день Мира и Лина, воспользовавшись своими привилегиями, официально отпросились с оставшихся пар. Так как обе девушки состояли в студенческом совете факультета, для репетиций и организации масштабных внутренних праздников активистам такое регулярно и охотно позволяли. В их учебной группе ребята все были дружными и отзывчивыми, поэтому позже без проблем одолжить и списать конспекты лекций не представляло равным счётом никакой проблемы. Весь этот душный день девушки провели в просторном актовом зале главного корпуса, усердно репетируя танец, который до этого учили то отдельно, то по коротким видео в чате. Студенты, в качестве живого символа своих факультетов, часто выбирали тематику номеров, максимально близкие к их будущим специальностям. И в этот раз, по иронии судьбы, подруги участвовали в большом танцевальном номере в образах славянских мифических девиц — речных нимф и лесных русалок.

— Это уже точно никакое не совпадение, — глухо, со сжатыми зубами бубнила ведьма себе под нос, поправляя подол юбки, — а самое настоящее родовое проклятье... Макошь надо мной просто в открытую издевается.

Всю прошлую неделю она латала реальных русалок и Хозяина глубин, а теперь была вынуждена изображать их театральную версию перед университетской сценой Яви.

— Чего ты там опять ворчишь, Яковлева? — устало спросила Лина, без сил сидя прямо на полу сцены и отчаянно пытаясь отдышаться после тяжёлой проходки.

Большая группа девушек только-только закончила изматывающую репетицию финальной части номера. Вокруг шумели другие студенты, настраивали звуковую аппаратуру и перекивались организаторы.

— Да просто так, — отозвалась подруга отстранённо, вяло отмахиваясь ладонью и утирая пот со лба. — Говорю, когда весь этот безумный ад уже наконец-то закончится? Силы на исходе.

— Молодость-то у нас всего одна, — весело, задорно улыбалась раскрасневшаяся блондинка, подтягивая колени к груди. — Нужно по максимуму наполнить её яркими, ценными воспоминаниями, чтобы в старости не было мучительно жалко за серые годы.

— Ну, это же ещё не значит, что ради этих воспоминаний нужно упухиваться на сцене до полуобморока... — продолжала тихо ворчать девушка, тяжело и прерывисто дыша.

На самом деле, если говорить честно, Мира всегда охотно, с большим интересом участвовала во всех творческих и организаторских мероприятиях университета. Ей нравилась эта

живая студенческая суета, но вот чрезмерную физическую нагрузку и кардио-тренировки её организм откровенно не любил. Лина на это её привычное ворчание лишь довольно, понимающе усмехнулась, качая головой.

Девушки быстро переоделись в гримёрной и разошлись. Вещая отправилась на очередную вечернюю смену в ресторан, а уставшая подруга поехала домой — разгребать накопившуюся домашку к зачётам. На работе сегодня было относительно спокойно, гостей в зале оказалось немного, поэтому настроение у всех работников оставалось на удивление приподнятым до самого закрытия. После смены они с Максом вместе пошли по тёмной улице. Парень увлечённо делился воспоминаниями о том, какой кавардак творился здесь на выходных, пока девушка была в деревне. Они весело обсуждали последние новости заведения, и напарник с огромным удовольствием выступал в роли главной ресторанной сплетницы, пересказывая все драмы и слухи.

Когда ведьма наконец зашла домой, было уже совсем темно. Скинув куртку, она поймала себя на странной, тревожной мысли: леший за весь этот бесконечный день ни разу не дал о себе знать через их зарок крови. *«Случилось что в Чёрном лесу?»* — невольно размышляла она, разуваясь. — *«Или он просто решил дать мне передышку?»*

— Ну как? Без происшествий сегодня сдали смену? — спросила Лина, как раз выходя из ванной после душа и вытирая волосы полотенцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.